

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

«Наука»

Москва

2016

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

А. В. Бондарко д. ф. н., чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. А. Виноградов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН; Тбилисский университет

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зав. отделами: А. С. Кулева, А. В. Кухто, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

© Российская академия наук, 2016

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2016

© ФГУП «Академиздатцентр «Наука», 2016

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNA NIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

2

MARCH — APRIL

«Nauka»

Moscow

2016

Editor-in-chief:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editor:

Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. Vakhitin European University at St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. Apresjan Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. Boguslavsky Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Aleksandr V. Bondarko Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitriy O. Dobrovol'skij Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
 Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia
 Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA
 Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
 Ekaterina V. Rakhilina National Research University «Higher School of Economics»; Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
 Viktor A. Vinogradov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Mariia D. Voeikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff:

Anna S. Kuleva, Anton V. Kukhto, Zoya Yu. Petrova

Managing editor:

Nataliia V. Gannus

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia
 Telephone: +7 (495) 637-25-16
 E-mail: voprosy@mail.ru
 Website: <http://vja.ruslang.ru>
<http://issuesinlinguistics.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец (Москва). Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка.....	7
С. М. Толстая (Москва). Питание и воспитание в зеркале славянской лексики.....	22
О. Инькова (Женева). К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: <i>не только... но и</i>	37
Е. Л. Вилинбахова (Санкт-Петербург). Сопоставительные тавтологии в русском языке.....	61
В. М. Бухаров (Нижний Новгород), О. В. Байкова (Киров). Язык немецкого национального меньшинства вятского региона: статус и перспективы развития.....	75

Из истории науки

В. Г. Кузнецов (Москва). К столетию публикации «Курса общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра.....	90
---	----

Критика и библиография

Обзоры

А. А. Бонч-Осмоловская (Москва). Предсказания, большие данные и новые измерители: о возможностях технологий компьютерной лингвистики в теоретических лингвистических исследованиях.....	100
---	-----

Рецензии

И. М. Богуславский (Москва). <i>Е. В. Падучева</i> . Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013.....	121
Н. М. Стойнова (Москва). <i>F. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze</i> (eds). <i>Borrowed morphology</i> . Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.....	127
Н. Н. Казанский (Санкт-Петербург). <i>A. Bartolotta</i> (ed.). <i>The Greek verb. Morphology, syntax, and semantics. Proceedings of the 8th International meeting on Greek linguistics</i> . Agrigento, October 1—3, 2009. Lovain-la-Neuve: Peeters, 2014.....	132

Научная жизнь

К. А. Иванова (Москва), С. В. Краснощекова (Санкт-Петербург). Международная конференция «Проблемы онтолингвистики — 2015: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции».....	140
А. И. Коган (Москва). Международная конференция «Язык. Общество. История науки. К 70-летию чл.-корр. РАН В. М. Алпатова».....	148
Д. П. Кирьянов (Москва), Л. М. Пивоварова (Хельсинки). Международная конференция «Новые направления в квантитативных лингвистических исследованиях»...	152

CONTENTS

Ekaterina V. Rakhilina, Yakov G. Testelets (Moscow). Charles Fillmore's legacy and modern theoretical linguistics	7
Svetlana M. Tolstaya (Moscow). Nutrition (<i>Pitanije</i>) and nurture (<i>vospitanije</i>) in the light of the Slavic lexicon	22
Olga Inkova (Geneva / Moscow). Towards the description of multiword connectives in Russian: <i>ne tol'ko... no i</i> 'non only... but also'	37
Elena L. Vilinbakhova (St. Petersburg). Coordinated tautologies in Russian	61
Valeriy M. Bukharov (Nizhny Novgorod), Olga V. Baykova (Kirov). The language of German national minority in Vyatka region: Status and perspectives	75

Heritage

Valeriy G. Kuznetsov (Moscow). The centenary of Ferdinand de Saussure's «Cours de linguistique générale»	90
--	----

Bibliography. Reviews

Overviews

Anastasia A. Bonch-Osmolovskaya (Moscow). Predictors, big data and new measuring: The impact of computational linguistics on linguistic theory	100
--	-----

Reviews

Igor M. Boguslavsky (Moscow / Madrid). <i>E. V. Paducheva</i> . Russkoe otritsatel'noe predlozhenie [Russian negative sentence]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013 ...	121
Natal'ya M. Stoinova (Moscow). <i>F. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze</i> (eds). Borrowed morphology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015	127
Nikolai N. Kazanskij (St. Petersburg). <i>A. Bartolotta</i> (ed.). The Greek verb. Morphology, syntax, and semantics. Proceedings of the 8 th International meeting on Greek linguistics. Agrigento, October 1—3, 2009. Lovain-la-Neuve: Peeters, 2014	132

Academic life

Kira A. Ivanova, Sofia V. Krasnoshchekova (St. Petersburg). International conference «Problems of ontolinguistics — 2015: Mechanisms of language acquisition and development of speech competence»	140
Anton I. Kogan (Moscow). International conference «Language. Society. History of science. On the 70 th anniversary of V. M. Alpatov, corresponding member of the RAS»	148
Denis P. Kirjanov (Moscow), Lidia M. Pivovarova (Helsinki). International conference «New developments in the quantitative study of languages»	152

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Ч. ФИЛЛМОРА И СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА*

© 2016 г. **Екатерина Владимировна Рахилина^{а, б, в},
Яков Георгиевич Тестелец^{б, г, д}**

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация; ^б Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Российская Федерация; ^в Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125267, Российская Федерация; ^г Московский педагогический государственный университет, Москва, 109240, Российская Федерация; ^д Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; ^е rakhilina@gmail.com

Статья посвящена вкладу Ч. Филлмора в современную лингвистику. В ней обсуждаются идеи Филлмора, которые на много лет вперед определили ее развитие — падежная грамматика, пресуппозиция и дейксис, фреймы, теория грамматики конструкций.

Ключевые слова: грамматика конструкций, дейксис, композиционность, падежная грамматика, пресуппозиция, семантические роли, фрейм, Ч. Филлмор

CHARLES FILLMORE'S LEGACY AND MODERN THEORETICAL LINGUISTICS

Ekaterina V. Rakhilina^{а, б, в}, Yakov G. Testelecs^{б, г, д, е}

^а National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russian Federation;

^б Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation; ^в Russian State University for the Humanities, Moscow, 125267, Russian Federation;

^д Moscow Pedagogical State University, 109240, Russian Federation; ^е Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; ^ф rakhilina@gmail.com

The paper addresses Charles Fillmore's contribution to modern linguistics. We discuss Fillmore's fundamental ideas such as Case Grammar, presupposition, deixis, frame, compositionality, Construction Grammar, which have significantly influenced its current development.

Keywords: Case Grammar, Charles Fillmore, compositionality, Construction Grammar, deixis, frame, presupposition, semantic roles

Введение

Деятельность Чарльза Филлмора (9.08.1929—13.02.2014) заняла более полувека, на протяжении которых научные представления о языке изменялись, пожалуй, не в меньшей степени, чем за 500 лет до того изменялись представления в географии, и Филлмор принадлежал к числу крупнейших лингвистов-первооткрывателей. Его влияние выходит далеко

* В данной научной работе использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г. Работа была поддержана грантом РНФ №14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира» 2014–2016 гг.

Авторы благодарят Ю. Л. Кузнецову, с которой обсуждались некоторые разделы этой статьи.

за пределы круга непосредственных учеников и последователей — например, в российской лингвистике начиная с посвященных Филлмору статей Ю. С. Мартемянова [1970] и Н. Д. Арутюновой [1973] до нынешнего времени он остается одним из самых влиятельных и часто цитируемых зарубежных авторов. На каждом этапе научной карьеры он выдвигал новые фундаментальные идеи, каждая из которых сохраняет свое значение. При этом ему не приходилось радикально менять взгляды: Филлмор как бы знал заранее, в каком направлении будет развиваться его область науки.

Филлмор как теоретик находился в меньшинстве и не пытался вписаться в популярные тренды — у него получалось идти своим путем, всегда чуть-чуть опережая свое время. Можно сказать, что этот «маршрут» привел его к грамматике конструкций. А можно — что он выбрал конструкции как объект исследования с самого начала, а потом, когда пришло время, сформулировал некоторые свои идеи, интуитивно ясные для него с самого начала. Удача состояла в том, что его (в сущности, тихий) голос всегда был слышен в общем лингвистическом хоре. Очевидно, впрочем, что здесь сыграла роль не только удача: сами идеи были нестандартны и привлекательны для многих.

1. От теории трансформаций к «падежной грамматике»

Как почти все американские лингвисты его поколения, Филлмор начинал как генеративист, и первая же его большая работа [Fillmore 1963] остается одним из самых значительных достижений в истории формальных подходов к языку. В первой версии генеративного синтаксиса [Chomsky 1957] не было ответа на вопрос, каким образом трансформация применяется к предложению, в котором не одна, а несколько вложенных одна в другую составляющих удовлетворяют ее условиям. Проблема была вскоре обнаружена и получила наименование «правила уличного движения» (traffic rule problem). Ответ, ставший с тех пор общепринятым, был получен Филлмором: при наличии такого выбора грамматические правила действуют *ц и к л и ч е с к и*. Это означает, что если одно или несколько правил применимы одновременно к двум или более составляющим (например, предложениям), вложенным одна в другую, то вначале все правила применяются к наименьшей составляющей, к которой они могут быть применены, на следующем шаге — к наименьшей составляющей, содержащей в себе предыдущую, и т. д., пока не будут пройдены все единицы, удовлетворяющие условиям правила.

Открытие Филлмора так или иначе отразилось во всех последующих теоретических вариантах генеративизма и его ответвлений — например, в минималистском синтаксисе Хомского начиная с 1990-х гг. цикличность встроена в сам процесс синтаксической деривации: трансформация может изменить структуру составляющей только до того момента, когда она становится «строительным блоком» в составе другой, объемлющей составляющей.

В середине 1960-х гг. Филлмор, оставаясь еще в рамках генеративизма, стал искать решение вечной проблемы теории грамматики — отчего основные понятия, такие, например, как «подлежащее» или «глагол», как будто подразумевают некоторое значение, но в то же время семантически не являются? В 1968 г. он опубликовал классическую работу «Дело о падеже» ([Fillmore 1968], с каламбуром в оригинальном заглавии: «The case for case»), в которой была предложена оригинальная версия порождающей грамматики, радикально отличающаяся не только от «расширенной стандартной теории» тех лет [Chomsky 1965], но и от всех последующих версий генеративизма. У Хомского синтаксическая структура на любом уровне определяется в терминах чисто синтаксических единиц — фразовых и терминальных категорий. Филлмор предложил использовать для глубинного уровня семантические или, скорее, квазисемантические объекты — семантические роли («глубинные падежи», как он их называл): агенс, пациенс, экспериенцер, цель, место и некоторые другие, а также задающий их глагольный предикат. «Смыслы падежей образуют набор универсальных, возможно, врожденных, понятий, идентифицирующих некоторые типы суждений,

которые человек способен делать о событиях, происходящих вокруг него» [Fillmore 1968], цит. по [Филлмор 1981: 405].

Филлмор пришел к идее «глубинных падежей», пытаясь преодолеть недостатки префиксальной нотации предикатов, принятой в логической семантике, когда упорядоченное множество переменных, соответствующих аргументам предиката, записывается в скобках после имени предиката: выражение $P(a)$ соответствует одноместным предикатам, например, прилагательному *голодный* или глаголу *исчезать*, выражение $P(a, b)$ — двухместным, например, прилагательному *довольный* или глаголу *любить*, а $P(a, b, c)$ — трехместным, например, глаголам *связывать* или *сообщать*. С помощью этой нотации невозможно сформулировать грамматические обобщения, затрагивающие семантические классы аргументов, например, ответить на вопрос, какие элементы «обмениваются» синтаксическими ролями прямого и косвенного дополнений в английских диатезных преобразованиях типа (1):

(1) *He blamed the accident on me* ↔ *He blamed me for the accident* ‘Он обвинил меня в происшествии’ или ролями подлежащего и прямого дополнения в конверсивах типа (2):

(2) *He strikes me as a fool* ↔ *I regard him as a fool* ‘Я считаю, что он дурак’ и т. п.

Филлмор нашел способ определять тождество или различие семантических функций аргументов независимо от их синтаксической функции и, соответственно, от места в списке переменных при скобочной записи.

Он предположил, что набор глубинных падежей универсален и что некоторые общие закономерности могут быть сформулированы в их терминах. Например, с помощью иерархии глубинных падежей

(3) агенс (A) > инструмент (I) > объект (O)

можно объяснить выбор подлежащего и прямого дополнения при разных значениях английского глагола *open* ‘открывать(ся)’: в этих функциях могут выступать только аргументы, занимающие высшее положение на иерархии (3):

- (4) a. O *The door opened* ‘Дверь открылась’;
 b. AO *I opened the door* ‘Я открыл дверь’;
 c. IO *The key opened the door* ‘Ключ открыл дверь’;
 d. AIO *I opened the door with the key* ‘Я открыл дверь ключом’.

Обнаруженный Филлмором принцип, согласно которому у одного предикатного слова не может быть двух аргументов с одной и той же семантической ролью (за исключением симметричных предикатов типа *поссориться*, *быть похожим* или *быть рядом*, где сходство не ограничивается совпадением роли и два участника вовлечены в ситуацию полностью одинаково) лежит в основе устройства словаря в любом языке, принцип настолько фундаментальный и воспринимаемый как нечто само собой разумеющееся, что лингвистам трудно было обратить на него внимание. После работы Филлмора этот принцип в содержательно близкой форме был принят в генеративной грамматике («тета-критерий» [Chomsky 1981: 36]) и в лексико-функциональной грамматике («взаимно-однозначное соответствие между функциями и аргументами» [Bresnan 2001]).

Как отмечает Г. Карлсон, трудно указать на другую закономерность, которая бы в такой же степени ограничивала возможные значения глаголов: «...ограничение на единственность возникает из необходимости индивидуализировать события, то есть иметь возможность говорить, сколько событий происходит одновременно в некотором пространстве» [Carlson 1998: 37]. Возможно, речь идет о фундаментальной когнитивной стратегии, которая проявляется не только в языке, — использовать признаки со взаимоисключающими значениями (в данном случае признаком является роль, а возможными значениями — участниками ситуации).

Главная заслуга Филлмора состояла не в открытии семантических ролей: приоритет тут принадлежит Дж. Груберу [Gruber 1965] и А.-Ж. Греймасу [Greimas 1966]; в те же годы аппарат ролей был, по-видимому, независимо разработан Ю. Д. Апресяном [1968] и В. Г. Гаком [1969]¹. Особый вклад Филлмора заключался в том, что он впервые предложил модель грамматики и словаря, в которой единицы описания непосредственно соотнесены с основными элементами повседневного человеческого мышления, структурирующими базовый опыт.

Работа Филлмора имела огромный успех, хотя и не того рода, на который рассчитывал автор. Он полагал, что нашел способ изображения грамматической структуры, наглядно связывающий ее с семантикой слова и предложением, — пусть и несовершенный, но все-таки более адекватный, чем чисто синтаксический язык «расширенной стандартной теории», и что генеративная грамматика должна двигаться дальше по этому пути. Вскоре почти все влиятельные теоретические направления, включая мейнстримный генеративизм, стали использовать аппарат семантических или, как их чаще теперь называют, тематических ролей (thematic roles, th-roles)² как в с п о м о г а т е л ь н ы й теоретический механизм ([Chomsky 1981]; работы по аргументной структуре [Grimshaw 1990; Dowty 1989; 1991; Jackendoff 1990; Ackerman, Moore 2001; Hale, Keyser 2001] и др.). Огромный прогресс синтаксической типологии начиная с 1970-х гг. ([Dixon 1979; Comrie 1981; Кибрик 1979] и др.) не представим без влияния этой работы Филлмора. Однако никто из теоретиков не принял роли как о с н о в н о й язык репрезентации семантической или синтаксической структуры: для этих задач, как вскоре убедился и сам Филлмор, они были слишком грубым и неточным инструментом. На неизбежность перехода от анализа с помощью ролей к более тонкому конструкционному подходу пронциательно указал С. Д. Кацнельсон в своих заметках о работе Филлмора, так как, например, в предложении

(5) *Ключ открыл дверь,*

которое соответствует английскому примеру Филлмора (4с), скрыта семантика успешного действия 'Ключ подошел к двери', и она не следует ни из роли инструмента, ни из статуса подлежащего [Кацнельсон 1988].

К началу 1970-х гг. Филлмор отошел от генеративной лингвистики и до конца жизни оставался ее оппонентом. Как он говорил, в языке его всегда больше всего занимал вопрос о соотношении формы и значения, а решения этого вопроса, которые предлагались в порождающей грамматике, не удовлетворяли Филлмора ни тогда, ни впоследствии. И глубинные структуры «расширенной стандартной теории», и семантически отредактированный синтаксис «логической формы» представлялись ему слишком далекими от значения, а популярные

¹ Греймас в своей работе опирался на получившую к тому времени мировое признание работу В. Я. Проппа «Морфология сказки» [1928]. Пропп показал, что сюжеты фольклорных волшебных сказок сводимы к ограниченной последовательности событий и к фиксированному множеству типовых персонажей, или «функций» — протагониста (главного героя), антагониста (его противника), дарителя и т. п. Метод Проппа мог повлиять и на других авторов идеи. Трудно вспомнить другой такой случай, когда теория и применяемый в ней метод анализа вначале предлагались бы в литературоведении и затем — в лингвистике.

² В генеративной грамматике термин «тематическая роль» вытеснил термин «семантическая роль», потому что она остается, как и у Филлмора, особым с и н т а к с и ч е с к и м отношением между аргументом, выраженным именной группой, и предикатным словом. Для обозначения с е м а н т и ч е с к о й функции иногда используется термин «тематическое отношение» (thematic relation). Так, в предложении *Девочка вернула книгу* именная группа *девочка* выражает тематические отношения агенса и источника, однако синтаксически значимым аргументным отношением (тета-ролью) в данном случае является только роль агенса. Обстоятельственные (адьюнктные) именные группы выражают тематические отношения времени, места, условия и т. п., но не имеют тета-ролей, так как не являются аргументами предикатного слова. Тета-роли иногда определяют как такие тематические отношения, которые связаны с определенными позициями в синтаксической структуре [Baker 1988; Carnie 2006].

формальные теории соотношения семантики и грамматики — чрезмерно упрощенными. В противовес преобладающему взгляду на значение предложения в духе логико-семантической традиции как на множество условий его истинности Филлмор стремился придать научный смысл более «наивному» пониманию значения как понятия в сознании говорящего, соответствующего такому же понятию в сознании адресата; он называл эти два подхода, соответственно, «внешней» и «внутренней» семантикой [Fillmore 1977].

Знакомство с синтаксисом Л. Теньера [Tesnière 1959], состоявшееся в те же годы, как пишет Филлмор в автобиографии, убедило его в том, что «невозможно одновременно изобразить функциональные отношения, соединяющие слова в предложении, линейный порядок слов в соответствии с последовательностью их произнесения и объединения слов в фонологически интегрированные группы» [Fillmore 2012: 708]. Несмотря на то, что Филлмор признал необходимость структур зависимостей, основным способом записи синтаксической структуры для него все-таки оставались составляющие: во-первых, потому что в английском языке в терминах зависимостей нельзя разграничить глагольную группу и предложение — а важность глагольной группы как способа наименования типичных ситуаций (*eating meat* ‘есть мясо’, *parking a car* ‘парковать машину’...) была для него очевидной, и, во-вторых, потому что фразовые составляющие необходимы для приписывания интонационных контуров [Ibid.: 709].

2. На пути к когнитивной семантике: пресуппозиция и дейксис

С начала 1970-х гг. Филлмор стал работать в университете Беркли (Калифорния), где в те годы сложился кружок известных лингвистов и психологов: Д. Слобин, Э. Рош, Дж. Лакофф, У. Чейф, П. Кей, Дж. Гамперц, отчасти П. Грайс и др. Они пытались разработать основы единой когнитивной науки, в которой удалось бы преодолеть границу между языковыми и понятийными структурами, неизбежную при принятии постулатов лексикализма и интерпретирующей семантики, отстаиваемых сторонниками Хомского.

В 1970-е гг. Филлмора заинтересовало лингвистическое содержание понятий пресуппозиции и ассерции [Fillmore 1971; 1985]. Для логиков важнейшим в определении пресуппозиции является тест на сферу действия отрицания: ассерция — то, что подпадает под отрицание, а пресуппозиция — нет; ср. хрестоматийные примеры типа *не нашел свои очки*: ‘не верно, что нашел’ (это ассерция, которая, по определению, подпадает под отрицание), но при этом ‘искал’ (это презумпция, она не отрицается). По отношению к естественно-языковому материалу такое определение явно недостаточно — это убедительно показывает филлморский анализ знаменитых пар *land vs. ground* ‘земля’ и *shore vs. coast* ‘берег’ [Fillmore 1982; 1985]. Так, английское земля-*land* противопоставлена воде (ср. русск. *суша*), тогда как земля-*ground* (по-русски — только *земля*, но не *суша*) противопоставлена воздуху. Это противопоставление встроено в семантику лексем и отражается в их языковом поведении и разной интерпретации сходных конструкций: если речь идет о птице, которая *spends its life on the land*, это значит, что птица никогда не плавает, а если о птице, которая *spends its life on the ground* — значит, она не летает. Этот фоновый семантический контекст — background context, как его называет сам Ч. Филлмор [Fillmore 1982: 120], — содержит очень существенную для понимания семантики данных лексем информацию. Она не утрачивается ни при (опосредованном для имен) действии отрицания, ни в контексте других операторов и фактически представляет ясный и живой пример лингвистической презумпции в отношении неотрицаемых выражений, которых в языке довольно много. Из логического конструкта, полученного в результате действия одного частного оператора, пресуппозиция и ассерция в этом расширенном понимании превращается в важнейший инструмент (коммуникативной) организации семантической информации в толковании.

Одна из наиболее известных работ Филлмора — шесть «санта-крусских лекций о дейксисе», прочитанных в 1971 и опубликованных в 1975 г. [Fillmore 1975b; 1997], значительно стимулировала исследования в области прагматики, которая занимается соотношением

языковых форм и контекста высказывания. Открытие новой дейктической категории произошло при исследовании глагольного дейксиса, проблемы различий между английскими *come* и *go*; первые публикации датируются 1960-ми гг. [Fillmore 1969], ср. также [Fillmore 1983]. В семантике этих глаголов, помимо движущегося субъекта, исходной и конечной точки движения, «обнаружился» говорящий, или его двойник — «viewer», «observer», ср. также термин «vantage point»; русским аналогом для этих терминов можно считать понятие «наблюдателя» (введенное Ю. Д. Апресяном, см. ниже), который «следил» за движением либо из его начальной, либо из его конечной точки, и, в зависимости от этого, ситуация лексикализовалась либо глаголом *go*, либо глаголом *come*. Соответственно, для этих и подобных им глаголов предикатная структура включает в себя не только «глубинные падежи», но и дополнительного участника — наблюдателя. Наблюдатель не только не «глубинный падеж», но и вне противопоставления презумпции и ассерции, он имеет принципиально другой статус, но так же как и остальные участники, влияет на поверхностную организацию предикатной конструкции. В свое время эта идея Филлмора широко обсуждалась и уточнялась, ср. например, типологическое исследование [Wilkins, Hill 1995] и цитируемую там литературу, так что в целом понятие наблюдателя утвердилось в мировой лингвистике.

Наибольшее и наиболее самостоятельное развитие оно получило в Московской семантической школе. В пионерской работе Ю. Д. Апресяна [1986] обсуждалось, в частности, взаимодействие этого типа дейктической информации с грамматическими значениями. Еще раньше [Апресян 1980] ученый ввел в лингвистический обиход примеры типа *дорога неожиданно повернула* с не статичным, как у Филлмора, а движущимся наблюдателем, как бы идущим по дороге и отслеживающим изменения ее траектории. Другой его знаменитый пример — *на дороге оказалась всадник* — с обязательным для успешности высказывания «обычным» наблюдателем-зрителем, расширил круг «дейктических» предикатов. Его идеи затем развивались — прежде всего, в работах Е. В. Падучевой (ср. [Падучева 1996]), в том числе при исследовании конструкции с родительным субъекта и объекта под отрицанием (см. [Падучева 1997] и ее последующие работы на эту тему).

Эффект присутствия говорящего-наблюдателя обсуждался и для предметных имен — для пространственных контекстов типа *перед — за*. В этих исследованиях было выявлено свойство некоторых имен, которое «гасит» дейктичность: речь идет о признаке, который в работах Ю. Д. Апресяна (например, [Апресян 1969; 1974: 110] со ссылкой на термин Ч. Филлмора ‘лицо’) получил название «фасадность». Соответствующие имена (*дом, буфет, диван* и подобные) пространственно асимметричны: они имеют разные торцовые поверхности — функциональную лицевую, т. е. фасадную, и заднюю, нефасадную. Физические свойства этих поверхностей могут быть тождественны — несимметричность им обеспечивает фиксированная позиция воображаемого наблюдателя, готового использовать данный объект по его назначению, ср.: *перед домом* = ‘с функциональной (т. е. для такого фиксированного наблюдателя — лицевой, фасадной, наблюдаемой) стороны’ vs. *за домом*, т. е. ‘с нефасадной, «не видной» наблюдателю-пользователю задней стороны’.

По-видимому, понятие наблюдателя пока недооценено как практический инструмент лингвистического описания. С теоретической точки зрения это громадный шаг вперед от анализа изолированного предложения к его контекстной, дискурсивной интерпретации.

3. От глубинных падежей к фреймам

Исследуя глубинные падежи, Филлмор вышел на новый уровень обобщения, обнаружив, что стандартные типы ситуаций могут быть определены как совокупности падежей. Эти совокупности Филлмор назвал «падежными рамками» (case frames): например, рамка агенс-инструмент-объект задает тип ситуации «совершённого изменения» (caused change; *Я закрутил гайку ключом*), объект-путь-цель — «событие передвижения» (motion event; *Вода протекла сквозь отверстие в полу в помещение склада*), а экспериенцер-содержание — событие восприятия (*Вы запомнили тот случай*). Постепенно стало ясно, что «рамки», или

фреймы не всегда объединяют участников ситуаций, которые можно назвать «единым событием». Об этом свидетельствует пример Филлмора:

- (6) *Today I finally replaced that bicycle that got stolen a year ago.*
 ‘Сегодня я наконец нашел замену велосипеду, который был украден год назад’.

Велосипед, украденный год назад, не может быть частью ситуации-события, которое произошло сегодня, в том смысле, в каком участие в ситуации необходимо для наделения семантической ролью. Однако велосипед — неотъемлемый участник целого сценария, или нарратива, который стоит за данным употреблением глагола *replace* ‘находить замену’. Филлмор предложил не определять фреймы в терминах ролей, а наоборот, принять фреймы в качестве исходных понятий, а ситуации с различными наборами участников определять в терминах фреймов. Типичным примером фрейма является «торговое событие», в котором *покупатель покупает товар* от *продавца*, который *продает* его за *деньги*, образующие *цену*, которую *платят* и которая представляет собой то, что *товар стоит* и то, что покупатель должен *потратить*. Слова, выделенные курсивом, образуют группу и определяют друг друга в составе фрейма. Выбор того или иного слова зависит от принимаемой говорящим *перспективы*, или точки зрения на событие [Fillmore 1977].

В серии статей, начиная с «Альтернативы списочным теориям значения» [Fillmore 1975a] и заканчивая «Фреймами и семантикой понимания» [Fillmore 1985], Филлмор предложил теорию фреймовой семантики, которая остается одной из основ когнитивной лингвистики.

С 1994 г. Филлмор занимался главным образом проектом компьютерной лексикографии FrameNet Международного института компьютерных наук в Беркли. Проект ставит целью создание онлайн-словаря нового типа, связанного с электронным корпусом, в котором группы слов организованы вокруг фреймов. Проекты FrameNet сейчас охватывают материал китайского, английского, немецкого, японского, испанского и португальского языков. За 18 лет работы детально исследованы более тысячи фреймов, и результат этой работы доступен на www.framenet.icsi.berkeley.edu.

Связь проекта с корпусом неслучайна: любая статья Филлмора представляла новый нестандартный материал, и факты занимали его больше, чем абстрактные построения. Поэтому так естествен был его энтузиазм в наступившую корпусную эпоху [Fillmore 1992]: оценив новые возможности, он еще до старта FrameNet’a принял участие в корпусных словарных проектах [Fillmore, Atkins 1992; 1994] и позже [Lowe et al. 1997] — и таким образом, здесь опять «старые» теоретические разработки Филлмора соединились с «новыми», причем прикладными.

Хотелось бы обратить внимание и на еще один вектор развития филлморских идей этого времени. Его можно назвать лексической или семантической типологией [Майсак, Рахилина 2007; Kortievskaia-Tamm 2008], но в 2000 г., когда вышла статья [Fillmore, Atkins 2000], этого термина, пожалуй, еще не было.

Между тем на самом деле эта маленькая десятистраничная статья, построенная всего лишь как описание английского глагола (*crawl* ‘ползти’) в сравнении с его французским эквивалентом (*ramper*), предлагает ясный алгоритм лексико-типологических исследований, основанный на сопоставлении фреймов: поиск когнитивно значимых фреймов-ситуаций, к которым применим глагол одного языка, но не другого, позволяет сделать общие выводы о разнице в их семантике.

Так, оба рассмотренных в статье глагола описывают движение насекомых и беспозвоночных, человеческое ползание (намеренное), растущие растения, распространяющиеся по поверхности, и человеческое подхалимство. Однако именно *ramper* (но не *crawl*) используется для крадущихся котов, корней растений, тумана и производных метафор (сомнения, страхи, темнота) — для некоторых из этих контекстов в английском используется *creep*. Напротив, во французском для ползущего ребенка предпочтительнее *marcher à quatre pattes* ‘двигаться на четвереньках’, для ползающих существ — *grouiller*, для людей, которые исследуют что-л. — *fouiller partout* ‘шарить повсюду’ и т. д. Таким образом, сравнение серии

ситуаций-фреймов дает нам представление о том, что прототипы у английского и французского глаголов разные: французское ползание гораздо более контактно, чем английское, которому достаточно контакта поверхности с конечностями. Этот вывод подтверждает и простой эксперимент: когда носителя английского попросили изобразить ситуацию 'ползти' рукой, перемещая ее на столе, он передвигал ее, перемещая пальцы («рука-паук»). Франкоязычный носитель перемещал прижатую к столу ладонь, а за ней и всю руку («рука-змея»).

Развивая эту простую идею, лексические типологии всего лишь оттачивают технику, расширяя как количество исследуемых зон, так и число языков [Рахилина, Резникова 2013].

4. Грамматика конструкций

Сегодня связанная с именем Ч. Филлмора теория — грамматика конструкций (или Construction Grammar, сокращенно СхG³) — хорошо известна в лингвистическом сообществе: библиография насчитывает уже многие сотни работ (см., например, на сайте www.constructiongrammar.org), раз в два года проводится большая международная конференция, регулярно выходят журналы «Constructions» и «Constructions and Frames», ведущие издательства выпускают монографии и сборники, посвященные различным вариантам СхG (например, [Croft 2001; Fried, Östman 2004; Fried, Boas 2005; Goldberg 1995; 2006; Östman, Fried 2005; Tomasello 2003] и др.; на русском языке см. [Рахилина 2010]). СхG предлагает концепцию практически универсального лингвистического инструмента, который удобен и при построении грамматик, и при составлении словарей, и в типологии, и при обучении иностранному языку, и в работе с детской речью, и в прикладных разработках, связанных с автоматическим анализом текста. Очевидна связь СхG с традициями Московской семантической школы, о чем см. подробнее в [Рахилина, Плунгян 2010]. Несомненно влияние СхG на замысел и повестку дня регулярных конференций «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», проводимых Институтом лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге.

Манифестом СхG стала статья [Fillmore et al. 1988], в которой был провозглашен разрыв Филлмора и его соавторов — П. Кея и К. О'Коннор — с тем, что было там названо а т о м и с т и ч е с к и м и моделями языка. Атомистический взгляд на природу сложных языковых единиц, характерный для порождающей грамматики и родственных ей теорий, предполагает, что любое предложение может быть полностью разделено на отрезки, представляющие собой составляющие допустимого вида, соединенные с помощью стандартных правил и обладающие значением, полностью выводимым из значений их частей (в конечном счете — значений отдельных слов, которые хранятся в словаре). Все, что не укладывается в эту схему, например идиоматика, рассматривается при атомистическом подходе как приложение к словарю.

Филлмор и его соавторы, не отрицая, что в языке есть «центр» — небольшое число регулярных правил, в соответствии с которыми сложные формы строятся из простых, а их значения выводятся из значений простых в соответствии с принципом композиционности, предложили сделать предметом лингвистической теории огромную языковую «периферию» — множество разнообразных конструкций, которые традиционно или относят к фразеологии, или игнорируют. Многие периферийные конструкции оказываются продуктивными и четко структурированными (ср. понятие «микросинтаксиса», введенное Л. Л. Йомдиным [2008]), но для понимания их грамматической структуры и семантики атомистические модели, ориентированные на «центр» грамматики, почти ничего дать не могут. Поскольку «периферия» несравнимо сложнее и разнообразнее «центра», адекватность любой модели грамматики должна в первую очередь определяться тем, насколько она применима к «периферии». Примеры периферийных конструкций в английском языке [Fillmore et al. 1988]:

³ Дополнительная буква *x* объясняется тем, что сокращение CG уже занято категориальной грамматикой (Categorical Grammar), известным способом формального представления языковых структур.

- (7) a. *He's not even 18, let alone 21.*
‘Ему нет даже 18, не то что 21 года’.
- b. *Why not fix it yourself?*
‘Почему тебе самому не починить?’
- c. *One more and I'll leave.*
‘Давай еще одну, и я уйду’.
- d. *The more you watch the less you know.*
‘Чем больше смотришь, тем меньше понимаешь’.
- e. *Him be a doctor?*
‘Неужели он врач?’

Ср. явления аналогичного типа в русском языке:

- (8) a. *Спорь не спорь, ничего не изменится.*
- b. *Негде спать* [Апресян, Иомдин 1989].
- c. *Мне все равно лететь.*
- d. *Решили так решили.*
- e. *Дергали-дергали дверь, из сил выбились* [Плунгян, Рахилина 2010].
- f. *И разгорожены они хорошо если фанерой.*
- g. *Мы не буржуи электрическую энергию зря жечь.*
- h. *Его что, не позвали?*
- i. *Весь город только и говорит, что об этой истории.*
- j. *Треугольники поставлены вершина на вершину.*
- k. *Что ни стихотворение, то шедевр.*

Для всех предложений (7—8) характерно, во-первых, что они не могут быть построены с помощью стандартных правил синтаксической деривации и сложения значений, а вторых, что они тем не менее представляют собой вполне регулярные модели, не привязанные к конкретным знаменательным словам. Такие регулярные модели Филлмор и его соавторы назвали *формальными* и *идиоматическими*, а все языковые единицы, которые невозможно построить с помощью регулярных правил из более мелких единиц, — *конструкциями*. Конструкция понимается как целостный знак, ее структурные аспекты неразложимы. Конструкция *S*, по определению, — пара, состоящая из формы и значения $\langle F, S \rangle$, такая, что некоторый аспект *F* или некоторый аспект *S* не выводимы регулярным образом из свойств элементов, входящих в *S* или из свойств других конструкций⁴.

В качестве конструкций могут рассматриваться языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и значением, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения — в рамках *SxG* есть работы, описывающие дативные, каузативные, залоговые, предложные, приставочные конструкции и т. д. Лексемы — тоже конструкции особого рода, они отличаются от синтаксических конструкций меньшей внутренней сложностью и наличием сегментной фонологической формы.

В статье было показано, что формальные идиомы для своего описания требуют более сложную и изощренную грамматическую модель, чем та, что требуется для описания сравнительно простых и единообразных «центральных» конструкций. Где следует поместить такую модель? В словаре?.. Но сложная модель может справиться и с «центральными»

⁴ Определение конструкции, таким образом, предполагает, что есть некий достаточно простой способ отличать регулярные правила композиции элементов и их значений от нерегулярных, — что далеко не очевидно.

конструкциями, которые представляют главный интерес «атомистических» теорий. В таком случае, — задают авторы риторический вопрос — зачем нужны простые «атомистические» модели грамматики типа «вычислительной системы» Хомского?.. Из сказанного Филлмор и его соавторы делают последовательный вывод и упраздняют различие грамматики и словаря — различие, с осознания которого тысячелетия назад, возможно, и началась лингвистическая наука.

В статье на примере английского *let alone*, что можно примерно перевести на русский фраземами *не говоря уж(е) о...*, *не то что...*, авторы продемонстрировали, как, с их точки зрения, должен проводиться анализ конструкции в качестве единицы грамматического описания.

С и н т а к с и ч е с к и компонент *let alone* связывает две равноправные единицы (А и В) и задает соотношение между ними. Однако для появления всего этого комплекса в тексте необходим еще один элемент (С), отрицающий пропозицию в подчиненном предложении, ср., например, *I doubt 'я сомневаюсь'*:

(9) *I doubt (C) he made colonel (A) let alone general (B).*

‘Я сомневаюсь, что он стал полковником, не говоря уж о генерале’.

С е м а н т и ч е с к и конструкция с *let alone* подразумевает шкалу, на которой расположены варианты развития событий, причем первая пропозиция (А) представляет более слабое предположение, чем второе (В). Следовательно, ее семантику можно описать приблизительно так: ‘каковы бы ни были наши причины сомневаться в истинности А, причины не верить в В еще более серьезны’.

С п р а г м а т и ч е с к о й точки зрения здесь отвергается более слабое предположение, чем то, в котором заинтересован говорящий, — и как следствие, пропозиция, о которой идет речь (‘он является генералом’), отвергается с большей силой, чем если бы она оказалась в сфере действия простого отрицания.

На примере *let alone* авторы детально прослеживают взаимосвязь синтаксических, семантических и прагматических свойств компонентов конструкции. Цельность, единство конструкции как языкового знака, иначе говоря, то, что объяснение одного класса свойств, т. е. ограничений одного уровня, невозможно без обращения к другим уровням, является центральной идеей всей теории СхG.

В первую очередь это означает отрицание автономности языковых уровней. Структура не может быть построена, пока и если не удовлетворены все разноуровневые ограничения на нее. Более того, очень часто невозможно формулировать ограничения на компоненты конструкции, делая это последовательно, для каждой переменной отдельно, потому что взаимосвязанность компонентов разных уровней предполагает, что свойства одного компонента выбираются в з а в и с и м о с т и от каждого из остальных.

Другое важное следствие — в том, что вся поверхностная структура в конечном счете оказывается мотивированной: именно семантика определяет ее состав и наполнение, поскольку главное в каждой конструкции — это значение. Парадокс, однако, состоит в том, что согласно теории СхG это значение не складывается непосредственно из значений составляющих единиц и синтаксических связей между ними, как того требует принцип композиционности в том прямом и строгом смысле, в котором его представляли себе логики — Г. Фреге или Р. Монтегю (см. также [Partee 1995; Богуславский 1996]). Оно образуется не простой суммой, а сложным взаимодействием множества свойств отдельных компонентов. Образно говоря, конструкция похожа на сложенный пазл или решетку sudoku, в которых целое предстает как неделимое, но одновременно и как собранное из отдельных фрагментов: и значение целого, и значение каждого отдельного фрагмента зависимо от серий параметров многих других частей.

Понятно, что такого рода языковые единицы должны быть специфичны для конкретного языка, но одновременно они и универсальны — в том смысле, что пронизывают весь и всякий естественный язык. По представлению теоретиков СхG, простые конструкции

запоминаются целиком, так что, вообще говоря, было бы правильно для каждого языка создавать не только словарь слов, но и словари конструкций⁵.

Успех СxG с ее призывом принять сложность языка, использовать сильные описательные механизмы и отказаться от химерической, по мнению ее сторонников, цели свести все многообразие фактов всех языков к ограниченному числу простых принципов (наподобие того, как это происходит с объяснением явлений природы в естественных науках) вполне закономерен и связан с разочарованием в результатах амбициозных редуционистских проектов — порождающей грамматики и функционализма. У двух последних есть только то общее, что они пытаются установить простые фундаментальные закономерности, скрывающиеся за поверхностным многообразием языковых явлений. СxG предлагает признать такую постановку задачи в целом бесперспективной, хотя и не отказывается от некоторых обобщений, претендующих на универсальность. К числу таких относятся, например, предложенные А. Гольдберг принципы, регулирующие интеграцию значений лексем со значениями синтаксических конструкций. Так, «гипотеза о причинности (Causal Relation Hypothesis)» гласит, что значение глагола и значение конструкции должны быть интегрированы с использованием отношения причины и следствия. Английское предложение (10a) правильно, потому что движение мухи — причина звука, а (10b), использующее ту же конструкцию с другим глаголом, — нет, потому что совпадение движения и звука случайно [Goldberg 1995: 62–65]:

- (10) а. *The fly buzzed out of the window.*
 ‘Муха, жужжа, вылетела (букв.: «выжужжала») из окна’.
- б. **The bird chirped out of the cage.*
 ‘Птица, щебеча, вылетела (букв.: «выщебетала») из клетки’.

Впрочем, периферийные конструкции и «формальные идиомы» даже в самых хорошо изученных языках представляет собой в основном неисследованное поле. Поэтому, возможно, Филлмор и его соавторы поторопились с утверждением, что на этом материале невозможны столь же простые, элегантные и глобальные обобщения, которые сделаны на материале «центральных» конструкций, — ведь пока почти никто и не пытался такие обобщения искать. Можно, например, предположить, что своеобразие многих «формальных идиом» отчасти объясняется тем, что в них задействованы простые фонологические и морфологические механизмы, которые сравнительно редко обнаруживают себя в «центральном» синтаксисе, например, редупликация фонетических слов (11), в том числе компаративная редупликация *все дальше и дальше* и т. п.

- (11) *X так X; X как X; всем X-ам X; X есть X; X-то X; X такой X; X не X, а...*

Отказ от универсальных обобщений и принципиальная допустимость любых разноуровневых зависимостей — главная мишень критики противников СxG. Они утверждают, что не все межуровневые взаимодействия реально наблюдаются, — например, явления сегментной фонетики чувствительны к синтаксической структуре, но синтаксис никогда не зависит от сегментной фонетики. Грамматика конструкций, допуская ничем не ограниченное разнообразие языков, не может объяснить факт быстрого усвоения любого языка ребенком и, в частности, усвоения связанной с конструкциями негативной информации [Lidz, Williams 2009; Adger 2012]. Для генеративистов невозможность усвоения ребенком части свойств конструкций на основе имеющегося input’a означает, что конструкции вообще не усваиваются, — что не удивительно, так как, с их точки зрения, конструкция — эпифеномен, который усваивать и не нужно. Будущее покажет, в какой мере СxG с ее установкой на сложность и разнообразие сможет предъявить результаты, которые бы лишили эту критику убедительности.

⁵ Ср. здесь проект «Construction», представляющий именно такой словарь для английского языка в рамках проекта FrameNet.

Исследовательская программа Ч. Филлмора всегда соответствовала его главному убеждению и основополагающей интуиции — что структура языка определяется семантикой. Значение, по Филлмору, определяет структуру на всех уровнях — начиная с морфем, слов, неоднословных фразеологизмов и заканчивая принципами построения предложений и текстов самого разного типа, т. е. того, что называется дискурсивной семантикой. Филлмор, однако, не пошел по пути лингвистов, которые пытались представить значение таким образом, чтобы его структура по возможности соответствовала грамматической структуре. Он был убежден, что язык не только на поверхностный взгляд кажется сложным, но и в самом деле является таковым. Возможно, в ближайшие десятилетия этот спор в том или ином виде получит свое разрешение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1968 — Апресян Ю. Д. Об экспериментальном толковом словаре русского языка. Вопросы языкознания. 1968. № 5. С. 34—49. [Apresjan Y. D. On the experimental explanatory dictionary of the Russian language. *Voprosy jazykoznanija*. 1968. No. 5. Pp. 34—49.]
- Апресян 1969 — Апресян Ю. Д. О языке для описания значений слов // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. № 5. С. 415—428. [Apresjan Yu. D. On the language for describing word meanings. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1969. No. 5. Pp. 415—428.]
- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. [Apresjan Yu. D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of language]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Апресян 1980 — Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Wiener slawistischer Almanach. Sonderband I. 1980. [Apresjan Yu. D. Types of information for surface syntactic component of the Meaning ↔ Text Model. *Wiener slawistischer Almanach. Sonderband I*. 1980.] (перезд.: Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 1995. С. 8—101.)
- Апресян 1986 — Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М.: ВИНТИ, 1986. С. 5—33. [Apresjan Yu. D. Deixis in lexicon and grammar and the naive model of the world. *Semiotika i informatika*. No. 28. Moscow: All-Union Institute of Scientific and Technical Information, 1986. Pp. 5—33.] (перезд.: Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 1995. С. 629—650.)
- Апресян, Иомдин 1989 — Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л. Конструкции типа НЕГДЕ СПАТЬ: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика. Вып. 29. М.: ВИНТИ, 1989. С. 34—92. [Apresjan Yu. D., Iomdin L. L. Constructions of the type NEGDE SPAT' 'no place to sleep': syntax, semantics, lexicography. *Semiotika i informatika*. No. 29. Moscow: All-Union Institute of Scientific and Technical Information, 1989. Pp. 34—92.]
- Арутюнова 1973 — Арутюнова Н. Д. Вопросы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 117—124. [Arutyunova N. D. Problems of syntax and semantics in Ch. Fillmore's works. *Voprosy jazykoznanija*. 1973. No. 1. Pp. 117—124.]
- Богуславский 1996 — Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М.: Языки русской культуры, 1996. [Boguslavsky I. M. *Sfera deistviya leksicheskikh edinits* [Scope of lexical units]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Гак 1969 — Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) // Арутюнова Н. Д. (ред.). Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969. [Gak V. G. A problem of syntactic semantics (semantic interpretation of «deep» and «surface» structures). *Invariantnye sintaksicheskie znacheniya i struktura predlozheniya*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Nauka, 1969.]
- Иомдин 2008 — Иомдин Л. Л. В глубинах микросинтаксиса: один лексический класс синтаксических фразем // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (Диалог'2008). Труды Международной конференции. Бекасово, 4—8 июня 2008 г. Вып. 7(14). М.: РГГУ, 2008. С. 178—184. [Iomdin L. L. Deep in microsyntax: A lexical class of syntactic phrasemes. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii (Dialog'2008)*. *Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii*. Bekasovo, June 4—8, 2008. No. 7 (14). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2008. Pp. 178—184.]

- Кацнельсон 1988 — Кацнельсон С. Д. Заметки и о падежной теории Ч. Филлмора // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 110—117. [Katsnel'son S. D. Notes on Ch. Fillmore's case theory. *Voprosy jazykoznanija*. 1988. No. 1. Pp. 110—117.]
- Кибрик 1979 — Кибрик А. Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1979. Т. 38. № 4. [Kibrik A. E. The subject and the problem of the universal model of language. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literaturny i yazyka*. 1979. Vol. 38. No. 4.] (переизд.: Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992.)
- Майсак, Рахилина 2007 — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. [Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds). *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Aqua-motion verbs: Lexical typology]. Moscow: Indrik, 2007.]
- Мартемьянов 1970 — Мартемьянов Ю. С. Порождение предложений и исследование лексики (о работе Ч. Филлмора «The case for case») // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М.: МГПИИЯ им. Мориса Тореза, 1970. С. 201—217. [Martem'yanov Yu. S. Sentence generation and the study of lexicon (about «The case for case» by Ch. Fillmore). *Mashinnyi perevod i prikladnaya lingvistika*. No. 13. M.: Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages, 1970. Pp. 201—217.] (переизд.: Мартемьянов Ю. С.. Логика ситуаций. Структура текста. Терминологичность слов. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 602—616.)
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya* [Semantic investigations]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 1997 — Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 111—116. [Paducheva E. V. The genitive case of the subject: Syntax or semantics? *Voprosy jazykoznanija*. 1997. No. 2. Pp. 111—116.]
- Плунгян, Рахилина 2010 — Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Тушат-тушат — не потушат: грамматика одной глагольной конструкции // Рахилина Е. В. (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 83—95. [Plungian V. A., Rakhilina E. V. Tušat-tušat — ne potušat: The grammar of a verb construction. *Lingvistika konstruktiv*. Rakhilina E. V. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2010. Pp. 83—95.]
- Пропп 1928 — Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. [Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of the folk tale]. Leningrad: Academia, 1928.]
- Рахилина 2010 — Рахилина Е. В. (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. [Rakhilina E. V. (ed.). *Lingvistika konstruktiv* [Construction linguistics]. Moscow: Azbukovnik, 2010.]
- Рахилина, Плунгян 2010 — Рахилина Е. В., Плунгян В. А. Ю. Д. Апресян как теоретик грамматики конструкций // Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.) Слово и язык. Сб. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 548—557. [Rakhilina E. V., Plungian V. A. Yu. D. Apresjan as a theoretician of Construction Grammar. *Slovo i yazyk. Sb. k 80-letiju akad. Yu. D. Apresjana*. Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds) Moscow: Yazyki Slavjanskoj Kul'tury, 2010. Pp. 548—557.]
- Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3—31. [Raxilina E. V., Reznikova T. I. Frame-based approach to lexical typology. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 2. Pp. 3—31.]
- Филлмор 1981 — Филлмор Ч. Дело о падеже // Звегинцев В. А. (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 369—495. [Fillmore Ch. The case for case. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Zvegintsev V. A. (ed.). No. X. Moscow: Progress, 1981. Pp. 369—495.]
- Ackerman, Moore 2001 — Ackerman F., Moore J. *A Theory of argument structure*. Stanford: CSLI, 2001.
- Adger 2012 — Adger D. Constructions and grammatical explanation. *Queen Mary's occasional papers advancing linguistics*. 2012. Vol. 26. Pp. 1—14.
- Baker 1988 — Baker M. *Incorporation: A theory of grammatical function changing*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1988.
- Bresnan 2001 — Bresnan J. *Lexical-functional syntax*. Oxford: Blackwell, 2001.
- Carnie 2006 — Carnie A. *Syntax: A generative introduction*. Oxford: Blackwell, 2006.
- Carlson 1998 — Carlson G. Thematic roles and event individuation. *Events and grammar*. Rothstein S. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1998. Pp. 35—51.
- Chomsky 1957 — Chomsky N. *Syntactic structures*. The Hague: Mouton, 1957. (русс. пер.: Хомский Н. Синтаксические структуры // Звегинцев В. А. (ред.). Новое в лингвистике. Вып. II. М.: Прогресс, 1962.)
- Chomsky 1965 — Chomsky N. *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge (MA): The MIT Press, 1965. (русс. пер.: Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1972.)

- Chomsky 1981 — Chomsky N. *Lectures on government and binding. The Pisa lectures*. Dordrecht: Foris, 1981.
- Comrie 1981 — Comrie B. *Language universals and linguistic typology*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1981.; 2nd ed., 1989.
- Croft 2001 — Croft W. *Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- Dixon 1979 — Dixon R. M. W. Ergativity. *Language*. 1979. Vol. 55. No. 1. Pp. 59–138.
- Dowty 1989 — Dowty D. R. On the semantic content of the notion ‘thematic role’. *Properties, types and meaning*. Chierchia G., Partee B. H., Turner R. (eds). Dordrecht: Kluwer, 1989. Pp. 69–129.
- Dowty 1991 — Dowty D. R. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. Vol. 67. No. 3. Pp. 547–619.
- Fillmore 1963 — Fillmore Ch. J. The position of embedding transformations in a grammar. *Word*. 1963. Vol. 19. Pp. 208–231.
- Fillmore 1968 — Fillmore Ch. J. The case for case. *Universals in linguistic theory*. Bach E., Harms R. (eds). New-York: Harper and Row. 1968. Pp. 1–88. (русск. пер.: Ч. Филлмор. Дело о падеже // Филлмор Ч. Дело о падеже // Звегинцев В. А. (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.)
- Fillmore 1969 — Fillmore Ch. J. Types of lexical information. *Studies in Syntax and Semantics*. Kiefer F. (ed.): Dordrecht: Reidel. 1969. Pp. 109–137.
- Fillmore 1971 — Fillmore Ch. J. Verbs of judging: an exercise in semantic description. *Studies in Linguistic Semantics*. Fillmore Ch. J., Langendoen D. T. (eds). New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. Pp. 272–289.
- Fillmore 1975a — Fillmore Ch. J. An alternative to checklist theories of meaning. *Proceedings of the First annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Cogen C., Thompson H., Wright J. (eds). Berkeley: Berkeley Linguistics Society. 1975. Pp. 123–131.
- Fillmore 1975b — Fillmore Ch. J. *Santa Cruz lectures on deixis*. Bloomington (IN): Indiana Univ. Linguistics Club, 1975.
- Fillmore 1977 — Fillmore Ch. J. The case for case reopened. *Syntax and Semantics*. Vol. 8. Cole P., Sadock J. M. (eds). New-York: Academic Press, 1977. Pp. 59–81.
- Fillmore 1982 — Fillmore Ch. J. Frame semantics. *Linguistics in the morning calm*. Papers prepared for the 1981 Seoul International conference on linguistics. Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. Pp. 111–137.
- Fillmore 1983 — Fillmore Ch. J. How to know whether you’re coming or going. *Essays on deixis*. Rauh G. (ed.). Tübingen: Narr, 1983. Pp. 219–227.
- Fillmore 1985 — Fillmore Ch. J. Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica*. 1985. Vol. 6. No. 2. Pp. 222–254. (русск. пер.: Фреймы и семантика понимания // Петров В. В., Герасимов В. И. (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988.)
- Fillmore 1992 — Fillmore Ch. J. «Corpus linguistics» vs. «Computer-aided armchair linguistics». *Directions in corpus linguistics*. Proceedings from a 1991 Nobel symposium on corpus linguistics. Stockholm: Mouton de Gruyter, 1992. Pp. 35–66.
- Fillmore 1997 — Fillmore Ch. J. *Lectures on deixis*. Stanford: CSLI, 1997.
- Fillmore 2012 — Fillmore Ch. J. Encounters with language. *Computational Linguistics*. 2012. Vol. 38 (4). Pp. 701–718.
- Fillmore, Atkins 1992 — Fillmore Ch. J., Atkins B. T. S. Towards a frame-based lexicon: The semantics of RISK and its neighbors. *Frames, fields and contrasts*. Lehrer A., Kittay E. F. (eds). Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 1992. Pp. 75–102.
- Fillmore, Atkins 1994 — Fillmore Ch. J., Atkins B. T. S. Starting where the dictionaries stop: The challenge for computational lexicography. *Computational approaches to the lexicon*. Atkins B. T. S., Zampolli A. (eds). Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. Pp. 349–393.
- Fillmore, Atkins 2000 — Fillmore Ch. J., Atkins B. T. S. *Polysemy: Theoretical and computational approaches*. Leacock Y. and C. (eds). Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. Pp. 91–110.
- Fillmore et al. 1988 — Fillmore Ch. J., Kay P., O’Connor C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of *let alone*. *Language*. 1988. Vol. 64. Pp. 501–538.
- Fried, Boas 2005 — Fried M., Boas H. C. (eds). *Grammatical constructions: Back to the roots*. Amsterdam: John Benjamins, 2005.
- Fried, Östman 2004 — Fried M., Östman J.-O. (eds). *Construction grammar in a cross-language perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2004.

- Goldberg 1995 — Goldberg A. E. *A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — Goldberg A. E. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Greimas 1966 — Greimas A.-J. *Sémantique structurale*. Paris: Larousse, 1966.
- Grimshaw 1990 — Grimshaw J. *Argument structure*. Cambridge (MA): The MIT Press, 1990.
- Gruber 1965 — Gruber J. S. *Studies in lexical relations*. Ph. D. dissertation. MIT, 1965.
- Hale, Keyser 2001 — Hale K., Keyser S. J. *Prolegomenon to a theory of argument structure*. Cambridge (MA): The MIT Press, 2001.
- Jackendoff 1990 — Jackendoff R. *Semantic structures*. Cambridge (MA): The MIT Press, 1990.
- Koptievskaja-Tamm 2008 — Koptjevskaja-Tamm M. Approaching lexical typology. *From polysemy to semantic change: A typology of lexical semantic associations*. Vanhove M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 3—52.
- Lidz, Williams 2009 — Lidz J., Williams A. Constructions on holiday. *Cognitive Linguistics*. 2009. Vol. 20. No. 1. Pp. 177—189.
- Lowe et al. 1997 — Lowe J. B., Baker C. F., Fillmore Ch. J. A frame-semantic approach to semantic annotation. *Proceedings of the SIGLEX workshop «Tagging text with lexical semantics: Why, what, and how?»* held April 4—5, in Washington, D. C., USA in conjunction with ANLP-97. 1997. Pp. 18—24.
- Östman, Fried 2005 — Östman J.-O., Fried M. (eds). *Construction grammars: Cognitive grounding and theoretical extensions*. Amsterdam: John Benjamins, 2005.
- Partee 1995 — Partee B. H. Lexical semantics and compositionality. *Invitation to cognitive science. Part I: Language*. Gleitman L., Liberman M. (eds). Cambridge (MA): The MIT Press, 1995. Pp. 311—360.
- Tesnière 1959 — Tesnière L. *Eléments de syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck, 1959. (русск. пер. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.)
- Tomasello 2003 — Tomasello M. *Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 2003.
- Wilkins, Hill 1995 — Wilkins D. P., Hill D. When *go* means *come*: Questioning the basicness of basic motion verbs. *Cognitive linguistics*. 1995. Vol. 6. No. 2/3. Pp. 209—256.

Статья поступила в редакцию 20.09.2015.

ПИТАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

© 2016 г. Светлана Михайловна Толстая

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация;
smtolstaya@yandex.ru

В статье рассматривается семантическая структура нескольких славянских лексико-этимологических гнезд, в которых представлены как значения, относящиеся к питанию, пище, кормлению, так и значения из области воспитания, взращивания (*pitati, *kъrmiti, *xovati, *godovati, *gojiti, *xorniti, *pasti, *bergti, *stergti). Понятие воспитания, метафорически и метонимически производное от понятия кормления, может развиваться не только на основе мотива кормления, питания ребенка (*pitati, *kъrmiti), но и на основе мотива кормления, вскармливания, разведения домашних животных (*xovati, *godovati, *gojiti, *pasti). Оно может быть также основано на мотиве защиты, опеки, поддержания жизни, основной для гнезд *bergti, *stergti, *pasti, *xorniti, *xovati и вторично присущей также остальным лексическим единицам.

Ключевые слова: взращивание, воспитание, кормление, лексическая семантика, опека, питание, пища, семантическая реконструкция, славянские языки

NUTRITION (*PITANIJE*) AND NURTURE (*VOSPITANIJE*) IN THE LIGHT OF THE SLAVIC LEXICON

Svetlana M. Tolstaya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation;
smtolstaya@yandex.ru

The paper considers the semantic structure of several Slavic lexical-etymological clusters, which include meanings relating to nutrition, food, feeding, and meanings of the field of nurture and education at the same time (*pitati, *kъrmiti, *xovati, *godovati, *gojiti, *xorniti, *pasti, *bergti, *stergti). The notion of education, metaphorically and metonymically derived from the concept of feeding, can develop both on the basis of the motive of child nutrition (*pitati, *kъrmiti) and on the basis of the motive of feeding or breeding domestic animals (*xovati, *godovati, *pasti). It may also be based on the semantics of protection, care, life-sustaining, which is inherent primarily for clusters *bergti, *stergti, *pasti, *xorniti, *xovati and secondarily to other lexical units.

Keywords: care, education, feeding, food, lexical semantics, nutrition, semantic derivation, semantic reconstruction, Slavic languages

Хотя вынесенные в заглавие русские слова церковнославянского происхождения, широко употребительные в современном узусе, относятся к совершенно разным понятийным сферам, семантическая связь между ними для носителя русского языка устанавливается без особого труда. *Питание* в основном своем значении — *nomen abstractum* от каузативного (по отношению к глаголу *естъ*) глагола *питать*. Поскольку питание является условием поддержания жизни, оно предполагает заботу о том, на кого направлено действие. Прежде всего имеются в виду дети, которых родители до определенного возраста кормят и воспитывают, т. е. вскармливают не только физически, но и умственно и духовно. Следовательно, понятие воспитания метафорически или, скорее, метонимически производно от понятия кормления-питания. Людям приходится заботиться не только о своем потомстве, но и о поддержании жизни домашних животных (прежде всего скота), поэтому лексика питания

и воспитания-взращивания применительно к людям и животным имеет много общего, хотя имеет место и тенденция их разграничения (например, слова *кормить*, *корм* во многих славянских языках применяются только к скоту). Семантическая связь между понятиями питания-кормления и воспитания-взращивания потомства (как человека, так и домашних животных) прослеживается не только в лексике гнезда **pitati*, но и в ряде других этимологических гнезд, где также представлено сочетание «пищевых» и «воспитательных» значений; причем, как правило, эти гнезда обнаруживают и другие общие значения, неотделимые от понятия поддержания жизни (прежде всего значения 'охранять, беречь, защищать' и далее — 'пестовать, следить, ухаживать' и т. п.). Рассмотрим последовательно материал разных гнезд и попытаемся определить место интересующих нас значений в соотношении с другими значениями в разных славянских языках и диалектах.

1. **pitati*. Для праславянского реконструируется несколько типов глагольных основ этого гнезда: помимо *a*-основы **pitati* (*se*), это ятевый глагол **pitěti* (*se*): ст.-слав. *питѣннѣ*, др.-русск. *питѣти* (*сѧ*), *питѣннѣ*, русск. ц.-слав. *питѣюся* «ращу в неге»: «Отроча *питѣющеся*» [САР, 4: 821], затем атематический глагол ***pisti* (← *pit-ti*), представленный страдательным причастием *pitomъ* (болг., макед., серб.-хорв., словен., ст.-чеш., словац.) в значении 'накормленный, вскормленный' и далее дериваты этого причастия (ср. русск. *питомец*, *питомник*), а также *pišt'a* и ее дериваты¹. Наиболее убедительной этимологической версией следует считать возведение этих глаголов к реконструируемому причастию **pitъ* от глагола **piti* с исходной нерасчлененной семантикой питья-питания (ср. др.-инд. *pītu-* 'пища, напиток') [ESJS, 11: 647], объясняемой прототипической ситуацией грудного вскармливания детей (ср. русск. ц.-слав. *сосцѣпѣтаю*, *сосцѣпитательный* [САР, 4: 822]).

Диффузность семантики питья-пищи подтверждается и некоторыми позднейшими дериватами праславянских **pitati* и **piti*, нивелирующими в своей семантике границу между питьем и питанием, ср. общеславянское **pirъ*, русск. *впитать* / *впитывать*, *пропитать* / *пропитывать*, *напитать* (прежде всего о жидкости), русск. диал. орл. *питать* 'вбирать в себя; впитывать': «Растёр да трёх рас, и тада ни сталь уже *питать*» [СОГ, 9: 103]; арханг. *питейное горло* 'пищевод', карел. *питаться воздухом* 'дышать': «Стара стала, худа, уж и *питаться* воздухом скоро не смогу, смертушку жду» (ср. *пить воздух*), курск. *питѣра* 'обжора' [СРНГ, 27: 52—53], блр. тур. *пиць* 'склевывать зерно в колосьях (о птицах)' [ТС, 4: 53], то же серб. *питу* 'кльувати (о птицима)' [РСХКJ, 4: 437]².

В славянских языках глагол **pitati* имеет весьма ограниченное распространение. Он известен в старославянском, русском и отчасти в южнославянских языках (включая диалекты) и практически неизвестен западнославянским, украинскому и белорусскому языкам, где основными глаголами питания служат: польск. *karmić*, *żywić*, чеш. *živit*, *vyživovat*, словац. *vyživovat'*, укр. *годувати*, *живити*, блр. *жывіць*, *сілкаваць*. Но и в южнославянских языках глагол **pitati* не является основным обозначением соответствующего понятия, уступая другим лексемам: болг. *храня*, макед. *јадев*, серб.-хорв., словен. *hraniti*, и отличается суженым или специализированным значением: болг. *питая* 'питать', 'чувствовать, ощущать', *питателен* 'питательный', *питомен* 1. 'прирученный (о животных)', 2. 'культивированный' (о растениях), *питомец* 'питомец, воспитанник'; *възпитам* 'воспитать', *възпитание* 'воспитание'; *възпитател* 'воспитатель' и т. п.; макед. *питом* 1. 'прирученный, ручной, домашний', 2. перен. 'кроткий, тихий', *питомец* 'питомец, воспитанник', *питоми* 'приручать'; *воспита*, *воспитува* 'воспитать, воспитывать', *воспиталиште* 'воспитательное учреждение',

¹ Не исключено, что в праславянском могли существовать и другие оформления данной основы, поскольку «разноосновность» вообще была характерна для праславянского глагола [Толстая 2006].

² Дальнейшее расширение семантики **piti* находим в сербском, где глагол может относиться не только к питью жидкости, но и к другим видам «поглощения», и иметь следующие значения: 'впитывать', 'всасывать', 'вдыхать', 'воспринимать запах', 'внимательно слушать, внимать', 'смотреть не мигая' (ср. русск. *поедать глазами*), 'наслаждаться чем-л.' [РСХКJ, 4: 438].

воспитание ‘воспитание’, *воспитаник* ‘воспитанник’, *воспитател*, *воспитач*, *воспитувач* ‘воспитатель’, *воспитен* ‘воспитательный’; словен. *pitati* ‘откармливать (на убой)’, *pitana* ‘упитанный, толстый’, *pitanje* ‘откармливание, кормление’, *pitoven* ‘откормленный’, *pitovna živina* ‘откормленный скот’. Наиболее устойчивым элементом этого гнезда в разных языках оказалась форма страдательного причастия **pitomъ* от незасвидетельствованного атематического глагола **pistiъ*: болг. *питом* ‘взращенный, воспитанный человеком’, диал. ‘обработанный’ или ‘пригодный к обработке’ [БЕР, 5: 267], чеш. морав. *pitomý* [Bartoš 1906: 290], укр. *питимий*, *питомий* ‘свой, родимый, близкий’ [ЕСУМ, 4: 380], русск. диал. пск., твер. *питомок* ‘приемыш в доме’, онеж. *питомство* ‘питание’ [СРНГ, 27: 53—54]⁴.

Как видно даже из этого краткого обзора, в семантическом спектре гнезда **pitati* имеются два полюса — на одном концентрируются исходные «пищевые» значения (иногда ограниченные сферой скотоводства), на другом — «социально-этические» значения, акцентирующие характер отношений между субъектом и объектом прототипического действия «питать» и его главную цель — поддержание жизни, причем семантика, тяготеющая к «пищевому» полюсу, постепенно сужает свое поле, а семантика противоположного полюса, наоборот, его расширяет, утрачивая или специализируя прямые значения. Одновременно с этим глагол из семантического класса занятий переходит в класс деятельности, а затем воздействий, отношений и свойств.

Наиболее полно семантический спектр глагола **pitati* представлен в русском языке и его диалектах, где также имеет место отмеченная тенденция отхода от прямых пищевых значений. Показательно в этом отношении толкование глагола *питаю* в «Словаре Академии Российской»:

1. Кормлю, доставляю кому пищу, снабдеваю пищею. Питать детей. Птицы питают птенцов своих; 2. В славянском языке инде значит: нахожусь при ком дядкою, пестуном; имею присмотр за чьим воспитанием. Остави Лисию человека славна питати Антиоха сына своего, дондеже возвратится сам; 3. Говорится в отношении к вещам способным к питанию, к рощению, к продолжению существования чьего-либо. Пища питает тело. Добрая земля питает растения; 4. Относительно к наукам значит: способствую к усовершенствованию разума, к большему просвещению. Науки юношей питают, отраду старым подают [САР, 4: 819].

«Непищевые» значения представлены уже в древнейших текстах: в Супрасльской рукописи отмечено *питати* в значении ‘воспитывать’: «Живѣаше в чистотѣ, *питаѣ* дѣти свои въ наказании и оучении Господьни», а *питатисѣ* наряду с ‘питаться, кормиться’, ‘получать средства к жизни’ — в значении ‘наслаждаться’, ‘роскошествовать’, ‘быть любимым, пользоваться ласкою’ [Срезневский, 2: 942]⁵.

Однако в диалектах известны и другие оформления глагольной основы (ср. тул., орл. *питавить*, калуж. *питаитъся*, ворон. *питывать* [СРНГ, 27: 53—55; СОГ, 9: 103]) и другое направление семантической деривации — от конкретного занятия к объекту действия, например, *питание* ‘блюдо, отдельное кушанье’: «Люблю постное масло во всяком *питании*, во все харчи»; ‘продукты, продовольствие’, ‘еда, пища’ (моск., пск., ворон., кемер.), хотя

³ Эту форму обычно считают страдательным причастием настоящего времени от глагола **pitati*, однако такие формы стандартно образуются не от *a*-глаголов, а от атематических глаголов, ср.: *несомый*, *влекомый*, *пасомый*, *рекомый*, *лакомый* (< **alkti*).

⁴ Русск. иван. *питомый* ‘вскормивший, воспитавший кого-либо’: «Еще раз, моя *питомая*, прикоснись к тебе головушкой, испрошу у тебя благословеньица, благословеньица со прощеньицем» [СРНГ, 27: 53], вероятнее всего, представляет собой вторичное оценочное образование, утратившее связь со страдательным причастием, подобное укр. *питомий* ‘родимый, близкий’.

⁵ Если последнее значение (‘быть любимым, пользоваться ласкою’) находит подтверждение в других славянских языках и может считаться органическим продолжением значения ‘воспитывать, пестовать’, то предыдущие два носят «случайный» характер, не являются продуктом семантической деривации, а обязаны, по мнению Срезневского, смешению греч. глаголов τρωφᾶν и τρεφεσθαι [Срезневский, 2: 942].

у *питать* известны и «общие» значения — ‘содержать, обеспечивать’ (волог. «Своих робят надо было *питать* да чужих трое» [СВГ, 7: 61]; арханг. «Я не училась, некогда было: *питала* сама себя» [СРНГ, 27: 52—53]) и ‘воспитывать’ (карел. «Она хотела парня решить, но она его не решила, а *питала*» [СРГК, 4: 521]).

2. **кърмити*. В отличие от **питати*, глагол **кърмити* не имеет существенных ареальных ограничений и известен в той или иной степени всем славянским языкам: ст.-слав. *кърма* ‘пища, корм’, *кърмити* ‘кормить, питать’, *кърмление* ‘кормление’, *кърмленикъ* ‘грудной ребенок’, *кърмилъць* ‘пестун, воспитатель’, *кърмля* ‘корм, пища’, *накърмити* ‘накормить, насытить’, *прекърмити*, *въскърмити* ‘взрастить, воспитать’; болг. *кърмя*, макед. *кърми*, серб.-хорв., словен. *kîrmiti*, словац. *krmít*, чеш. *krmít*, в.-луж. *kormić*, н.-луж. *kjarmiš*, польск. *karmić* (*się*) ‘кормить(ся), питать(ся)’, *karmowu* ‘кормовой’, *pokarm* ‘пища’, ‘корм’, *pokarmić* (*się*) ‘покормить(ся)’, *pokarmowu* 1. ‘пищевой’, 2. ‘кормовой’; *karma* ‘корм для скота’, кашуб. ‘корм для скота’; *karmia* ‘корм, еда, питание, пища’; укр. *кормити*, *кормити* ‘кормить’; *кормига* ‘иго, ярмо, власть’, *під кормигу підгорнути* ‘подчинить под власть’ [Гринченко, 2: 285]; блр. *карміць*, диал. туров. *карміць*: «Богатому то й чорт дзеці *карміць*»; *кормля* ‘яда, харч’; *кормны* ‘откормленный’: «Возіў *кормных* свіней у Пінск» [ТС, 2: 219]; русск. *кормить* ‘кормить, питать’, ‘вскармливать грудью’ и др. (подробнее ниже).

В семантическом отношении эти глаголы различаются классом предиката, а именно: **питати* — это глагол занятия, деятельности, состояния (он в принципе не имеет актуально-длительного значения), тогда как **кърмити* — глагол прежде всего действия. Но более существенно то, что **кърмити* применяется как к человеку, так и (или даже в большей степени) к животным (в ю.-слав., кроме словен., только ‘кормить скот’), тогда как **питати* — как правило, к человеку. Поэтому у **кърмити* изначально меньше внутренних возможностей развивать «воспитательные» значения, чем у **питати*. Однако оба эти различия часто нейтрализуются. Глагол **питати* может употребляться в том же значении «действия», что и **кърмити*: ср. русск. диал. *питайтесь!* и *кормитесь!* как тождественные формы приглашения к угощению, а *кормление* — в значении ‘питание’: русск. диал. карел. : «Уж тридцати пяти рублей на *кормление* хватит» (о человеке), *кормовать* ‘питаться’: «Я все дома *кормовала*»; *корм* означает прежде всего ‘корм для скота’: «Теленок уж белого *корма* не ест, это солома с овса, пшеницы, ржи», но может употребляться и в значении ‘пища человека’: *довольный корм* ‘хорошее питание’ [СРГК, 2: 430—431], сиб. *кормля* ‘еда, пища’: «Какая раньше *кормля* была? Хлеб да картошка». Оба глагола развивают в дальнейшем значение ‘ухаживать, вскормленный, выпестованный, домашний, благородный (в оппозиции к *дикий*)’: русск. карел. *кормны* ‘домашний’: «Нет, не дики, *кормны* олени у них, не дики» (ср. выше с тем же значением *питотъ*) и т. д. С другой стороны, **кърмити*, так же как и **питати*, может получать значения ‘доставлять пищу’, ‘содержать’, ‘воспитывать’ (главным образом в русском языке): др.-русск. *кърмити* — ‘питать, кормить’ и ‘воспитывать’: «*кормаци* ѿна своего до мужества и до возраста его» Пов. врем. лет; *кърмичичь* ‘дядька, воспитатель’ [Срезневский, 1: 1406], русск. диал. карел. *кормить* ‘держатъ, иметъ в хозяйстве животных и птиц’ [СРНГ, 14: 235—237], *кормить подолом* ‘кормиться подаваемым’, *кормить свою голову* ‘жить за свой счет’: «Я с семи лет *кормлю* свою голову» [СРГК, 2: 431]; перм. *скормить* ‘вырастить’: «*Скормила* парношко и в армию отдала» [СПГ, 2: 346], сиб. *кормом кормить* ‘содержать кого-либо’: «Мы сироты оставались, нас леля взяла, она нас *кормом кормила*» [СГРС, 2: 117] и т. п.

С глаголом **кърмити* связаны две нерешенные проблемы. Первая касается этимологии. Все согласны, что это отыменной глагол, производный от имени **кърма*, имеющего надежные и.-е. связи. Но этимологи реконструируют для праславянского два имени: **кърма I* ‘корма лодки’ и **кърма II* ‘корм’, считая их омонимами. Между тем О. Н. Трубочев, вопреки общему мнению⁶, допускает родство этих имен:

⁶ Ср. мнение известного чешского этимолога Э. Гавловой: «Совершенно неправдоподобно мнение Трубочева о тождестве <*кърма* ‘корма’> с **кърма* ‘корм, пища’ и о том, что значение ‘кормовое весло’

У истоков значения ‘корма, кормовое весло’ лежало, думается, уже готовое значение ‘корм, скармливание’. Можно предположить, что погружение в воду кормового весла — важнейшего корабельного весла — понятийно соприкасалось с магией кормления, задабривания опасной водяной стихии. Лишь готовое значение ‘корм, пища’ позволительно в таком случае уже прямо возводить к известному глагольному корню и значению **(s)ker-* ‘резать’ [ЭССЯ, 13: 221—222].

Хотя вопрос окончательно не решен, следует, мне кажется, с вниманием отнестись к мнению О. Н. Трубачева, отличавшегося особой этимологической интуицией и пронищательностью, и при оценке его мнения учесть новые диалектные данные (особенно русские), показывающие широкий спектр «рыболовных» значений *кормы* и, в частности, распространенное значение ‘вход в невод’, ср. смол. *корма* ‘вход для рыбы в рыболовную снасть (бредень)’ [ССГ, 5: 80].

Вторая, не менее сложная проблема относится именно к русскому языку и касается слова *кормление*. В истории русского языка это не только абстрактное имя от глагола *кормить* в его прямом, «пищевом» значении, но и юридический термин, означающий право сбора дани и налогов в той или иной местности. Согласно БАС, *кормление* — «На Руси XIV—XVI вв. система обеспечения и формы вознаграждения центральной и местной княжеской администрации» [БАС, 5: 1435]. По определению И. И. Срезневского, в древнерусском *кърмление* — ‘питание’ и ‘собираение дани, податей, управление’, *кърмля* — ‘пища’ и ‘пользование содержанием, доходом’, *кърмь* — ‘пища’, ‘род подати’, ‘содержание’, ‘угощение, пир’ [Срезневский, 1: 1406—1408]. С одной стороны, связь слова *кормление* с «пищевым» глаголом *кормить* представляется вполне прозрачной, так как глагол мог иметь, как мы видели, и вне юридического контекста вторичное значение ‘содержать, обеспечивать существование’; это значение поддерживается и семантикой еще недавно употребительного слова *содержание* в значении ‘жалованье’ или ‘обеспечение средствами жизни’ (ср.: *содержать престарелых родителей, денежное содержание, жить на содержании у кого-л.*). С другой стороны, из самой исторической практики вытекает, что разрешение «кормиться» податями с той или иной местности означает в сущности управление ими, т. е. *кормить* может пониматься и как ‘управлять’. Но в таком случае *кормление* сближается с такими словами, как *кормило*, *кормчий*, которые производны от *корма* ‘задняя часть судна’ и для которых смысл ‘управление’ является центральным, а также со словами церковного обихода *окормлять* ‘направлять, путеводительствовать, наставлять’, *окормитель* ‘кормчий, вождь, путеводитель’ [СЦСРЯ, 3: 59—60], которые в свою очередь представляют собой результат метафорического переноса семантики управления в судном.

В конце 80-х гг. XIX в. среди русских историков и филологов проходила горячая дискуссия об историческом значении слова *кормление* — означает ли оно существование власти за счет поборов с мест или же должно пониматься как руководство данными им в управление местами? Как это нередко бывает, дискуссия о значении слова получила идеологическое осмысление и обернулась противостоянием патриотически настроенных государственников и научно мыслящих историков. Суть этого спора подробно изложил В. В. Виноградов в докладе «Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования», прочитанном в Ленинградском университете в ноябре 1945 г.⁷

В. В. Виноградов приводит слова П. Д. Голохвастова, адресованные историкам (Чичерину, Иловайскому, Ключевскому):

Признавая себя (страну) живым кормом (бояр — потребителями, а государя — распорядителем кормежки), они отрицают себя как государство, признают себя за стадо, которое жалует волкам пастырь-наемник, пастырь-волк в овечьей шкуре (Русский архив, 1890, № 6, с. 238—239).

могло появиться из магической практики опускания кормового весла в воду при начале плавания с целью символического усмирения и “кормления” водяной стихии» [ESJS, 6: 376].

⁷ Текст доклада был опубликован дважды — в первоначальной версии [Виноградов 1995] и в более поздней версии с дополнениями и сокращениями [Виноградов 1994].

Ответ на подобные нападки дал В. О. Ключевский, объяснивший, что

кормлениями... назывались в древней Руси судебно-административные должности, соединенные с доходом в пользу должностных лиц, который получался ими прямо с управляемых... Этот доход носил общее название *корма*, соответствующее нынешнему канцелярскому термину «содержание»; отсюда и доходная должность получила название *кормления*. Так понимали это слово, если я не ошибаюсь, все ученые исследователи русской истории (Письмо к издателю // Русский архив, 1889, № 5, с. 138; цитаты приводятся по [Виноградов 1994; 1995]).

Таким образом, обе проблемы — этимологическая и историко-лексикологическая — оказываются тесно связанными, но эта связь поддерживается не этимологической общностью праславянских лексем **kьrma* ‘пища’ и **kьrta* ‘часть судна, корма’, а ходом семантического развития и исторического узуса «пищевого» глагола *кормить(ся)*, который закономерно развивает значения ‘содержать, обеспечивать (себя)’.

3. *xovati. Связь понятий питания и воспитания прослеживается и в праславянском глаголе **xovati*, от которого образована основная лексика воспитания в западнославянских языках, а также в украинском и белорусском, ср. ‘воспитывать’: польск. *wychowywać*, чеш. *vychovávat*, словац. *vychovávat*, укр. *виховувати*, блр. *выхоўваць*; ‘воспитание’: польск. *wychowanie*, чеш. и словац. *výchova*, укр. *виховання*, блр. *выхаванне*. В этом глаголе соотношение понятий питания и воспитания иное, чем в предыдущих: если в **pitati* пищевая семантика относилась преимущественно к человеку, а у **kьrmiti* она затрагивала также сферу ухода за домашними животными (и в некоторых областях славянского мира ею ограничивалась), то в случае с **xovati* парадоксальным образом лексика со значением воспитания оказалась производной от «пищевого» глагола, относящегося не к питанию человека, а главным образом к кормлению и содержанию животных. К питанию людей **xovati* применяется сравнительно редко, и в основном это диалектные употребления: польск. диал. *chowa* ‘средства к существованию’, *chować się* ‘питаться, кормиться’: «Sугум od owieczek chowo sie syneczek» (Овечьим сыром кормится сыночек); *chowanie się* ‘питание, кормление; провиант, харч’ [SGP, IV/1 (10): 47—50]; *chować się* ‘расти, жить, оставаться в живых (о детях и животных)’: «Z sześciorga dzieci tylko dwoje się chowało» (Из шести детей только двое осталось в живых) [WSPR: 100]; чеш. диал. *chóva* ‘пища, пропитание’: «Та chóva naša koštovala na dzeň výše zlatovky» (Это наше пропитание стоило в день больше золотого); *chovać še* ‘питаться, кормиться’: «Chovii še sama» (Содержи себя сама) [КЧДС], ляш. *chovać še* ‘то же’: «Ve žniva še dobre chováli = dobre jedli» (Во время жатвы хорошо питались), *chovaňi* ‘пища, еда, корм’ [Kellner 1949: 181].

В подавляющем же большинстве употреблений глагол **xovati* относится к скотоводству: укр. *ховати* ‘выкармливать, воспитывать’, *ховатися* ‘выкармливаться’: «Худоба буде добро ховатися», *хований* ‘вскормленный, ручной’: «Вовк хований», *ховання* ‘воспитание’: «Худоба свого ховання» [Гринченко, 4: 406]; блр. *хаваць* ‘держатъ скотину’: «Я ужо каровы не хаваю» [СПЗБ, 5: 274]; польск. *chować* ‘выращивать, разводить (кур, цыплят, кроликов и т. п.), держать коров и т. п.’, *chow bydla* ‘разведение скота, животноводство’; польск. диал. *chowa* ‘содержание скота’, ‘скот’, *drobna chowa* ‘домашняя птица’, *mala chowa* ‘молочняк’; *chowanie się* ‘скот (коровы, кони и т. д.)’ [SGP, IV/1 (10): 43—50]; кашуб. *chovac* ‘кормить, ухаживать за скотом’: «Naša něnka xov’e v’ele kačkov i kur» (Наша матушка держит много уток и кур) [Sychta, 2: 51]; чеш. *chovati (dobytek)* [PSJČ, 1: 1069], диал. *chovat* ‘разводить, держать скот’, *chov dobytká* ‘разведение, содержание скота’ [КЧДС]; морав. *chovat dobytek* ‘держатъ скотину’: «Chová si páru koní a páru volů» (Держит пару лошадей и пару волов) [Bartoš 1906: 120]; словац. *chovat* ‘разводить (о животных, овощах, фруктах и т. п.)’, *chovateľ dobytká* ‘скотовод’, *chovateľ včiel* ‘пчеловод’ и т. п. [SRPS, 1: 225].

Этот парадокс объясняется тем, что семантика питания в этом этимологическом гнезде, в отличие от двух предшествующих, скорее всего является вторичной, производной от ‘вращения, ухода (за животными, растениями, детьми)’, тем более что одним из основных

значений здесь оказывается смысл ‘прятать, защищать, оберегать’ (вторично также ‘хоронить’), который естественно дает семантику ‘ухаживать’, ‘пестовать’, ‘выхаживать’, ‘содержать’, ‘разводить (скот, растения)’; см. подробнее [Толстая 2009]. Что же касается семантики воспитания, то она в данном случае не может считаться производной от питания, а естественно продолжает и дополняет смысловой комплекс взращивания, пестования, ухода.

Аналогичным путем, т. е. на базе семантики взращивания, ухода, содержания скота (или вообще потомства, в том числе детей), возникает метафорически мотив воспитания в двух других праславянских глаголах — **godovati* и **gojiti*. Тем не менее в их семантическом спектре тоже представлена семантика пищи и кормления.

4. **godovati*. Распространение глагола в интересующих нас значениях ограничено восточнославянской территорией; его проникновение в польский язык объясняется украинским влиянием [Brückner 1957: 172; Boryś 2005: 194]. Будучи производным от праславянского **godъ*, глагол имел закономерное основное значение ‘соблюдать, почитать, праздновать (день, праздник)’ [ЭССЯ, 6: 190—191; Šivic-Dular 1999], ср. ст.-польск. *godować* ‘праздновать’ [Boryś 2005: 194], кашуб. устар. *godovac* ‘праздновать Рождество’ [Sychta, 1: 335]. В русских диалектах *годовать* имеет следующие значения: ‘выращивать, вскармливать, воспитывать’: курск. «Кабана *годовала* под самую войну», пск. «Ночью телился [теленок], будет он в зиму пускаться, *годовать* его будут»; ‘откармливать животное на убой’ (курск., орлов., тул., калуж.); ‘вскармливать, воспитывать (о детях)’: курск. «Сама детей *годовала*, в люди произвела»; ‘кормить, угощать’: сарат. «Придет — не знают уж чем его и *годовать*: и едова и поила всякого на стол наставят» [СРНГ, 6: 271].

Более отчетливо семантика питания и воспитания проявляет себя в украинском языке, где *годівля* ‘корм, кормление’: «На *годівлю* птиці треба багато зерна»; *годованець* 1. ‘воспитанник, вскормленник’: «Приняв був до себе якогось сироту Петра за *годованця*», 2. крестьянин, который завещает кому-либо свое имущество, за что наследник должен до смерти кормить и поить завещателя, 3. животное, откармливаемое на убой; *годування* 1. ‘кормление’, 2. ‘воспитание’, 3. ‘откармливание’; *годувати* 1. ‘кормить’: «Багач ся дивує, чим убогий діти *годує*», 2. ‘пропитывать, вскармливать’: «Тяжко дітей *годувати* у безверхій хаті», 3. ‘откармливать’: «*Годують* на сало»; *годуватися* 1. ‘кормиться, пропитываться’: «Багатий *дівується*, як убогий *годується*», 2. ‘кушать, есть’. Употребляется преимущественно в выражении, которым «припрашивают» гостей: «Не турбуйтеся, люде добрі, *годуїтесь* на здоров’я» [Гринченко, 1: 298—299]. Ср. последний пример с приведенными выше аналогичными контекстами угощения для **pitati* и **kьrmiti*.

В белорусском языке *гадаваць* имеет значения: 1. ‘растить детей’, ‘разводить домашних животных и растения’; *гадавацца* ‘расти, воспитываться (о детях, животных, растениях)’, *гадаванец* ‘воспитанник’, *гадавальнік* ‘заповедник (растений, животных)’ [ТСБМ], т. е. прямых мотивов пищи, питания, кормления не обнаруживает. То же можно сказать о белорусских диалектах. Так, в говорах северо-западной части Белоруссии *гадаваць* означает 1. ‘воспитывать, растить детей’: «Ён нас усіх *гадаваў*», 2. ‘разводить, выкармливать (о скоте, птице, рыбе, пчелах и т. п.)’: «Мы не *гадавалі* гусей»; «Трудна пчол *гадаваць*»; *гадавацца* ‘расти, воспитываться’: «Гэтак мы *гадаваліся*» [СПЗБ, 1: 400], хотя в Туровском словаре приводится, наряду с другими, значение ‘кормить’: «Ходзем свінья *годоваць*» [ТС, 1: 210]. Семантика питания отражена также в историческом словаре белорусского языка, причем для глагола *годувати* пищевое значение указывается на первом месте: *годувати* 1. ‘угощать, кормить’, 2. ‘растить, воспитывать’; *годованьне*, *годованне* ‘угощение, кормление’ [ГСБМ, 7: 27].

5. **gojiti*. Еще один глагол (и все гнездо, к которому он относится), сочетающий в себе семантику питания и воспитания, — **gojiti*. Он имеет общеславянское распространение и отличается от рассмотренных выше глаголов особым ракурсом восприятия и способом

категоризации ситуации кормления-питания с точки зрения объекта воздействия — делая главный акцент на цели и результате действия, т. е. на пользе, доставляемой объекту, откуда наиболее распространенная семантика — ‘уход, пестование, преобразование, улучшение, исцеление’ и т. п., ср. русск. диал. *гойть* ‘улучшать, ухаживать, холить, делать годным’, ‘приводить в порядок’: «Надо бы избу *гойть*, да недосуг все»; ‘очищать зерно от мякины и сора’, ‘расчищать что-либо’, ‘делать годным для пользования’: «*Гаить* дорогу», «*Гаить* луга», ‘удобрять’, ‘хорошо обрабатывать’, и даже ‘любить, ласкать, ухаживать’, *гойться* ‘ухаживать за скотом’, ‘готовиться к чему-либо’, ‘строиться’ и т. п. [СРНГ, 6: 279—280]. Уже из этих примеров видно, что объектом воздействия в данном случае могут служить как люди (без специального акцента на детях), так и животные и предметы (артефакты). В отдельных языках актуализируются разные аспекты этой семантики. Так, в западнославянских языках глагол *gojiti относится почти исключительно к залечиванию, исцелению, заживлению (ран): польск. *gojić* (*się*), чеш. *hojit* (*se*), словац. *hojit'* (*se*), в.-луж. *gójś*; эта семантика известна и украинскому и белорусскому языкам, а также некоторым, прежде всего южным и западным, говорам русского языка: укр. *гойти*: «Трудно рану *гойти*, а не вразити», *гойтися* ‘заживать, залечиваться’, *гойння* ‘залечивание, заживление’ [Гринченко, 1: 299], блр. *гаіць, гоіць, гоіцца* с теми же значениями [ТСБМ; СПЗБ; ТС], русск. диал. *гойть* ‘заживлять (раны), излечивать’ [СРНГ, 6: 279].

Чисто пищевая семантика представлена в русских диалектах: *гойть* ‘кормить’: «А хлеба нет, чем детишек *гойть*» [СГРС, 3: 64], ‘хорошо кормить, холить’, ‘угощать’: «Нас шибко *гойли*», т. е. радушно потчевали в гостях, угощали, «Хорошо ли вы *гойли* гостя?» (перм., волог., сиб., урал., том.) [СРНГ, 6: 279], а также болг. *гойя* ‘откармливать, пичкать’, *гой се* ‘жиреть, толстеть’, *уговям* ‘откармливать’ (животное или человека) [РСБКЕ, 1: 198, 3: 466], макед. *гой* ‘откармливать (скот, птицу)’, *гой се* ‘отъедаться, жиреть’, *згоен* ‘откормленный’ [Мургоски 2005: 114, 233]. В западной части южнославянского ареала мотив физического питания, кормления и насыщения выступает наряду с мотивом воспитания и ухода, а в отглагольных дериватах даже преобладает: серб.-хорв. *gojiti* 1. ‘питать, откармливать (прежде всего о животных)’, устар. ‘угощать’, ‘удобрять почву’; 2. ‘растить, опекать, заботиться, пестовать, воспитывать’ (о растениях, животных, детях и др., например, чувствах, надеждах, ср. русск. *питать надежду, неприязнь* и т. п.): «Ово дижете ... сам чувао и *gojio* толико година» (Этого ребенка я воспитывал и пестовал столько лет); ‘питаться, толстеть, расти, развиваться’: «Твоја се срећа родила / Сунчаним зраком повила / Мјесецем сјајним *gojila* / Зв’јездама сјајним росила...» (Счастье твое родилось, солнечный свет его повивал, месяц ясный его пестовал, звезды ясные его орошали); *goj* 1. ‘воспитание, вскармливание, содержание’, 2. ‘спокойствие, мир’: «Уз своје тамбурице заиграли коло... да називљу *goj* и покој» (Под свои мандолины начали танец..., чтобы призвать мир и покой); *gojеnаc*, *gojеnиk* ‘воспитанник’ [РСХКНЈ, 3: 423—427]; словен. *gojiti* 1. ‘выращивать, ухаживать за растениями, животными и др.’; 2. ‘заниматься чем-нибудь (спортом, музыкой и т. п.)’, *gojеnec* ‘воспитанник’ [SSKJ, 1: 712—713]. Эта же семантика фиксируется в некоторых русских диалектных словарях, ср. сев.-русс. *гойть* ‘заботиться о ком-либо’, ‘ухаживать, ходить за кем-либо (ребенком, скотиной и др.)’ [СГРС, 3: 64]; сиб. ‘то же’: «Как же я не буду *гойть* свою мать — я сын ей!», «Коня *гойть*, шерeditь надо» [СРГС, 1: 249—250]; арханг. ‘заботиться о ком-н., чем-н., ухаживать за кем-н., чем-н., беречь’: «Мать-то стала управлять и говорит: я пойду скота *гойть*», «Опять старуха ослепела, за йей ухот надо, шчѣ поделаш, надо йейе *гойть*» [АОС, 9: 216]⁸.

⁸ В этом и близких значениях употребляются также глаголы с исходным значением ‘естественных’ действий — ‘ходить’ (ср. *ухаживать, выхаживать, уход* за больным, ребенком и т. п.) и ‘смотреть’: русск. *присматривать, смотреть за детьми*, диал. *смотря* ‘няня’, ‘кормилица’ [СРНГ, 39: 51], блр. *глядзець, даглядаць* ‘ухаживать за детьми, стариками, больными’: «Нэ маю дачки, то нэма кому мэнэ і *гледіеті*»; ‘кормить, вскармливать, воспитывать’: «Цяпер добра дзяцей *глядзяць*, німа што сказаць»; ‘пасти, ухаживать за скотом, птицей’ «Я куранят буду *глядзець*», «Нада пчол *глядзець*»; ‘соблюдать’:

Показателен семантический спектр соотносительных с глаголом имен **gojъ*, **gojъnъ*, во многих случаях более определенно проявляющий мотивы, разрабатываемые глаголом (с добавлением оценочных значений). Кроме закономерных *nomina abstracta* (типа словен. *goj* ‘уход, возвращение, разведение’, русск. диал. *гой* ‘уход, присмотр’), это, с одной стороны, мотивы изобилия, богатства (ст.-чеш. словац. *hoj* ‘изобилие, избыток’, чеш. *hojný* ‘частый, обильный, богатый’, укр. *гойний* ‘щедрый, роскошный’), с другой — мотивы любви, радости, мира, спокойствия, красоты, чистоты, совершенства (укр. диал. *гой* ‘радость, забава’, русск. диал. *гойный* ‘видный, красивый, величавый’, ‘чистый’; блр. *гойна* ‘старательно, хорошо’, серб.-хорв. *goj* ‘мир, спокойствие’, *gojni* ‘спокойный, мирный’⁹). Все эти смыслы находятся в близком или более отдаленном коннотативном поле самого глагола **gojiti* и могут быть связаны с ним цепью элементарных семантических переходов.

Таким образом, глагол **gojiti* представляет (хотя и с иными акцентами) тот же семантический ряд, что и предыдущие глаголы, за исключением одного звена: в нем крайне слабо по сравнению с другими глаголами прослеживается мотив поддержания, содержания, обеспечения жизни, поскольку главный акцент делается на ее «улучшении, усовершенствовании». При этом этимологически **gojiti* интерпретируется как каузатив к глаголу **žiti*.

Лексическое поле питания-воспитания включает еще ряд глаголов, для которых ни пищевая, ни воспитательная семантика не являются основными. Тем не менее им такая семантика не чужда, а в некоторых случаях она занимает существенное место в системе их значений. Мне уже приходилось по другому поводу писать о глаголах **xorniti*, **pasti*, **bergti*, **stergti*, основным и древнейшим значением которых является ‘хранить, беречь, защищать, спасать’ [Толстая 2009]. Эта семантика хорошо согласуется с мотивами возвращивания, воспитания, пестования, ухода, заботы; гораздо труднее согласовать ее с мотивами физического питания, кормления, пищи. Между тем все они, одни в большей, другие в меньшей степени, имеют в своем спектре также и пищевую семантику. Представим краткие иллюстрации к сказанному.

6. **xorniti*. Этот глагол с преобладающим значением ‘защищать, охранять’ является основным глаголом питания в сербскохорватском и словенском языках, ограниченно употребителен в этом значении также в болгарском и македонском. Ср. серб.-хорв. *hrana* ‘еда, пища’, ‘материнское молоко’, *hraniti* ‘кормить, питать’ [RHSJ, 3: 679—682], словен. *hrana* ‘пища, еда, питание’, *hraniti* ‘кормить’: «*Mati hrani otroke*» (Мать кормит детей), *hranitev* ‘кормление, содержание’, *hranitelj* ‘кормилец’ и т. д. [SSKJ, 1: 824—825]; болг. *храня* ‘питать, кормить’: «Землята *храня* растения» (Земля питает растения), ‘содержать, иметь на содержании’, *храня ся* ‘питаться, кормиться, быть кормленным’, *храна* ‘пища, корм для скота’, *хранени* ‘холеный, откормленный’ [Геров, 5: 508—509]. Наличие пищевой семантики у слов этого гнезда также в кашубском и полабском — кашуб. *xarna* ‘сухая трава (корм низкого качества)’, *xarńisty* ‘богатый травой (кормом)’, полаб. *chorna* ‘пища’, *chornět* ‘кормить’ [Sychta, 2: 23; SEK, 2: 285—286; Фасмер, IV: 266; ЭССЯ, 8: 79] — дает основание говорить об этой семантике как об исходной для праславянского:

Архаичность формы и значения можно констатировать, далее, в целом для праслав. **xorna* ‘пища, питание, корм’. Эта констатация важна для правильной оценки отношения форм **xorna* и **xorniti*: глагол, конечно, произведен от имени, а не наоборот <...>, что особенно очевидно для глагольных значений ‘кормить, питать’. Но это же относится и к **xorniti* в значении ‘хранить, беречь’; следует признать родство обоих значений и развитие в данном случае ‘кормить, питать’ > ‘беречь, хранить’. Ср. аналогичное семант. развитие у **gojiti* <...>. Попытка полного разграничения значений ‘кормить’ и ‘беречь’ и особая этимология для **xorna* ‘охрана’ <...> маловероятна с разных точек зрения [ЭССЯ, 8: 77].

«Унучкі глядзели чыстату» [СПЗБ, 1: 453] и т. п. Примеры подобного развития значений можно найти и в других славянских языках (например, болг. *отглеждам* ‘воспитывать’, *отглеждане* ‘воспитание’).

⁹ Ср. русск. диал. ю.-сиб. *гойть* ‘успокаивать’: «Гойть значит также угомонить» [СРНГ, 6: 280].

Семантику ‘заботиться, следить, ухаживать, пестовать (о детях и стариках)’ и далее ‘воспитывать’ у глагола **xorniti* можно, таким образом, считать производной не только от пищевого значения, но и от вторичного по отношению к нему значения ‘беречь, хранить’: русск. диал. *сохраняться* ‘быть на попечении, под наблюдением кого-л.’: «На печке русской наши дети сидели, *сохранялись* с бабушкой, а мы работали» [СРНГ, 40: 85]; серб.-хорв. *hraniti* ‘заботиться, держать при себе’, ‘воспитывать, растить (о детях)’, ‘почитать (о стариках)’: «*Rani majka devet mili sina, ranila ih dok ih odranila*» (Растит мать девять славных сынов, растила их, пока их не взрастила) [RHSJ, 3: 682].

Глагол **xorniti* находится в отношении семантического параллелизма с рассмотренным выше глаголом **xovati* (среди совпадающих у них значений особенно значимы ‘прятать, хранить, сохранять’ и ‘хоронить, погребать’), однако в других сферах они могут заметно расходиться, как, например, в сфере разведения скота: у **xovati* это один из главных блоков значений, тогда как у **xorniti* примеров подобного употребления довольно мало: русск. диал. *сохранение* ‘выхаживание молодняка (животных)’: «За *сохранение* по два трудодни с поросенка» [СРНГ, 40: 84]; кашуб. *xarno* ‘стадо (особенно овец и коров)’ [Sychta, 2: 23]. Это же можно сказать о семантике воспитания: здесь **xorniti* тоже не может сравниться с **xovati*, от которого образованы основные «воспитательные» лексемы в западнославянских, украинском и белорусском языках. В своем наиболее распространенном круге значений данные глаголы употребляются в одних и тех же клишированных оборотах разных славянских языков и диалектов, ср. польск. *chować w tajemnicy*, словац. *chovať tajomstvo* [SRPS, 1: 225] — русск. *хранить тайну*; польск. устар. *chować milczenie* — русск. *хранить молчание*, польск. *Chroń Boże! Chowaj Boże!* (Храни Господь! Спаси Божел!) — русск. *Господи, спаси и сохрани*, чеш. *chovat jako oko v hlavě* — русск. *хранить (беречь) как зеницу ока* и т. п. Ср. также древние формулы, в которых данные глаголы приобретают значение ‘быть верным чему-л., блюсти’ типа русск. *хранить (верность, слово, клятву, тайну* и т. п.) [Иванов 2007]; здесь, как и во многих других значениях, обнаруживается синонимия этих глаголов с *держат*, ср.: *держат слово, держат скот, держат себя ‘вести себя’* и др.

7. **pasti*. К ряду праславянских глаголов, имеющих отношение к сфере питания-кормления, относится и глагол **pasti*, который в славянских языках представлен двумя столь далекими друг от друга семантическими сферами — ‘пасти скот’ и ‘спасать, запастись, опасаться’, — что они заставляли исследователей сомневаться в этимологическом единстве этого глагола, имеющего (в обоих своих значениях) надежные индоевропейские соответствия [Топоров 1959; Иванов 1961; 2007]. Семантика кормления в гнезде **pasti* во всех славянских языках закрепились прежде всего за сферой животноводства (‘пасти скот’), но в разных славянских языках фиксируются и более широкие значения пищи и кормления: ср. русск. диал. *спасать, спасти* ‘скормить, израсходовать на корм скоту’ [СРНГ, 40: 117]; сев.-русск. *спасать* ‘кормить (скот)’: «До чего дошли — скота белым хлебом *спасаем*», «Балечек <овец> пошла *спасать*» [КСГРС]; дон. *пасцись* ‘есть’: «Там *пасцуться* медведи» (едят ягоды), ‘собирать пыльцу (о пчелах)’: «Все пчелы отправились *пасцись*» [СРНГ, 25: 263], урал. *пасенье* ‘подножный корм’ [Малеча, 3: 138]; укр. карпат. *пасци* ‘пастись, есть подножный корм; пасти’: «Уже вівці встанут — уже йдуть *пасци*», *спасци* ‘съесть (подножный корм)’: «Деся корова зайде в траву и йи не *спасе*, а лиш потолочит» [Николаев, Толстая 2001: 140]; кашуб. *pastev* ‘корм для скота (сено, солома)’, *napasc* ‘накормить’ [Sychta, 4: 39—40]; ст.-словац. *pastva* ‘еда, корм для скота’, ‘духовная пища’: «*pastwu slova tneho darug* (Bože)» (духовную пищу слова твоего даруй, Господи) [HSSJ, 3: 483]. По некоторым версиям, «пищевая семантика» для **pasti* (как и для **xorniti*) является этимологически исходной, ср. [Фасмер, III: 215—216; БЕР, 5: 80—82; ЕСУМ, 4: 309; Snoj 2003: 497], другие этимологи связывают первичное значение этого праславянского и индоевропейского глагола с семантикой наблюдения, слежения [Иванов 1961], откуда далее значение ‘охраны, защиты’ (характерное и для гнезда **xorniti*), претерпевшее в гнезде

*pasti дальнейшее (вполне логичное) развитие в сторону ‘спасать’ (ср. русск. *спаси и сохрани; спаси Господи и храни Господь*, диал. *Бог пасет*, т. е. хранит, бережет, *Боже паси!* [СРНГ, 25: 262] и т. д.). Спектр значений этого гнезда, отмечаемых в словарях славянских языков и диалектов, включает оба этих круга значений: ср. болг. диал. *паса* ‘есть траву (о скоте)’ и ‘следить, наблюдать (за кем-н.)’: «*Пасъл и Ступан две моми, две съмудиви...*» (Следил и Ступан за двумя девами, двумя самодивами (народная песня)); *изпаса* ‘проедать (о моли)’; *изпасва са, изпасува са* ‘погибать, бесследно исчезать (о скоте)’ [БЕР, 5: 80—82]; чеш. *propásti* ‘не заметить, пропустить’ [PSJČ, 4/1: 1180]; словац. диал. *pást, pástiť* ‘стеречь кого-л., что-л., следить за кем-л., чем-л.’: «*Daj pozor, ľebo pasú ro ľebe*» (Смотри, а то поспежу за тобой) [SSN, 2: 746].

Семантика защиты, охраны, опеки и слежения, наблюдения, соблюдения объединяет *pasti с *xorniti и *xovati; этот параллелизм распространяется и на формулы со значением «держать, хранить слово, обещание, тайну». Древнейшим славянским подтверждением этого параллелизма может служить содержащееся во втором из словенских Фрейзингенских (Брижинских) отрывков (X—XI в.) выражение *roti kojihže ne pasem, nu ję pręstopam* ‘роты (клятвы), коих я не соблюдаю, но их нарушаю’. Этой формуле посвятил специальную статью В. Н. Топоров [1959], показавший, что здесь отражено архаическое значение праславянского глагола *pasti, а именно значение ‘защищать, охранять, беречь, блюсти’, находящее подтверждение в тех же Фрейзингенских отрывках: *ili eže jesam ne spasal neděla, ni svęta večera, ni męga posta...* ‘или если я не соблюдал неделю (воскресенье), ни святого вечера, ни своего поста’. Это значение показывает родство славянской формулы с соответствующими хеттскими и тохарскими формулами (хетт. *uttar pařš-* ‘блюсти, держать слово, наказ’), что позволяет реконструировать праславянское сочетание *pasti rotę в значении ‘соблюдать, держать клятву’; см. также [Иванов 1961; 2007].

Семантическую деривацию от значения ‘наблюдать, следить’ к ‘беречь, охранять’ и далее к более узкому значению ‘охранять, пасти скот’ демонстрируют глаголы *bergti, *stergti и их дериваты. Но в этих гнездах представлена и семантика питания-кормления, которая не выводится столь непосредственно из их первичного значения, как в случае *pasti.

8. *bergti. У этого глагола при исходном и главном значении ‘беречь, хранить’ отмечены следующие «пищевые» значения: русск. диал. (псков., новгор., твер.) *беречь* ‘гостеприимно принимать, угощать, потчевать’; псков. «Прощайте! Спасибо, что *берегли*» (1852); «Нечем мне тебя *беречь*: кур нету, а то яиц бы сготовила»; 2. ‘лежать, миловать, холить’: «Уж так-то старики внучку-то *берегут*, что лучше и не надо»; 3. (у охотников) ‘не пропустить зверя’: «*Береги зайца*» [СРНГ, 2: 258]; *береженный* 1. ‘хорошо выкормленный, жирный’ (твер.), 2. ‘сбереженный, скопленный’: «Денежка *бережена*»; *береженьице* ‘воспитание’: «Вам спасибо пятьюдесятью / За хорошо *береженьице*» (олонец.) [Там же: 248]; псков. *беречь* 1. ‘угощать’, 2. ‘проявлять заботу, оберегать’; 3. ‘содержать в целостности, сохранности’; 4. ‘растить, воспитывать’ [ПОС, 1: 182—183]; *берёга* 1. ‘хорошее угощение’: «У нас плохая *берёга*»; ‘кормление скота’: «А каровам раньшэ во кака была *бярёга*: на ночь аржаной саломы дам, а патом пойва с пялам, а малака была больша»; 2. ‘усердный уход за кем-, чем-л.’; 3. ‘бережливость, аккуратность’ [Там же: 173—174]; *бережсоха* 1. (о корове) ‘хорошо выкормленная’, 2. (о женщине) ‘бережливая’ [Там же: 176]; твер. *выберег (выберега) скота* ‘кормля и холя, уход и домашний корм’ [Даль: *выберегать*].

9. *stergti. Подобное сочетание «пищевых» (в широком смысле) и «охранительных» значений отмечается и у глагола *стеречь*: русск. забайкал. *стерезить* ‘стряпать, готовить что-л.’; *стеречь* ‘пасти скот’: «Ребята погнали лошадей *стеречь*» (курск.); «У нас *стерезут* коров на бударке (заливной луг)» (ворон.); *стеречи* 1. ‘охранять, караулить, стеречь’; 2. ‘пасти скот’: «Нанялся скотину *стеречи*» (орлов.) [СРНГ, 41: 148—149]. Внутренняя связь этих значений основана на общности бенефакционной цели: накормить и защитить — это

значит «каузировать существование, жизнь»; первое призвано обеспечить человека или скот жизненным ресурсом, второе — устранить препятствия и угрозы жизни.

Таким образом, сочетание значений ‘кормить’ и ‘беречь, защищать’, свидетельствуемое несколькими праславянскими (общеславянскими) глаголами, можно считать закономерным и мотивированным. Если в гнезде **xorniti* пищевые значения наиболее непосредственно связываются с семантикой защиты (и далее — сохранения, сбережения) через идею, так сказать, каузации жизни (ср. в разных языках глагол *жить* ‘давать, сообщать жизнь, жизненные силы’), то в гнезде **xovati* эти два смысла («пища» и «защита») соединяются в значении ‘пасти скот, кормить его, выхаживать’ и далее ‘растить, разводить (домашних животных)’. Устойчивость этой связи подтверждает семантический спектр глагола **pasti*, в котором оба значения — ‘пасти, кормить (скот)’ и ‘хранить, охранять, спасать’ — являются широко распространенными (ср. русск. *пасту, пастух, пастбище* и *спасту, запасту, запасы*), и особенно развитие вторичных «пищевых» значений у глаголов **bergti* и **stergti* с исходной семантикой ‘беречь, защищать’.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что каждое из двух понятийных полей — питания и воспитания — имеет в славянских языках свое лексическое оснащение и свои характерные мотивы, среди которых пересекающиеся (общие) мотивы занимают определенное место. В лексическом поле питания-кормления, включающем праславянские гнезда **ed-* (*еда, есть*), **kьrm-* (*корм, кормить*), **pit-* (*питать, пища*), **trav-* (польск. *strawa*), **sy-* (*сытый, насыщать*), **xorn-* (ю.-слав. *храна, хранити*, кашуб. *xarna*), **pas-* (*пасту, паша*), **živ-* (польск. *pożywanie*, чеш. *živiti*), **sil-* (польск. *posiłek*), **krěp-* (польск. *krzepić*), мотивы воспитания присутствуют прежде всего основным «пищевым» глагольным гнездам **pitati* и **kьrmiti*; в меньшей степени гнездам **xorniti* и **pasti*; остальные гнезда «пищевого поля» этих мотивов не знают. С другой стороны, в лексическом поле воспитания, основными составляющими которого являются русск. *воспитание*, укр. *виховання*, блр. *выхавання*, польск. *wychowanie*, чеш. *výchova*, словац. *výchova, vzdelanie*, болг. *възпитание*, макед. *образование*, серб. *образовање*, босн. *obrazovanje*, хорв. *odgoj*, словен. *izobraževanje, vzgoja*, с мотивами питания непосредственно связаны дериваты **pitati*, **xovati* и **gojiti*, обслуживающие большую часть «воспитательной» лексики славянских литературных языков и диалектов.

Иначе говоря, отправляемся ли мы от лексики питания или от лексики воспитания, мы неизбежно приходим к одним и тем же мотивам, причем связь между двумя понятийными сферами обеспечивается органичным для обеих сфер комплексом понятий защиты, опеки, вскармливания, содержания, т. е. обеспечения жизни. Этот комплекс так или иначе присутствует во всех лексико-этимологических гнездах, но в одних из них он оказывается вторичным, производным от питания (как в **pitati*, **kьrmiti*, **xorniti*), а в других, наоборот, он оказывается мотивирующим для питания (как в **bergti*, **stergti*), в третьих он совмещает в себе питание и защиту, охрану, наблюдение (как в **xovati*, **godovati*, **pasti*). Важным для всего рассматриваемого здесь семантического поля является различие объектов воздействия: кормление-питание-содержание людей вообще, детей, стариков или домашних животных, растений, поддержание и развитие каких-то областей внутренней жизни человека, его чувств, состояний или его деятельности, занятий (*питать неприязнь, пасту скот, хранить молчание, хранить тайну*). В разных языках и разных контекстах какие-то из этих различий могут оказываться значимыми, а могут нейтрализоваться или группироваться тем или иным способом: одни значения могут быть общими для человека и животных, другие — для животных и детей, для животных и растений и т. п.

Вся затронутая здесь область в целом представляет собой нечто вроде объемной семантической сети, связывающей разные семантические микросистемы, в узлах которой концентрируются смыслы, значимые для каждой из них. Когда лексико-семантическое пространство расширится до общеславянских пределов, мы столкнемся с системностью иного типа, чем когда мы ограничены материалом одного языка. Иной смысл приобретают понятия синонимии, многозначности, семантического параллелизма, семантической деривации и т. п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1 — / Под ред. Гецовој О. Г. М., 1980—. [*Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. No. 1—. Getsova O. G. (ed.). Moscow, 1980—.]
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М., 1948—1965. [*Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A dictionary of Modern Standard Russian]. Vol. 1—17. Moscow, 1948—1965.]
- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1 — / Съст. Георгиев В. И. София, 1971—. [*Bălgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian etymological dictionary]. Vol. 1—. Georgiev V. I. (comp.). Sofiya, 1971—.]
- Виноградов 1994 — Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. С. 5—38. [Vinogradov V. V. The word and its meaning as objects of historical lexicography. Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of words]. Moscow: Tolk, 1994. Pp. 5—38.]
- Виноградов 1995 — Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5—34. [Vinogradov V. V. The word and its meaning as objects of historical lexicography. *Voprosy jazykoznanija*. 1995. No. 1. Pp. 5—34.]
- Геров — Геров Н. Речник на българския език с тълкуване речите на български и руски. Т. 1—5. Пловдив, 1895—1904. [Gerov N. *Rechnik na bălgarskiya ezik s tălkuvane rechite na bălgarski i ruski* [A dictionary of the Bulgarian language with interpretations in Bulgarian and Russian]. Vol. 1—5. Plovdiv, 1895—1904.]
- Гринченко — Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Т. 1—4. Киев, 1907—1909. (Київ, 1958—1959). [Grinchenko B. D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [A dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 1—4. Kiev, 1907—1909. (Kii'v, 1958—1959).]
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1986—. Т. 1—. [Gistarychny slownik belaruskaj movy [A historical dictionary of the Belorussian language]. Minsk, 1986—. Vol. 1.]
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. 3-е изд. СПб.; М., 1912. [Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [An explanatory dictionary of the live Great Russian language]. Vol. 1—4. 3rd ed. St. Petersburg; Moscow, 1912.]
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1—6. Київ 1982—2012. [*Etymologichnyj slovnyk ukrai'ns'koi' movy* [An etymological dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 1—6. Kii'v, 1982—2012.]
- Иванов 1961 — Иванов Вяч. Вс. К этимологии русского *пасту* // Сборник статей по языкознанию. Памяти заслуженного деятеля науки проф. М. В. Сергиевского. М.: Изд-во МГУ, 1961. С. 105—119. [Ivanov Vyach. Vs. Towards the etymology of the Russian *pasti*. *Sbornik statej po jazykoznaniju. Pamyati zaslužennogo deyatela nauki prof. M. V. Sergievskogo*. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1961. Pp. 105—119.]
- Иванов 2007 — Иванов Вяч. Вс. Из индоевропейской обрядовой терминологии. «Хранить слово» // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти В. Н. Топорова. М.: Индрик, 2007. С. 43—50. [Ivanov Vyach. Vs. From the Indo-European ceremonial terminology. «Khranit' slovo». *Vostok i Zapad v balkanskoi kartine mira. Pamyati V. N. Toporova*. Moscow: Indrik, 2007. Pp. 43—50.]
- КСГРС — Картотека «Словаря говоров Русского Севера». Екатеринбург¹⁰. [*Kartoteka «Slovarja govorov Russkogo Severa»* [The card index of the Dictionary of dialects of the Russian North]. Ekaterinburg.]
- КЧДС — Картотека чешского диалектного словаря. Брно. [*Kartoteka cheshskogo dialektneho slovarya* [The card index of the Czech dialect dictionary]. Brno.]
- Малеча — Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1—4. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002—2003. [Malecha N. M. *Slovar' govorov ural'skikh (yait'skikh) kazakov* [A dictionary of the dialects of the Ural (Yaik) cossacks]. Vol. 1—4. Orenburg: Orenburgskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 2002—2003.]
- Мургоски 2005 — Мургоски З. Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005. [Murgoski Z. *Rechnik na makedonskiot jazik* [A dictionary of the Macedonian language]. Skopje, 2005.]
- Николаев, Толстая 2001 — Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора. М., 2001. [Nikolaev S. L., Tolstaya M. N. *Slovar' karpatoukrainskogo torun'skogo govora* [A dictionary of the Carpatho-Ukrainian Torun dialect]. Moscow, 2001.]

¹⁰ Материал любезно предоставлен Е. Л. Березович.

- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—. Л., 1967—. [*Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. No. 1—. Leningrad, 1967—.]
- РСБКЕ — Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1—3. София, 1951—1959. [*Rechnik na savremenniya balgarski knizhoven ezik* [A dictionary of the modern literary Bulgarian language]. Vol. 1—3. Sofiya, 1951—1959.]
- РСХКЈ — Речник српскохрватског књижевног језика. Књ. 1—3. Нови Сад; Загреб, 1967—1969; Књ. 4—6. Нови Сад, 1971—1976. [*Rechnik srpskokhrvatskog knizhevnoг jezika* [A dictionary of literary Serbo-Croatian]. Vol. 1—3. Novi Sad; Zagreb, 1967—1969; Vol. 4—6. Novi Sad, 1971—1976.]
- РСХКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1—. Београд, 1959—. [*Rechnik srpskokhrvatskog knizhevnoг i narodnoг jezika* [A dictionary of literary and vernacular Serbo-Croatian]. Vol. 1—. Belgrade, 1959—.]
- САР — Словарь Академии Российской (1789—1794). Т. 1—6. М., 2001—2005. [*Slovar' Akademii Rossijskoi (1789—1794)* [A dictionary of the Russian Academy]. Vol. 1—6. Moscow, 2001—2005.]
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1—12. Вологда, 1983—2007. [*Slovar' vologodskikh govorov* [A dictionary of Vologda dialects]. No. 1—12. Vologda, 1983—2007.]
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1— / Под ред. Матвеева А. К. Екатеринбург, 2001—. [*Slovar' govorov Russkogo Severa* [A dictionary of the dialects of the Russian North]. Vol. 1—. Matveev A. K. (ed.). Ekaterinburg, 2001—.]
- СОГ — Словарь орловских говоров. Вып. 1—4. Ярославль, 1989—1991; Вып. 5—. Орел, 1992—. [*Slovar' orlovskikh govorov* [A dictionary of Orel dialects]. No. 1—4. Yaroslavl', 1989—1991; No. 5—. Orel, 1992—.]
- СПГ — Словарь пермских говоров. Т. 1—2. Пермь, 2000—2002. [*Slovar' permskikh govorov* [A dictionary of Perm' dialects]. Vol. 1—2. Perm', 2000—2002.]
- СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1—5. Мінск, 1979—1986. [*Slownik belaruskikh gavorak pavnochna-zahodnjaj Belarusi i jae pagranichcha* [A dictionary of the Belorussian dialects of the north-western Belarus' and its borderzone]. Vol. 1—5. Minsk, 1979—1986.]
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1—6 / Гл. ред. Герд А. С. СПб., 1994—2005. [*Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [A dictionary of the Russian dialects of Karelia and cross-border regions]. Vol. 1—6. Gerd A. S. (ed.). St. Petersburg, 1994—2005.]
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. Федорова А. И. Т. 1—5. Новосибирск, 1999—2006. [*Slovar' russkikh govorov Sibiri* [A dictionary of the Russian dialects of Siberia]. Fedorov A. I. (ed.). Vol. 1—5. Novosibirsk, 1999—2006.]
- Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893—1903. [*Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on the basis of written records]. Vol. 1—3. St. Petersburg, 1893—1903.]
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—. М.; Л., 1965—. [*Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of Russian folk dialects]. No. 1—. Moscow; Leningrad, 1965—.]
- ССГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 1—11. Смоленск, 1974—2005. [*Slovar' smolenskikh govorov* [A dictionary of Smolensk dialects]. No. 1—11. Smolensk, 1974—2005.]
- СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 1—4. СПб., 1847. [*Slovar' tserkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk* [A dictionary of the Church Slavonic and Russian languages compiled by the Second department of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1—4. St. Petersburg, 1847.]
- Толстая 2006 — Толстая С. М. «Разноосновные» глаголы в русском языке // *Od fonemy do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2006. S. 365—372. [Tolstaya S. M. «Heterostemmed» verbs in Russian. *Od fonemy do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu*. Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2006. Pp. 365—372.]
- Толстая 2009 — Толстая С. М. 'Кормить' и 'хоронить' (к семантической реконструкции славянской погребальной лексики) // *Studia etymologica Brunensia*. 6. Praha: Lidové noviny, 2009. S. 341—355. [Tolstaya S. M. 'Kormit' i 'khoronit' (about semantic reconstruction of Slavic funeral lexicon). *Studia etymologica Brunensia*. Vol. 6. Praha: Lidové noviny, 2009. Pp. 341—355.]
- Топоров 1959 — Топоров В. Н. Slovenica // Вопросы славянского языкознания. 1959. Вып. 4. С. 90—99. [Toporov V. N. Slovenica. *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija*. 1959. No. 4. Pp. 90—99.]

- ТС — Тураўскі слоўнік. Т. 1—5 / Сост. Крывіцкі А. А., Цыхун Г. А., Яшкін І. Я. Мінск, 1982—1987. [*Turawski slownik* [Turov dictionary]. Vol. 1—5. Kryvicki A. A., Cyhun G. A., Jashkin I. Ja. (comp.). Minsk, 1982—1987.]
- ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1—5. Мінск, 1977—1984. [*Tlumachal'ny slownik belaruskaj movy* [An explanatory dictionary of the Belorussian language]. Vol. 1—5. Minsk, 1977—1984.]
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения Трубачева О. Н. Т. I—IV. М., 1964—1973. [*Fasmer M. Etimologičeskii slovar' russkogo jazyka* [An etymological dictionary of the Russian language]. Translation from German and addendum by Trubachev O. N. Vol. I—IV. Moscow, 1964—1973.]
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 1— / Под ред. Трубачева О. Н. М., 1974—. [*Etimologičeskii slovar' slavyanskikh jazykov. Praslavyanskii leksičeskii fond* [An etymological dictionary of the Slavic languages. Protoslavonic lexicon]. Vol. 1— / Trubachev O. N. (ed.). Moscow, 1974—.]
- Bartoš 1906 — Bartoš F. *Dialektický slovník moravský*. Praha, 1906.
- Boryś 2005 — Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005.
- Brückner 1957 — Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1957.
- ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Т. 1—. Praha; Brno, 1989—.
- HSSJ — *Historický slovník slovenského jazyka*. Т. 1—. Bratislava, 1991—.
- Kellner 1949 — Kellner A. *Východolašská nářečí*. Brno, 1949.
- PSJČ — *Příruční slovník jazyka českého*. Т. 1—8. Praha, 1935—1957.
- RHSJ — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. D. 1—23. JAZU. Zagreb, 1880—1976.
- SEK — Popowska-Taborska H., Boryś W. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. Т. 1—6. Warszawa, 1994—2010.
- SGP — *Słownik gwar polskich*. Т. 1—. Kraków, 1979—.
- Snoj 2003 — Snój M. *Slovenski etimološki slovar*. 2 izd. Ljubljana, 2003.
- SRPS — Isačenko A. V. *Slovensko-ruský prekladový slovník*. Т. 1—2. Bratislava, 1950.
- SSKJ — *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Knj. 1—5. Ljubljana, 1970—1991.
- SSN — *Slovník slovenských nářečí*. Т. 1—. Bratislava, 1994—.
- Sychta — Sychta B. *Slovník gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. Т. 1—7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967—1976.
- Šivic-Dular 1999 — Šivic-Dular A. *Besedna družina iz korena *god- v slovanskih jezikih*. Ljubljana: Založba ZRC, 1999.
- WSPR — Hessen D., Stypuła R. *Wielki słownik polsko-rosyjski*. Warszawa; Moskwa, 1967.

Статья поступила в редакцию 02.09.2015.

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ КОННЕКТОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА:

не только... но и

© 2016 г. Ольга Инькова

Женевский университет, Женева, Швейцария; Институт проблем информатики ФИЦ ИУ РАН,
Москва, 119333, Российская Федерация
Olga.Inkova@unige.ch

В статье обсуждается проблема описания многокомпонентных коннекторов русского языка на примере коннектора *не только... но и*, обладающего высокой степенью вариативности. Для того чтобы эта проблема получила непротиворечивое и системное решение, автор предлагает разделить концептуальный и языковой уровень анализа коннекторов, соответственно, тип выражаемого логико-семантического отношения и языковые средства, которыми располагает язык для его выражения. Отношение, устанавливаемое *не только... но и*, определяется как отношение неединственности, а минимальной единицей, способной его устанавливать, является частица *не только*. Все остальные связующие средства, образованные на ее основе в сочетании с союзами *а* и *но* и различными частицами, принадлежат не системе языка, а являются речевыми реализациями, зависящими от коммуникативной цели говорящего, предшествующего контекста, смыслового содержания, которое говорящий хочет передать, и выбранной им для этого синтаксической структуры.

Ключевые слова: коннекторы, многокомпонентные единицы, *не только... но и*, отношение неединственности, русский язык, семантика

TOWARDS THE DESCRIPTION OF MULTIWORD CONNECTIVES IN RUSSIAN:

ne tol'ko... no i 'non only... but also'

Olga Inkova

Geneva University, Geneva, Switzerland; Institute of Informatics Problems of the FRC CSC, Russian
Academy of Sciences, Moscow, 119333, Russian Federation
Olga.Inkova@unige.ch

This article discusses the description of multiword connectives in Russian on the example of *ne tol'ko... no i* 'not only... but also', a connective with a high degree of variability. In order to achieve a non-contradictory and systematic solution, the author proposes to separate the two levels of analysis—conceptual and linguistic, i. e. the type of logical-semantic relation and the means that the language has for its expression respectively. The relation established by *ne tol'ko... no i* can be defined as a relation of non-uniqueness; the minimal item capable of expressing it is the particle *ne tol'ko* 'not only'. All other means of connection formed on its basis with the conjunctions *a* 'and/but' and *no* 'but' (and various kinds of particles) do not belong to the system of language: they represent speech realizations dependent on the speaker's communicative purpose, preceding context and semantic content the speaker has chosen for this a type of syntactic structure and intends to express.

Keywords: connectives, multiword expressions, *ne tol'ko... no i*, Russian, relation of non-unicity, semantics

Вводные замечания

Как известно, в русском языке существует большое количество единиц со связующей функцией — коннекторов, — состоящих из нескольких элементов. Их состав может быть различным. Это, с одной стороны, сочетания сочинительного союза с частицами, модальными словами, наречиями (*или может быть, а главное, да и* и др.); а с другой, сочетания сочинительного союза с так называемыми аналогами союза, т. е. единицами, которые не принадлежат к морфологическому классу союзов, но могут выполнять союзную функцию и уже сами часто состоят из нескольких элементов (*но тем не менее, и однако, а кроме того*). Расположение компонентов таких единиц может быть контактным, как в приведенных примерах, но может быть и дистантным; при этом составляющие многокомпонентного коннектора могут находиться как в вводимом им фрагменте текста (1)¹, так и в каждом из соединяемых им фрагментов текста (2). За последними в русской грамматической традиции закрепляется термин «двухместные» или, если связываемых элементов больше, «многоместные союзы».

- (1) Это дорого, *но* «Сапсан» *тем не менее* стал единственным прибыльным пассажирским проектом: по словам главы РЖД Владимира Якунина, его рентабельность достигает 30% [Филипп Чапковский. Миллиардный поток // «Русский репортер», № 45 (223), 17 ноября 2011];
- (2) *Не то чтобы* диван, *а и* раскладушку не на что купить [Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003].

Многие из таких составных коннекторов отличаются большой степенью вариативности. Прежде всего, в двухместных союзах может варьироваться сочинительный союз, маркирующий второй из связываемых фрагментов текста: чаще всего чередуются союзы *а* и *но*. Союз может также отсутствовать, во многих случаях являясь факультативным, как может отсутствовать и сам второй фрагмент текста. Если взять в качестве примера *не то чтобы*, то в (3), в отличие от (2), второй фрагмент текста вводится союзом *но*; в (4) сочинительный союз отсутствует, а в (5) отсутствует и сам второй фрагмент текста:

- (3) *Не то чтобы* пьяная, *но* явно навеселе [И. Грекова. Перелом (1987)];
- (4) *Не то чтобы* нас это удивляет. Напротив, весьма радует [Юлия Пешкова. Дом мод (2002) // «Домовой», 2002.09.04];
- (5) *И не то чтобы* я об этом думал, про машинистов и эти локомотивы. Это же странно — думать про локомотивы [Евгений Гришковец. ОдноврЕМенно (2004)].

С другой стороны, в случае составных одноместных коннекторов возникают целые парадигмы, образованные с одним их сочинительных союзов. Союз *да*, например, может образовывать такие сочетания: *да и, да еще, да и еще, да еще и, да притом еще и*, причем его составная часть *еще и* может употребляться и без *да*. Вот несколько примеров:

- (6) Последнее XGI пока не удалось, *да и* результаты тестов VolariV 8 Duo Ultra в независимых лабораториях разочаровали многих [Вячеслав Соболев. Есть ли шансы у XGI // «Computerworld», 2004];
- (7) Руль цвета советского флага, *да еще и* с обратной связью [Андрей Сасиновский. Игровые инструменты (2003) // «Stuff», 2003.03.06];
- (8) А потом и узнали, что некий картограф по имени Ричард Чьякки, воистину «владелец тверди земной», шутки ради подправил карту Колорадо, *еще и* назвав гору своим именем [Крапленые карты географии // «Знание — сила», 2003].

И, наоборот, многие конкретизаторы и аналоги союзов могут сочетаться в составе одноместного коннектора с разными сочинительными союзами. Так, например, комплекс

¹ Примеры для данного исследования, за исключением (61), заимствованы из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

еще и может сочетаться не только с союзом *да*, но и с союзом *а*, а коннектор *тем не менее* не только с союзом *но*, как в (1), но и с *а* и *и*. Та же вариативность характеризует, как мы видели, и двухместные составные коннекторы.

Подобные случаи вариативности являются, таким образом, частотными и охватывают все виды многокомпонентных коннекторов. Поэтому возникает закономерный вопрос о категориальном статусе этих вариантов в языке: являются ли они самостоятельными языковыми единицами, стоящими в одном ряду с сочинительными и подчинительными союзами, многие из которых также являются составными, идет ли речь о свободных сочетаниях коннекторов, наконец, где проходит граница между этими двумя явлениями?

Данная проблема очень мало изучена в современной лингвистике (см. рассуждения об этом в [Fraser 2013]), но для русского языка была поставлена давно, в статье 1977 г. А. Ф. Прияткиной «Об отличии союза от других связующих слов». Некоторые из аспектов данной проблемы были рассмотрены в монографии [Черемисина, Колосова 2010], дающей единственный на сегодняшний день опыт структурного описания совокупности связующих средств русского языка. Т. М. Николаева [1985; 2008] показывает, что многие русские дискурсивные маркеры, часто воспринимаемые как неразложимые в современном языке, строятся по принципу «калейдоскопа» из одних и тех же элементов («блуждающих частиц»), но каждый раз в разных сочетаниях и представляют собой ‘готовые к употреблению’ многокомпонентные языковые единицы. Можно, например, выделить серию с *ли* (*либо*, *или*, *то ли... то ли* и др.) или с *то* (*а то*, *не то*, *то... то...*, *то ли... то ли...*, *зато* и др.). В. Н. Завьялов [2009] на основе существующих классификаций рассматривает структуру многокомпонентных союзов в узком смысле этого термина.

Однако многие из полученных на сегодняшний день результатов либо не отвечают напрямую на сформулированные выше вопросы, либо предлагают решения, которые не могут считаться удовлетворительными на современном уровне лингвистического знания. Так, предлагаемое в [РГ-80, I: § 1671] решение рассматривать коннекторы типа *и потому*, *но зато*, *или иначе* как сочетания сочинительных союзов, имеющих абстрактное значение, и конкретизаторов, которые «подключаются к союзу и уточняют его значение», отчасти объясняет функционирование и статус таких сочетаний, но оставляет нерешенным вопрос о критериях определения того или иного сочетания как самостоятельной языковой единицы. Та же РГ-80 [I, § 1671] уточняет, например, что в некоторых случаях «конкретизатор, подключаемый к простому союзу, становится компонентом составного союза», приводя в качестве примера *а именно* и *а также*. Но, если первый в современном русском языке действительно функционирует всегда как единый союз, не допускающий никаких изменений своей формы, во втором случае элемент *также* может выступать в качестве самостоятельного коннектора с тем же значением, но в других синтаксических условиях. Например, в (9) *также* устанавливает отношение между двумя самостоятельными предложениями, в (10) *а также*, которое всегда занимает начальную позицию, соединяет части сложного предложения, тогда как в (11) тот же показатель соединяет однородные члены в составе простого предложения:

- (9) Стандарт IDEF 5 позволяет наглядно и эффективно разрабатывать, поддерживать и изучать онтологию. Для описания онтологии применяются *также* языки и модели, предназначенные для структурной и семантической разметки Web-документов [С. Г. Керимов. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии // «Информационные технологии», 2004];
- (10) Для описания онтологии предложены специальные языки (OIL), *а также* используются стандартные языки (XML) и модели (RDF), предназначенные для описания метаданных [С. Г. Керимов. Интеллектуальный поиск информации, основанный на онтологии // «Информационные технологии», 2004];
- (11) При ЗПР часто наблюдается отставание в развитии речи, *а также* достаточно стойкие фонетико-фонематические нарушения и расстройства артикуляции [Л. А. Захирина, Н. Ф. Бережная. Особенности развития старших дошкольников при перинатальной патологии ЦНС // «Вопросы психологии», 2004].

Как рассматривать эти два коннектора: как два самостоятельных или как варианты одного коннектора с различной синтаксической дистрибуцией? В таком случае можно утверждать, что вариант *также* служит для связи самостоятельных предложений, вариант *а также* для связи частей сложного предложения и однородных членов в простом предложении. Однако *также* может сочетаться и с союзом *но*, часто с явно выраженным противительным оттенком значения (ср. в этом отношении (12) и (13)), но в тех же синтаксических условиях, что *а также*:

- (12) Четвертый тип характеров: исполнители, полностью равнодушные к догме, идеям, философии, *но также* чуждые и аналитических способностей [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)];
- (13) Он угадывал их тайные желания, ему были открыты их страсти, пороки, все знал, что было скрыто в них, *но также* и доброе [М. А. Булгаков. Театральный роман (1936—1937)].

Возникает, следовательно, вопрос о взаимном статусе этих трех показателей связи: *также*, *а также* и *но также*, а в случае последних двух, вопрос о вхождении в их состав частицы *и*, которая часто употребляется во вводимом им фрагменте текста. Например, Завьялов [2009: 284] считает исходной формой *а также и*, тогда как *также и*, *а также* и *также* рассматриваются как редуцированные варианты этой исходной формы, что, на наш взгляд, представляется довольно спорным. В. Ю. Апресян, О. Е. Пекелис [2011] в списке союзов дают единственную форму *а также*.

Еще более сложно решить данный вопрос в случае парадигмы, образованной на основе союза *да*: *да*, *да и*, *да еще*, *да еще и*, *еще и* (см. примеры (6)—(8) выше). Считать ли члены данной парадигмы составными союзами или сочетанием союза и конкретизатора, учитывая тот факт, что они могут быть отделены от союза *да* другими словами, входящими в состав предложения?² Ср. для *да и еще* (14), где *еще* отделено от *да и* прилагательным *мокрый*:

- (14) Разве это табак... Да и мокрый еще... [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943—1958)].

И в том и в другом случае остается нерешенным вопрос о том, каков статус этих образований по отношению к простому союзу *да*, так как так называемый конкретизатор не только уточняет значение простого союза, но и накладывает определенные структурные ограничения на окружающий его контекст и часто не может быть опущен без нарушения приемлемости высказывания. Так, в (14) невозможно опустить элемент *еще*.

В связи с развитием корпусной лингвистики, созданием аннотированных корпусов и надкорпусных баз данных вопросы об определении линейных границ многокомпонентных коннекторов, об их исходной форме и ее варьировании, о статусе многокомпонентных единиц и их вариантов в системе языка приобретают особую актуальность [Инькова 2015]. В настоящем исследовании предлагается рассмотреть эту проблематику на примере коннектора *не только... но и*. Наш выбор обусловлен, с одной стороны, тем, что эквивалентные русскому коннектору единицы существуют во многих языках (ср. для английского *not only... but also*, для немецкого *nicht nur... aber auch*, для французского *non seulement... mais aussi*, для итальянского *non solo... ma anche* и т. д.) и часто приводятся в качестве примера многокомпонентной языковой единицы (ср., в частности, [Мельчук 2001; Мустайоки, Копотев 2004; Svensson 2012]). С другой стороны, этот коннектор обладает высокой степенью вариативности своей формы при устойчивости значения, что ставит под сомнение его статус лексемы или «фраземы», решение, предлагаемое в [Мельчук 2001] и [Мустайоки, Копотев 2004]. Наконец, требует уточнения и его семантика.

² Из всех перечисленных вариантов Н. И. Формановская [2007: 21], например, выделяет только два «связочных средства»: *да и* и *и еще*, но не упоминает ни *еще и*, ни другие возможные комбинации из этих элементов.

Рассмотрение этих вопросов мы начнем с описания формальных и семантических свойств *не только... но и* в существующих на сегодняшний день грамматиках и исследованиях (раздел 1), что позволит нам определить его категориальный статус в системе языка (раздел 2).

1. Формальные свойства и семантика *не только... но и* в грамматиках и исследованиях

В русской грамматической традиции *не только... но и* относится к двухместным сочинительным союзам (см. среди прочих [Крючков, Максимов 1977: 24; РГ-80, II: § 3153; Белошапкова 1997: 599; Санников 2008: 314; Завьялов 2009: 119]). Что касается его внутренней формы, то, согласно [РГ-80 I, § 1681], этот коннектор построен по схеме «союз — союз». Квалификация элемента *не только* как союза (ср. также [Ефремова 2004]) представляется, однако, довольно спорной³. Более адекватно, на наш взгляд, считать *не и только* частицами [Богуславский 1996: 396; Формановская 2007: 42; МАС].

Обращение к данным НКРЯ позволяет констатировать, что состав этого коннектора отличается высокой степенью вариативности. Этот факт отмечается и в исследованиях, специально посвященных данному коннектору, например, [Варнаева 2000; Дровникова 1980; Киселева 1967]. Об этом же свидетельствует и форма его представления в РГ-80 [I, § 1671]: *не только — но и (но также, но еще, но притом, но к тому же); не только — а еще (а также, а кроме того, а притом еще); не только не — но даже*. К перечисленным вариантам можно добавить и много других. Так, варианты *не только... но также, не только... но еще* могут включать в свой состав частицу *и*, как в (15) и (16); и, напротив, *не только... но и*, форма, фигурирующая как «исходная» в грамматиках и словарях, может употребляться без нее (17):

- (15) Речь идет о том, что в области *не только* гуманитарных, *но также и* естественных наук наблюдаются обращения к явлениям психики [Е. А. Климов. Психология в XXI веке // «Вопросы психологии», 2003];
- (16) Ей устроили овацию *не только* в зрительном зале, *но еще и* в фойе, куда певица вышла пообщаться с публикой [Новости культуры (2002) // «Сочи», 2002.08.22];
- (17) Он *не только* придаст глянец, *но будет* препятствовать накоплению пыли на листьях [Татьяна Булгакова. Цветочная «косметичка» (2003) // «Сад своими руками», 2003.01.15].

Кроме того, второй фрагмент текста может быть никак не маркирован (18), а может и вообще отсутствовать (19):

- (18) Ею могут пользоваться *не только* художники-прикладники, она доступна и целесообразна для занятий в школьных мастерских [Константин Скворцов. От кубка до рыцарского шлема // «Народное творчество», 2004];
- (19) Необходимо и сильное лоббирование, причем *не только* парламентское, со стороны предпринимателей с целью снижения единого социального налога. Иначе ничего сделать не удастся [Денис Викторов. Стена (2003) // «Бизнес-журнал», 2003.10.23].

Наконец, порядок следования соединяемых фрагментов текста может быть обратным, т. е. *не только* маркирует второй фрагмент текста, который в этом случае вводится союзом

³ В эту группу, где соединены «два функционально близких, но формально различных элемента», попадает, впрочем, и *не... а*, где первый элемент является отрицательной частицей, вместе с *хотя... но и если и ... но*, структура которых действительно соответствует определению «союз — союз». А вот *не то чтобы... но* попадает в другую группу соединений, построенных по схеме «союз — союз», а именно в союзы, где соединены «два семантически и формально различных элемента» [РГ-80, I: § 1681], хотя функционирование первых компонентов *не только... но и* и *не то чтобы... но* очень похоже.

a (20) или при помощи бессоюзной связи, как в (21), где в первой части высказывания употреблен коннектор *не только... но и*, а во второй, после тире, с обратным порядком следования фрагментов текста, второй фрагмент маркирован *не только*:

- (20) Число молодых россиян, стремящихся получить высшее образование, оказывается значительным во всех слоях общества, *а не только* среди богатых [Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005];
- (21) *И не только* в производство автомобилей, *но и* комплектующих нового поколения — их собираются устанавливать на все модели, *не только* на новые [Петр Меньших, Владимир Каданников. В Тольятти придут инвесторы... (2003) // «За рулем», 2003.05.15].

Возможность изменить порядок следования фрагментов текста, один из которых маркируется *не только*, противоречит утверждению В. А. Белошапковой [1997: 598] о том, что данный коннектор, хотя и представляет собой такую последовательность, части которой похожи на самостоятельные лексемы, не имеет, тем не менее, релевантных признаков словосочетаний: части рассматриваемой единицы «имеют строго фиксированный порядок следования». Заметим также, что элементы *но* и *и* могут быть разделены другими словами, к примеру, в (22) это предикат «отражает»:

- (22) Фраза значима *не только* с точки зрения советского администрирования Нового года, *но* отражает *и* общие новогодние чаяния [Олег Николаев. Новый год: праздник или ожидание праздника? // «Отечественные записки», 2003].

Такая ситуация заставляет некоторых исследователей представлять коннектор *не только... но и* в форме *не только... но <и>* [Формановская 2007: 42] или *не только... (но и)* [Санников 2008: 314]. Другие, наоборот, рассматривают различные варианты данного коннектора как самостоятельные лексические единицы; ср., например, [Рогожникова 1971], где таким образом трактуются *не только... но и* и *а не только*.

Существует также традиция трактовать двухместные союзы как идиоматические, устойчивые сочетания, фразеологизмы ([Виноградов 1947; Шведова 1960; Шмелев 1960; Всеволодова, Лим 2002; Аверина 2004; Панкова 2007; Дудко 2008] и др.). Так, в одном из недавних исследований [Мустайоки, Копотев 2004], связанных как раз с проблемой разработки аннотированных корпусов, *не только... но и* охарактеризован как «фразема». Авторы статьи опираются на определение «фраземы», предложенное И. А. Мельчуком:

Комплекс X , образованный из сегментных знаков $X_1, X_2, \dots, X_n$, называется фраземой, если, по крайней мере, один из трех компонентов этого комплекса (т. е. его означаемое, означающее или синтактика) не представим в терминах соответствующих компонентов знаков $X_1, X_2, \dots, X_n$, в то время как два других его компонента представимы в терминах соответствующих компонентов знаков $X_1, X_2, \dots, X_n$ [Мельчук 2001: 448].

Для квалификации той или иной языковой единицы как фраземы важно также иметь в виду, что фраземы «не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [ЛЭС: *Фразеологизм*]. Легко заметить, и это признают авторы статьи [Мустайоки, Копотев 2004: 99], что семантика *не только... не* вполне укладывается в сумму значений входящих в него элементов⁴. Основанием для его отнесения к фраземам, точнее к «сочетаемым полумфраземам» [Там же: 100], является ограничение синтаксическое: «элементы, которые попадают под выделение, должны принадлежать к одному синтаксическому

⁴ К противоположному выводу приходит А. Е. Варнаева [2000: 63], считая, что значение *не только... но и* «достаточно идиоматично». Автор исходит, правда, из того, что данный коннектор является градационным и противопоставляет данное и новое, а этих значений действительно нет у составляющих его элементов.

классу», ограничение, которое нехарактерно для свободного употребления союза *но*. В качестве примера приводится неприемлемость высказывания **Работать не только необходимо, но и отдыхать*. Можно заметить, что данное высказывание в равной степени неприемлемо и с *но* (**Работать необходимо, но отдыхать*), но дело здесь не столько в синтаксической структуре, сколько в актуальном членении высказывания и в семантике отношения, которым связаны его части (ср. разную степень приемлемости ^{??}*Необходимо работать, но отдыхать* и [?]*Необходимо работать, но и отдыхать*).

Кроме того, симметричность частей, обусловленная принадлежностью элементов, соединяемых *не только... но и*, к одному классу, весьма относительна. См. (22) выше, где *не только* сдвинуто вправо по сравнению со стандартной конструкцией (должно было бы соединять *не только* значима..., *но и* отражает...), и (23), где оно сдвинуто, наоборот, влево (общий глагол *обновить* должен был бы стоять перед *не только*):

- (23) Ведь весна — отличный повод для того, чтобы *не только* обновить гардероб, прическу, *но и* интерьер [Преврати свой дом в цветущий сад! // «Даша», 2004].

О такого рода нарушениях симметрии частей, соединяемых двухместными союзами, хорошо известно; ср., например, [Ковтунова 1976: 124—125; Клопова 1986; Богуславский 1996: 390; 2010; Варнаева 2000: 50 и сл.; Сигал 2004: 267—271]. Они реально существуют, ими активно пользуются говорящие, хотя оценка степени их приемлемости может быть различна у носителей языка. По мнению И. М. Богуславского [2010: 243], нарушения симметрии не настолько велики, чтобы вывести подобные конструкции за рамки грамматической правильности. Кроме того, повышение синтаксической позиции первого компонента союза не всегда приводит к более прозрачному построению высказывания и не облегчает его понимание. Ср. пример неудачной попытки поставить первый компонент *не только* на 'свое место', который приводит Богуславский [Там же: 246]:

- (24) Молодой драматург А. Буравский написал пьесу «Говори...» *не только* по мотивам очерков «Районные будни», *но и* вплел в ее сюжетную ткань страницы биографии их автора, используя его дневники и записные книжки («Досуг в Москве») ⇒ Молодой драматург А. Буравский *не только* написал пьесу «Говори...» по мотивам очерков «Районные будни», *но и* вплел в ее сюжетную ткань страницы биографии их автора.

Не только стояло 'на своем месте' именно в первоначальном варианте — при выделяемом, наиболее значимом слове, создавая таким образом единство парадигмы элементов, использованных автором пьесы: с одной стороны, мотивы очерков, а с другой, страницы биографии их автора. Н. И. Формановская [2007: 43] отмечает, что первая часть (*не только*) двухместного союза «обладает свойствами выделительной частицы, подчеркивающей то или иное слово». Поэтому она может располагаться «при слове сопоставляемом, сравниваемом и при этом выделяемом».

В некоторых случаях симметричная конструкция невозможна по синтаксическим причинам; ср. (25) с грамматичным (26):

- (25) И вот в этом воздухе, который *не только* нас окружает, *но* который мы в себя вдыхаем [...] [Евгений Гришковец. ОднорЕмЕнно (2004)];

- (26) *И вот в этом воздухе, *не только* который нас окружает, *но* который мы в себя вдыхаем [...].

Таким образом, асимметричная конструкция представляет собой «грамматикализованный, узаконенный системой языка путь разрешения некоторых конфликтов» [Богуславский 2010: 269], возникающих, когда на чисто синтаксические факторы построения высказывания накладываются факторы другого рода: семантические, сочетаемостные, коммуникативные. Поэтому критерий принадлежности соединяемых элементов к одному синтаксическому классу не может рассматриваться как определяющий для квалификации *не только... но и* даже как «полуфраземы». Кроме того, квалификация коннекторов типа *не только... но и* как фразем оставляет нерешенным вопрос о категориальном статусе его разнообразных вариантов.

Что касается семантики *не только... но и*, то среди лингвистов нет единства в вопросе о том, к какой семантической группе союзов его следует относить. Его причисляют к соединительным [Шахматов 1941: 505; Руднев 1963: 229; РГ-70: 640], к противительным [Петерсон 1952: 442; Гвоздев 1953: 140; Киселева 1967: 128], к отрицательно-утвердительным [Попов 1975], а в последнее время к так называемым градационным союзам на том основании, что информация, содержащаяся во втором фрагменте текста, более значима (в частности, [Крючков, Максимов 1977: 24; РГ-80, II: § 3153; Япон 1986: 99; Белошапкина 1997: 599; Колесникова 1999: 37; Варнаева 2000; Згурская 2000; Сигал 2004: 142—145; Санников 2008: 314—315; Апресян, Пекелис 2011]). Формановская [2007: 42], относя этот коннектор к способам выражения сопоставления, тем не менее, отмечает у него «оттенок градационного значения: при его помощи можно подчеркнуть преимущественное значение одного из сопоставляемых явлений».

В. З. Санников, признавая в целом такую формулировку, связывает значение *не только... но и* с понятием нормы. С его точки зрения, правильнее говорить «не о большей важности второго компонента, а о существенном отклонении от нормы» [Санников 2008: 314]. Но если такое определение применимо для *не только... но и* в сопровождении, например, частицы *даже*, которая предполагает шкалу «ожидания», на которой маркируемый компонент занимает последнее место (27), то она неприемлема, например, для (28), где, наоборот, содержание второй части описывает ‘нормальную’ со всех точек зрения ситуацию: мы вдыхаем воздух.

- (27) Оказывается, что в радиусе 3 километров во всех магазинах начисто сметены *не только* все «батарейки» и другие энергетические напитки, *но даже* обычная кола — Мосмарт готовится к открытию [Запись LiveJournal (2004)];
- (28) И вот в этом воздухе, который *не только* нас окружает, *но* который мы в себя вдыхаем, — [...] проникают постоянно бесконечные радиоволны и телевизионные волны, какие-то сигналы космической связи [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)].

Против определения значения союза *не только... но и* как градационного («при сопоставлении подчеркивается большая важность второго однородного члена по сравнению с первым») явно выступают, пожалуй, только авторы вузовского учебника [Галкина-Федорук и др. 2009: 79], отмечая, что для этого нет «достаточных оснований». Авторы относят *не только... но и* к союзам сопоставительным, считая его синонимичным *как... так и*, но не приводят, однако, своих доводов. Можно, тем не менее, заметить, что большая значимость [РГ-80, II: § 3154] второго компонента заложена уже в семантике самого союза *но*, свойство, которое он проявляет и в противопоставительных структурах. Кроме того, само выделение градационных союзов в самостоятельный семантический класс вызывает возражения [Санников 2008: 318; Завьялов 2009: 120, сн. 1; Инькова 2013].

Высокая степень структурной вариативности данного коннектора позволяет предположить, что выбор языкового оформления второго компонента (т. е. выбор союза или его отсутствие, выбор и количество частиц, порядок следования соединяемых фрагментов текста) диктуется, по-видимому, не столько грамматическими законами, сколько законами дискурсивными, иначе говоря, коммуникативным заданием говорящего и структурой текста. В этой связи возникает необходимость, с одной стороны, определить исходную форму данного коннектора (на этот статус может претендовать *не только*), а с другой, определить семантику отношения, устанавливаемого между двумя положениями вещей при помощи исходной формы, а также в разнообразных ее сочетаниях с союзами и частицами.

2. Предлагаемые решения

Для языковых единиц, подобных *не только... но и*, имеющих высокую степень варьирования формы, представляется продуктивным и обоснованным развести понятийный и языковой уровни семантического анализа. В случае коннекторов, это, с одной стороны,

тип логико-семантического отношения, который они устанавливают, а с другой, языковые средства, которыми располагает тот или иной язык для выражения данного отношения⁵.

2.1. Тип выражаемого *не только... но и* логико-семантического отношения

Рассмотрим следующий пример, чтобы определить семантический вклад *не только... но и* в значение высказывания:

- (29) Это блюдо характерно *не только* для эстонской, *но и* для финской кухни [Рецепты национальных кухонь: Эстония (2000—2005)].

Первый компонент коннектора — *не только* — состоит из двух элементов: отрицания *не* и частицы *только*. Отрицание является здесь не дескриптивным, а полемическим (в терминологии О. Дюкро [Ducrot 1984]): говорящий оспаривает возможную точку зрения слушающего, основанную на присутствующей в контексте информации или на общих для говорящего и слушающего фоновых знаниях, утверждая, что эта точка зрения не соответствует действительности. В данном случае, исходя из того, что книга посвящена рецептам Эстонии, это может быть представление о том, что описанный рецепт является чисто эстонским.

Полемическое отрицание естественным образом создает у слушающего ожидание некоторого продолжения. В большинстве случаев, таким продолжением является текстовый ход коррекции [Инькова-Манзотти 2001: глава VII]. Он вводится в русское либо при помощи бессоюзной связи (как в (31) ниже), либо союзами *а* или *но* (ср. известное булгаковское *Это не кот, а бандит*, и с этой точки зрения *не... а* принято рассматривать в русской лингвистической традиции как двухместный союз). Но в нашем высказывании в сферу действия отрицания попадает лишь частица *только*. Отрицается, следовательно, не все положение вещей («это блюдо характерно для эстонской кухни»), а только единственность элемента, который попадает в сферу действия частицы *только*. Т. П. Ломтев [1971: 113] справедливо называет *не только* «квантитативом неединственности». Этим и объясняется то не столько синтаксическое, сколько семантическое ограничение, о котором говорится в [Мустайоки, Копотов 2004: 100]: принадлежность попадающих под выделение элементов в один класс. Но накладывает его именно *не только*, а не весь коннектор. Это хорошо видно и при бессоюзной связи фрагментов текста, в первой из которых находится *не только*:

- (30) Теперь она *не только* молодая красивая женщина, фотомодель и звезда — она мама, она хозяйка счастливого дома [Инна Гомес: на Острове в сосновом бору (2004) // «Homes & Gardens», 2004.04.16].

Употребление в первом фрагменте текста *не только* перед «молодая красивая женщина, фотомодель и звезда» готовит слушающего к тому, что в продолжении будут перечислены элементы, характеризующие подлежащее «она» и которые, следовательно, можно объединить в множество качеств женщины.

Что касается второго компонента коннектора в анализируемом нами примере (29): *но и*, то он традиционно считается составным союзом и может употребляться самостоятельно,

⁵ Хотелось бы уточнить, что речь не идет о семантических классах языковых единиц, составляющих лексическую систему того или иного языка, куда попадают единицы с различными функциональными свойствами, но объединенные общим значением (так, семантический класс неединственности включил бы в себя также существительные *множество*, *элемент*, глагол *включать*, *добавлять*, местоимения *многие*, *один из* и др.). Термин «логико-семантические отношения» используется для отношений, которые устанавливают между двумя фрагментами текста коннекторы, т. е. языковые единицы, выполняющие связующую функцию (определение коннектора см. в работе [Инькова-Манзотти 2001: глава I]). Эти отношения в литературе по данному вопросу называются также «риторическими», «дискурсивными», однако мы отдаем предпочтение термину «логико-семантические отношения», поскольку первые два связываются с когнитивным подходом к данной проблематике.

устанавливая «противительно-соединительные отношения» ([РГ-80, II: § 2077]: *Они смотрели не него без злости, но и без дружелюбия*), т. е. добавляя информацию к уже сказанному⁶. Его семантика, следовательно, вполне согласуется с семантикой неединственности первого компонента коннектора: *не только*. Таким образом, первый компонент двухместного коннектора *не только... но и* отрицает единственность маркируемого им элемента, а второй компонент вводит еще один элемент, принадлежащий к тому же множеству (подробнее о соотношении семантики частей данной семантической структуры см. ниже).

Итак, логико-семантическое отношение, выражаемое *не только... но и*, можно определить как отношение включения элемента во множество⁷. Этот тип отношения входит в довольно плохо изученную группу отношений, основанных на соотношении элемента и множества или части и целого и для которых мы предлагаем термин «мереологические отношения», следуя в этом за Ч. Пирсом [Peirce 1981]. В эту же группу входят отношение обобщения, или генерализации (*вообще*), и симметричное ему отношению спецификации (*например, особенно, в частности*), а также отношение, симметричное отношению включения элемента во множество, — исключение элемента из него (*кроме, за исключением*).

В отличие от отношения коррекции (*не... а*), при отношении включения во множество, выражаемого *не только... но и*, одно положение вещей, истинность которого отрицается, не замещается другим, а добавляется к нему. Данный вид отношения включения во множество можно определить как отношение неединственности, поскольку отрицание перед *только* показывает лишь, что элементом, который эта частица маркирует, множество не исчерпывается. Ср. в этом отношении (29) и (31) с отношением коррекции:

- (31) Они любили друг друга *не* из неизбежности, *не* «опаленные страстью», как это ложно изображают. Они любили друг друга потому, что так хотели все кругом: земля под ними, небо над их головами, облака и деревья [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945—1955)].

Здесь отрицаемая в первом предложении «ложная» причина замещается в следующем высказывании причиной истинной, тогда как в (29) с отношением неединственности не отрицается тот факт, что блюдо является эстонским, а утверждается, что элементом «эстонская кухня» состав множества не ограничивается и что в него надо также включить элемент «финская кухня».

2.2. Средства выражения отношения неединственности в русском языке

На приведенных выше примерах (18), (21) и (30) мы уже могли убедиться в том, что отношение неединственности не обязательно выражается коннектором *не только... но и*. Он является лишь одним из возможных средств его оформления, а сам выбор этих средств

⁶ Ср. очень точное замечание М. В. Ляпон [1986: 99] о том, что в составе союза *не только... но и* «противительная сема редуцирована актуализацией “и-отношения”, иначе соединение двух семантических антагонистов (но + и) было бы коммуникативно неоправданным». Рогожникова [1971: 85] подчеркивает, что именно *и* создает «значение сопоставления». См. также [Завьялов 2009: 88—89], который вслед за Сигалом [2004: 143] видит функцию сочинительного союза *но и* в присоединении синтаксически однородного компонента с нейтрализацией противительной семантики. В принципе — и на это есть веские основания — *но и* можно было бы рассматривать как сочетание союза *но* и частицы *и*, так как его семантика вполне укладывается в семантику этих двух составляющих его элементов. Но это предмет отдельного исследования.

⁷ Ср. схожую точку зрения в [Морковкин 1997] и [Сигал 2004: 143]. Варнаева [2000: 30, 81—82, 167] также говорит о том, что семантика данного коннектора опирается на отношение части и целого или элемента и множества и схожа с семантикой предлогов *кроме, сверх, помимо, наряду с*. Вместе с тем, семантическая трактовка любого показателя сочинения на уровне простого предложения как способа «синтаксической репрезентации идеи множества в той или иной ее когнитивной интерпретации» [Сигал 2004: 60] представляется нам слишком широкой для описания логико-семантических отношений между высказываниями.

определяется целым рядом факторов. В (30), например, говорящий ограничился одним *не только*, а единство конструкции, выражающей отношение неединственности, обеспечивается здесь синтаксическим параллелизмом частей, кореферентностью подлежащих, принадлежностью именных частей сказуемых к одному семантическому классу. Необходимо поэтому, прежде всего, определить те семантические условия, при которых между двумя фрагментами текста возможно установить отношение неединственности.

2.2.1. Соотношение семантики фрагментов текста, связанных отношением неединственности

Соотношение семантики фрагментов текста, связанных отношением неединственности, может быть трех типов:

- 1) второй из соединяемых фрагментов текста описывает еще один элемент того же множества;
- 2) второй из соединяемых фрагментов текста описывает множество, к которому относится элемент, указанный в первом фрагменте;
- 3) второй из соединяемых фрагментов текста описывает само множество минус названный в первом фрагменте текста элемент.

В первом случае соединяемые фрагменты текста находятся в семантических отношениях синонимии, как в (32), где она устанавливается на уровне предикативного признака «иметь табличку с названием», приписываемого объектам «клетки» и «растения»; антонимии (33): «страдать», «гневаться» vs. «шутить»; со-гипонимии (34): «тела», «лица», «прически», «позы» восходят к единому гиперониму «внешний вид человека».

- (32) Кстати, таблички есть *не только* на клетках — многие красивые, останавливающие наш взгляд, растения *тоже* «подписаны», и папа на вопрос ребенка — «Что это за красные ягодки?» больше не говорит, стыдливо отворачиваясь: «Это я потом тебе расскажу...» [О. Г. Баринов. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003];
- (33) Он *не только* страдает или гневается, *но и* шутит [Григорий Козинцев. Наш современник Вильям Шекспир (1962)];
- (34) Я запомнил *не только* их голые тела, *но и* их красивые лица, и прически, и позы [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)].

В данной семантической конфигурации связываемые фрагменты текста могут также относиться к одному семантическому классу, как в (30) выше, или описывать явления, относящиеся к одной парадигме (35).

- (35) Конечно, американские студенты будут стремиться вести здоровый образ жизни, если *не только* все тренажеры бесплатные, *но* бесплатные занятия по теннису или конному спорту [Ольга Панфилова. Америка от А до Я (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.03.20].

В этом примере во фрагментах текста, соединяемых *не только... но*, описываются виды спортивных занятий, входящие во множество «бесплатные».

Во второй семантической конфигурации, т. е. в том случае, когда во втором из соединяемых фрагментов текста описывается множество, к которому принадлежит элемент, указанный в первом фрагменте, между фрагментами имеет место отношение гипо-/гиперонимии. Во фрагменте, описывающем множество, часто присутствуют языковые единицы с семантикой общего и целого: *вообще, в целом; весь, любой* + N категоризатор.

- (36) А вот Петтит — новичок *не только* в открытом космосе, *но и вообще* в космонавтике [Сергей Лесков. Наш космонавт здоров, но в космос не выйдет (2003) // «Известия», 2003.01.08];
- (37) Оборонная безопасность должна обеспечиваться *не только* военной силой, *а всеми* силами и средствами государства по следующим основным направлениям [Махмут Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия // «Отечественные записки», 2003];

- (38) Под этими вечными строками с готовностью подписался бы *не только* Пушкин, *но и любой поэт* мира [Валерий Сердюченко. Антипушкин (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.08.31].

Наконец, в третьей семантической конфигурации, т. е. когда второй из соединяемых фрагментов текста описывает само множество минус названный в первом компоненте элемент, названию множества предшествуют местоимения *другой, многие другие, все остальные* и подобные.

- (39) Учитывается *не только* группа крови, *но еще* куча всяких характеристик [Вероника Стрельникова. Опять акробатика, милый? // «Даша», 2004];
- (40) В некоторых случаях описанные выше агрегаты сложены *не только* натролитом, *а и другими* изоструктурными с ним *минералами* [А. А. Антонов. Минералогия родингитов Баженовского гипербазитового массива (2003)].

В (39), несмотря на то, что «группа крови» является одной из принимаемых во внимание характеристик, частица *еще* представляет этот элемент, как не учтенный во множестве «куча всяких характеристик», но входящий в него. В (40) в первом фрагменте назван элемент «натролит», а во втором — множество, к которому он относится («изоструктурные с ним минералы»), но это множество, из-за присутствия местоимения *другой* и определения «изоструктурными с ним», не включает элемент «натролит».

2.2.2. Порядок следования фрагментов текста, соединенных отношением неединственности

Немаловажным для описания функционирования показателей отношения неединственности является тот факт, что *не только* маркирует всегда то положение вещей, которое уже известно слушающему, т. е. имеет статус данного. При использовании семантической структуры с маркированным *не только* первым фрагментом текста, содержащаяся в нем информация, как правило, уже присутствует в предшествующем контексте и находится от него в непосредственной близости. Маркируемый *не только* фрагмент повторяет ее: это может быть, например⁸, точный повтор (41) или использование однородных слов (42):

- (41) И сейчас у меня есть возможность *объяснить*, чего я хотел. И *не только объяснить*, *но и* чтобы стало слышно, как я пою, как Элвис [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)];
- (42) Одни видят всю жизнь разрезанной *на куски, на кусочки*, и *не только эту кусочность* принимают, *но и* сами еще с усердием готовы дробить жизнь [коллективный. Зеленая Лампа. Беседа V. Обсуждение доклада Г. В. Адамовича // «Новый корабль», № 4, 1928].

Порядок следования компонентов определяется, таким образом, динамикой текста, и его в данном случае нельзя изменить, не нарушив связности текста: повтор информации служит отправной точкой для добавления новой.

При мене местами соединенных фрагментов текста говорящим сначала сообщается новое, а затем данное. Такой порядок возможен в тех случаях, когда известная информация либо не присутствует в тексте, являясь частью фоновых знаний говорящего и слушающего (43), либо находится в предыдущем контексте на значительном от нее расстоянии (44):

- (43) И еще чем важен фактор местного самоуправления — это та самая практика конкретных дел, то, на чем в свое время сделала популярность польская «Солидарность». Надо что? Деревья посадить, мусорный бак поставить, помочь кому-то с установкой телефона, — в общем, решить какие-то малые, но реальные проблемы граждан. Тогда люди скажут: вот они коммунисты — делают правильные вещи, *а не только* на митинги ходят и «провоолашают» [Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! (2003) // «Завтра», 2003.08.22];

⁸ О типах повтора предшествующей информации в элементе, маркируемом *не только*, см. [Распопов 1970: 105—109; Варнаева 2000: 152; Сигал 2004: 146].

- (44) **Богатые** считают качественное и непрерывное образование и профессионализм важнейшими факторами достижения успеха и статусными признаками богатства. Наверное, в масштабах всего населения, без деления на возрастные группы, так оно и есть. Но если проанализировать отдельно взгляды молодого поколения на роль образования, то связь образовательной активности с материальным благосостоянием уже не будет столь тесной. Число молодых россиян, стремящихся получить высшее образование, оказывается значительным во всех слоях общества, *а не только* среди **богатых** [Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рошина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005].

Интересен в этом отношении следующий пример, где в пределах одного высказывания мы имеем два разных порядка следования фрагментов текста, связанных отношением неединственности.

- (45) Что касается принципа «существенны только согласные», то сами авторы дают по этому поводу следующее разъяснение: «В древних текстах названия и имена сплошь и рядом употреблялись “без огласовок”, т. е. без гласных — лишь в виде “костяка” из согласных [...]». В этих письменностях действительно в наиболее употребительном варианте письма записываются именно согласные [...], хотя все же наряду с некоторой частью гласных. Уточним, что это касается всех вообще слов, *а не только* названий и имен, и происходит отнюдь *не только* в древних текстах, *но и* теперь [А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000].

В первом случае фрагмент текста, маркированный *а не только*, находящийся во второй позиции, как бы напоминает информацию, сообщенную в предыдущем контексте, а именно в цитате анализируемых А. А. Зализняком авторов. Говорящий сначала вводит множество («все вообще слова»), а затем элемент этого множества («названия и имена»), отсылая слушающего к позиции авторов, с которыми полемизирует относительно того, что правила письма без гласных распространялись только на названия и имена. Это полемическое напоминание тем более необходимо, что данная информация при первом ее упоминании находится в позиции темы, т. е. вне коммуникативного фокуса. Во втором случае, где фрагмент, маркируемый *не только*, находится в первой позиции, отношение неединственности является наоборот коммуникативным центром высказывания: его показателю *не только* предшествует выделительная частица *отнюдь*⁹. Семантическое соотношение фрагментов текста тоже другое: речь идет о двух элементах одного множества («древние времена» и «теперь»).

Возникает закономерный вопрос: как трактовать показатели отношения неединственности при этих двух порядках следования фрагментов текста: как вариант одного коннектора или как разные языковые единицы? И какой категориальный статус имеет *не только* при отсутствии союзного элемента, как в (18) выше, где второй фрагмент никак не маркирован, и в (21) выше, где второе употребление *не только* с меной порядка следования фрагментов текста, также характеризуется отсутствием союза?

2.3. Категориальный статус языковых средств выражения отношения неединственности

В русской грамматике нет четкой и непротиворечивой квалификации явлений структурного варьирования связующих средств, в частности, двухместных коннекторов, для которых проблема тождества форм с различными конечными компонентами остается нерешенной. РГ-80 [I: 718—719], говоря об их структуре, указывает лишь на то, что «многместный союз представляет собой сцепление нескольких позиционно разобщенных компонентов;

⁹ В связи со сказанным довольно трудно согласиться с определениями, которые даются в исследованиях, посвященных *не только... но и*, двум возможным порядкам слов. Порядок с фрагментом *не только* в первой позиции считается «объективным», а порядок, где этот фрагмент занимает вторую позицию, «субъективным», «экспрессивным» [Попов 1975; Завьялов 2009: 229, 247]. В данном примере можно говорить скорее об обратном.

как правило, такой союз образуется воспроизведением одного и того же или функционально близких компонентов», при этом не разъясняется, что понимается под «функционально близкими компонентами». В [Ожегов 2001] в словарной статье *только* указан союз *не только... но и (а и)*, т. е. речь идет о единой языковой единице с вариативной второй частью. Такая форма представления является наиболее распространенной и дается, как правило, без комментариев. Иная точка зрения представления в [Морковкин 1997], где в статье *не только... но и* для данного союза предлагаются синонимы *не только... а и* и *не только... даже*, однако в статье *не только* в пункте «Союзы» фигурирует запись *не только... но (а)*, исключающая данное утверждение.

Симптоматично, однако, что, какой бы точки зрения ни придерживались исследователи и лексикографы, все они исходят из априорного существования в системе русского языка союза *не только... но и*. Наиболее последовательно эта точка зрения представлена в [Завьялов 2009]. При описании структуры русских составных союзов В. Н. Завьялов опирается на понятие «исходная форма», категориальными признаками которой являются «минимальное количество компонентов, необходимых и достаточных для устойчивого функционирования союза, а также определенный, закрепленный в процессе речевой деятельности набор элементов» [Там же: 12]. Такой исходной формой для интересующего нас коннектора является, по мнению исследователя, *не только... но и*. Такой же точки зрения придерживается и Варнаева [2000: 54], для которой вариант *не только... но и* выбран в качестве репрезентативного всей парадигмы «потому, что он меньше всего обнаруживает на себе воздействие текста». Остальные формы, в которых данный союз встречается в речи, В. Н. Завьялов считает модификациями (качественными, количественными или комбинированными) данной исходной формы.

К качественной модификации, т. е. с заменой замыкающего компонента, относится вариант *не только... а и*. Сюда же, по-видимому, надо будет отнести случаи, когда частица *и* заменяется на другую частицу, например, в (27), где за *но* следует частица *даже*. Вопрос о необходимости включения частицы *и* в состав данного коннектора не обсуждается, хотя такое решение далеко не однозначно, учитывая, что частица может быть отделена от союза *но* другими элементами предложения, как, например, в (22) выше¹⁰. Случай, когда частица отсутствует, т. е. когда союз реализуется в форме *не только... но* (см. (17) и (28) выше) рассматривается исследователем как количественная модификация (т. е. сокращение числа элементов, входящих в исходную форму), а случаи, когда частица *и* отделена от союза другими словами, считаются «синтаксическим варьированием» исходной формы *не только... но и* [Завьялов 2009: 271—272].

Также как количественная модификация рассматривается форма *не только* без второго союзного компонента. Она квалифицируется Варнаевой [2000: 46] как «вариант с нулевой второй частью»; ср. (18) выше. Завьялов [2009: 283, 289] считает «полной редукцией второго компонента» только отсутствие союза для исходной формы *не только... но и и*, вслед за В. Н. Перетрухиным [1979: 123], «частичной редукцией» отсутствие союза *а* при обратном порядке следования фрагментов текста (см. в (21) выше второе употребление *не только*). Если встать на эту точку зрения, то не очень понятно, как рассматривать такие реализации коннектора, как в (32) выше, где союза нет, но во втором фрагменте текста присутствует местоименный предикат *тоже*, или (46), где также отсутствует союз *но*, но остается *и*, которое можно, впрочем, трактовать и как сочинительный союз.

(46) Немцы, говорите, помогли, да вот, понимаете, *не только* немцы, *и* мы себе помогли [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)].

К количественным модификациям, но уже с увеличением числа компонентов, следует по данной логике отнести формы, в которых *не только... но и* встречается в приведенных

¹⁰ В связи с тем, что *и* может отделяться от союза *но* или *а* другими элементами, Сигал [2004: 144] говорит о «структурной автономности» частицы *и*. См. обсуждение схожей проблемы с частицей *бы* в составе союза *если (бы)* в [Добрушина 2015].

выше примерах (15)—(16), (36). К количественному варьированию относит Завьялов [2009: 280] и форму *не только что... но и*, не включая *что* в состав исходной формы, на основании его малой частотности. Ряд исследователей видят, наоборот, в этой форме отдельный союз ([Рогожникова 1971; Перетрухин 1979; Аверина 2004] и др.), что находит отражение и в словарях [Рогожникова 2003; Ефремова 2004].

Что касается формы, в которой реализуется *не только... но и* при мене местами соединяемых компонентов (*но не только*), то она квалифицируется В. Н. Завьяловым как «трансформ» исходной формы союза. При этом отмечается, что частица *и* всегда будет отсутствовать, но что при обратной трансформации она «обычно восстанавливается» [Завьялов 2009: 195]. «Трансформ» отличается от «варианта» тем, что он образуется «при изменении порядка следования связуемых синтаксических отрезков» [Там же: 193]¹¹.

Автор также отмечает [Там же: 196], что трансформация исходной формы союза *не только... но и* — явление редкое и что она встречается обычно у его «лексико-синтаксического варианта» *не только... а и*¹². В качестве примера употребления «трансформа» *но не только* приводится такое высказывание:

(47) Давайте привлечем экспертов, *но не только* г-на Фридмана (кстати, как наши ни тужатся, он их монетаристами не признает) [Борис Титов. Выберите Сзя (2004) // «Эксперт», 2004.12.06].

На первый взгляд, здесь тоже можно говорить об отношении неединственности: в первом фрагменте текста названо множество «эксперты», в которое входит элемент «г-н Фридман», названный во втором фрагменте, вводимом *но не только*. Однако, если мы изменим порядок следования фрагментов текста, то получим высказывание (48), не равнозначное по своей семантике исходному варианту:

(48) Давайте привлечем *не только* г-на Фридмана, *но и* экспертов.

В первоначальном варианте г-н Фридман входит в множество экспертов, тогда как в (48) — нет. Во многих случаях мене местами фрагментов текста с использованием *но не только* не представляется возможной; ср., например, трансформацию (29) выше:

(49) ^{??}Это блюдо характерно для финской кухни, *но не только* для эстонской.

Здесь, таким образом, речь идет о другой семантической конфигурации, оформляемой союзом *но*, сохраняющим свою противительную семантику, и которую надо отличать еще от одного употребления *но не только*, проиллюстрированного (50) и (51):

(50) Это потому, что мне скучно и мне хочется посмотреть, что дедушка будет делать, если у него не получится. *Но не только* это. Я чувствую, что окружающим не хватает примеров дедушкиного посрамления [Фазиль Искандер. Дедушка (1966)];

(51) Пронзительная история об искренней, чистой любви... *Но не только*. В картине тонко показана настоящая духовность, как она есть — без фальши, лицемерной морали и замудрых философских построений [коллективный. Обсуждение фильма «Спешите любить» (2011)].

В данной семантической структуре *но не только* употребляется, как правило, после точки и представляет собой самостоятельное высказывание, коммуникативной целью которого является установление отношения неединственности. В некоторых случаях *не только* сопровождается различного рода анафорическими выражениями: например, указательным местоимением *это*, резюмирующим первый элемент множества (50), или *туда* (54),

¹¹ В типологии, предложенной в [Прияткина 1977], *а не только* должно считаться «формой» союза *не только... а*. К «вариантам» будут относиться такие пары, как *если... то* и *если... так*, т. е. с качественной модификацией в типологии Завьялова [Завьялов 2009].

¹² Иной точки зрения придерживается Варнаева [2000: 20—21], для которой *а не только* является вариантом как *не только... но и*, так и *не только... а и* на основании того, что все основные специфические особенности значения союза *не только... но и* сохраняются и у *а не только*.

местоимениями 3 л. *он, она, они*, отсылающими к указанным в левом контексте элементам (52), или анафорическим повтором первого элемента (53).

- (52) С Охотного ряда уходили и в губернаторы — в основном «*левые*», но не только *они*. Из нынешнего состава на уровень зам.министра ушел «нардеповец» Овчинников, да еще важный пост спецпредставителя по Калининграду приобрел другой «нардеповец» Д. Рогозин [Борис Макаренко. Новые запросы и старые партии (2003) // «ПОЛИТКОМ.РУ», 2003.04.13];
- (53) И уже не десятки тысяч и даже не десятки миллионов людей, а гигантские массы были *покорными свидетелями* уничтожения невинных. Но не только *покорными свидетелями*; когда велели, голосовали за уничтожение, гулом голосов выражали одобрение массовым убийствам [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].

Однако и это употребление *не только* нельзя считать трансформацией исходной формы *не только... но и*, так как его использование не связано с тем, что сначала вводится элемент множества со статусом данного, а затем элемент множества со статусом неизвестного¹³. Здесь оба элемента обладают статусом нового, причем второй элемент множества может остаться имплицитным:

- (54) Каждый ныряльщик может прийти, купить себе экипировку, приобрести путевку (например, в дайверскую мекку Хургаду, но не только туда), а вернувшись из поездки, отобедать с новыми друзьями тут же, в тематическом ресторане и на месте проявить и отпечатать привезенные пленки [Новости (2002) // «Автопилот», 2002.05.15].

Данная семантическая конфигурация устанавливает отношение неединственности как бы в три этапа. Сначала вводится один элемент множества со статусом нового, затем при помощи *но не только* указывается, что данный элемент не является единственным, а затем вводится еще один элемент также со статусом нового.

Подводя итог проведенному анализу, представляется возможным заключить, что выбор языкового оформления логико-семантического отношения неединственности, т. е. выбор формы его показателя, определяется коммуникативной целью говорящего, динамикой текста, а именно информацией, уже присутствующей в тексте или в фоновых знаниях говорящего и слушающего, смысловым содержанием соединяемых фрагментов текста, выбранной синтаксической формой его репрезентации и т. д. Если теперь вернуться к проблеме категориального статуса языковых средств оформления отношения неединственности и к понятию «исходной формы», так, как ее определяет В. Н. Завьялов («минимальное количество компонентов, необходимых и достаточных для устойчивого функционирования союза, а также определенный, закрепленный в процессе речевой деятельности набор элементов» [Завьялов 2009: 12]), то легко заметить, что таким минимальным и достаточным количеством элементов, обеспечивающим выражение отношения неединственности, является *не только*. Не случайно словари служебных слов (например, [Морковкин 1997] и [Ефремова 2004]) посвящают ему отдельную словарную статью, где и описывается это его значение.

Важно при этом, что *не только* не только не предопределяет того, каким языковым средством будет введен второй фрагмент текста и в какую синтаксическую структуру он будет оформлен, но не задает также и его обязательности: второй фрагмент, описывающий еще

¹³ Данное употребление *но не только* надо также отличать от такого употребления, где *но* не связано с *не только*, а составляет часть более крупной семантической структуры; ср.:

(Начните с головы), **но** (*не только* с прически, а также и с настроения — скажите себе, что вы красивы, просто сейчас отдыхаете от своей красоты) [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)].

Здесь *но* связывает противительно-уступительным отношением два фрагмента текста, второй из которых, в свою очередь, представляет собой два фрагмента текста, связанных отношением неединственности.

один элемент множества или само множество, может остаться имплицитным; см. приведенные выше (19) и (54), а также (55), где после фрагмента текста, маркированного *не только*, стоит *кроме того*, показатель другого логико-семантического отношения.

- (55) Однако направленность строительства и подготовки Вооруженных сил США и НАТО совсем иная. И, конечно, *не только* для борьбы с терроризмом создаются армады авианосцев, стратегические вооружения, крупные группировки ВВС и сухопутных войск. *Кроме того*, события последнего времени наглядно свидетельствуют, что террористы не всегда будут действовать только мелкими группами [Махмут Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия // «Отечественные записки», 2003].

Вряд ли, однако, при отсутствии второго фрагмента текста целесообразно говорить об омонимии (как, например, в рассмотренных выше различных случаях употребления сочетания *но не только*), полагая, что в данном случае употреблена частица *не только* и противопоставляя ее первой части союза *не только*, как это предлагают словари и некоторые исследования (в частности, [Завьялов 2009: 293] и [Ефремова 2004]). *Не только* всегда указывает на коммуникативную недостаточность вводимой им информации, создавая у слушающего ожидание продолжения в силу того, что выделяемый им элемент интерпретируется как неединственный. И это продолжение не обязательно должно быть оформлено в виде отношения включения во множество. Ср. довольно распространенный случай «контаминации» двух разных логико-семантических отношений:

- (56) При этом способность устанавливать тот или иной характер связи зависит *не только* и *не столько* от определенных контекстуальных условий, *сколько* от внутренней природы самих союзных наречий, которые характеризуются большим разнообразием.

Этими свойствами (незаданностью оформления и факультативностью второго фрагмента текста, входящего в отношение неединственности) *не только* отличается, например, от относительных конструкций, оформляемых *насколько... настолько, сколько... столько*, где необходимость продолжения и его оформление заранее предопределены системой языка, как, например, в (57):

- (57) *Насколько* я охотно и радостно принимаюсь за музыкальное сочинительство, *насколько* трудно дается мне литературное [П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк (1879)].

В отличие от грамматических правил, правила дискурсивные дают говорящему свободу выбора в рамках предоставляемых языком возможностей. Н. С. Валгина [2001: 281] справедливо замечает, что компоненты *не только... но и* взаимно связаны «по употреблению» для репрезентации определенным образом структурированного смыслового содержания¹⁴. Функцию союзов *но* или *а* при союзной реализации отношения неединственности можно определить как:

- демаркативную, так как союзы сигнализируют границу между фрагментами текста, связанными отношением неединственности;
- интегрирующую, так как союзы включают данные фрагменты текста в синтаксическую конструкцию: простое предложение с однородными членами или, реже, сложное предложение. Еще реже фрагмент текста, вводимый союзом, оформлен как самостоятельное предложение, ср. (58):

- (58) Зулло любил, конечно. Но *не только* как жену. *А еще* потому что — дочь [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)].

¹⁴ Ср. также в [Сигал 2004] экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что правила выбора оформления второго компонента в двухместных союзах определяются не грамматикой, а устойчивостью употребления («прагмасинтаксические стереотипы») и структурой текста. К аналогичным выводам приходит [Montchaud 2015] на примере французского языка.

При невозможности или, что очень важно, ненужности такой интеграции, союзы отсутствуют (59), и их часто заменяет тире (60)—(61), которому в устной речи будет соответствовать пауза:

- (59) Причем, как я сегодня убедилась, в контроле нуждаются *не только* подростки... если бы я мужа не оторвала от компа, он бы опоздал на работу [Наши дети: Подростки (2004)];
- (60) Они так много сказали мне... К сожалению, *не только* мне — возле меня стояли почти все наши сотрудницы [Я желанна. Разве это стыдно? // «Даша», 2004];
- (61) Впрочем, техника *не только* приводит к падению навыков грамотного письма — она *же и* помогает писать грамотно [И. Левонтина. Русский со словарем. М., 2012].

К. Я. Сигал [2004: 143—144] даже считает бессоюзные реализации отношения неединственности наиболее частым случаем, подчеркивая, что они не всегда могут быть преобразованы в простые, осложненные сочинительной конструкцией предложения с союзом *не только... но и*. Это, на наш взгляд, является дополнительным аргументом против рассмотрения формы *не только* как редукции исходной формы *не только... но и*.

Других языковые единицы, в частности, частицы, употребляющиеся в сочетании с союзами или без них во фрагменте текста, не маркируемом *не только*, привносят различные дополнительные семантические оттенки, развивающие идею соотношения элемента и множества в соответствии с коммуникативным замыслом говорящего.

Таким образом, если считать, что *не только*, показатель отношения неединственности, связан со всеми другими возможными показателями данного отношения, появляющимися во втором фрагменте текста, лишь «по употреблению», то многие вопросы относительно тождества и категориального статуса языковых единиц, близких в содержательном плане, но частично отличающихся в структурном, попросту снимаются, а использование терминов «редукция» и «трансформация» становится неоправданными. Такой подход позволяет, в частности, избежать натянутых трактовок коннекторов, весьма далеких по форме и по содержанию, как «вариантов» одного союза, как это предлагается, например, в [Варнаева 2000: 68, 82] для *не просто... но и*, который считается «вариантом» с модифицированной первой частью союза *не только... но и*.

Все возможные речевые реализации отношения неединственности должны рассматриваться не как единицы языка, а как единицы речи и объединяться в единый структурно-семантический комплекс, образованный вокруг исходной, минимальной, единицы *не только*, семантика которой достаточна для выражения этого логико-семантического отношения¹⁵.

¹⁵ Несмотря на некоторые сходные положения, наш подход принципиально отличается от подхода, представленного в работах В. Ю. Апресян, посвященных «концепту уступительности», где языковые единицы, выражающие данное понятие, также организуются вокруг исходной единицы, «прототипа» данного понятия, и описываются как «семантические нарушения» [Апресян 2006: 617]. Основных отличий два. Во-первых, как уже отмечалось, мы рассматриваем не «понятия» или «концепты» и способы их представления в русском языке, а логико-семантические отношения. Эти семантические классы могут быть как непересекающимися (например, класс языковых средств выражения концепта «достоинства и смирения» не имеет в своем составе коннекторов), так и пересекающимися, например, класс языковых средств, выражающих «концепт уступительности», и класс языковых средств, выражающих «уступительные логико-семантические отношения». Но эти два класса входят тем не менее в разные парадигмы и состав их различен: состав показателей логико-семантического отношения уступительности ограничивается единицами, способными выполнять связующую функцию между частями предложения, предложениями и более крупными единицами текста. Во-вторых, рассматривая средства выражения понятия уступительности, прототипом которого считается коннектор *хотя*, В. Ю. Апресян не затрагивает в своих работах вопроса вариативности их формы. Так, описывая показатель уступительности *добро бы*, автор как бы не замечает, что в приводимых примерах он выступает также в форме *добро бы... а*, *добро бы... а то*. Сравнивая предлагаемое для «лексемь» *добро бы* толкование с толкованием союза *добро бы... а то*, предлагаемым В. З. Санниковым [2008: 334], В. Ю. Апресян никак не комментирует различия в форме этих языковых единиц [Апресян

Число речевых реализаций отношения неединственности — и не только его — определить невозможно, также как невозможно задать их исчерпывающим списком: говорящий часто буквально ‘по кирпичикам’ (которые уже сами могут представлять собой многокомпонентные единицы) собирает необходимый для его коммуникативного замысла показатель логико-семантического отношения. Можно только предсказать семантику единиц, способных потенциально участвовать в оформлении второго фрагмента текста, так как их выбор происходит из числа языковых единиц, семантически совместимых с отношением неединственности: ими могут быть лексемы, выражающие добавление (*еще*), обобщение (*вообще, в основном*) или, наоборот, спецификацию (*например*), аналогию (*и, также, тоже*) и под. Наоборот, языковые единицы, выражающие разделительные (*или*) или пояснительные отношения (*то есть, а именно*), не могут принимать участия в оформлении отношения неединственности. Вопрос сочетаемости языковых единиц приобретает таким образом первостепенную важность при анализе многокомпонентных коннекторов и многокомпонентных служебных единиц вообще.

Кроме того, и это немаловажно, русский язык обладает и другими языковыми средствами для выражения логико-семантического отношения неединственности: союз *но и*, но на этот раз вне сочетания с *не только* (62), семантическая конфигурация с *не один* + существительное или местоимение (63), *мало того что* (64) и др.

- (62) Милая моя! Прости, что я тебя обижала! *Но и ты тоже* падла порядочная всегда была! [Николай Коляда. Мурлин Мурло (1989)];
- (63) Естественно, в этом приятном на вид и на ощупь томике *не один* «Заповедник», *а и* «Зона», и «Филиал», и другое [Юлия Рахаева. Звездное наследие и тайная доктрина. Книжки (2002) // «Известия»];
- (64) Рома не звонил, я, естественно, не звонила ему, но, по слухам, он был не очень счастлив с женой, которая *мало того, что* была редкой занудой, *еще* и гуляла налево и направо, как говорили друзья... [Ольга Зуева. Скажи что я тебе нужна... // «Даша», 2004].

Интересно, что между *один* и следующим за ним местоимением или существительным может вклиниваться *не только*:

- (65) Профессия юриста *не одному только* Уилки Коллинзу, *но и* множеству других английских писателей дала огромный материал для романов [М. С. Шагинян. Коротко об Уилки Коллинзе (1947)].

Завьялов [2009: 272] считает такие случаи «синтаксическим варьированием» первого компонента союза *не только... но и*. Целесообразность такого решения вызывает сомнения, поскольку тогда становится неясным, как следует трактовать случай, представленный в (63) выше: тоже как результат «комбинированного варьирования» (качественного и количественного) исходной формы *не только... но и*? Но каковы тогда пределы такого варьирования, когда уже нельзя говорить о тождестве двух языковых единиц?

Заключение

Проблема тождества и вариативности двухместных коннекторов типа *не только... но и* (сюда же можно отнести *не то чтобы... но, не просто... а*) может получить непротиворечивое и системное решение, если разделить понятийный и языковой уровень их анализа: тип выражаемого коннектором логико-семантического отношения и языковые средства,

2006: 646—647]. Таким образом, вопрос о категориальном статусе близких по форме показателей одного и того же «концепта», о тождестве языковых единиц и их варьировании, остается за пределами данного подхода, который не различает единицы, принадлежащие системе языка, и единицы, принадлежащие системе речи, тогда как именно это различие лежит в основе предлагаемого нами в настоящем исследовании подхода.

которыми располагает язык для его выражения. Семантика отношения, устанавливаемого *не только... но и*, позволяет определить его как отношение неединственности, один из видов отношения соотнесения элемента и множества, для которых мы предлагаем термин «мереологические отношения».

Как было показано, логико-семантическое отношение неединственности может быть выражено в русском языке целым рядом средств, семантика которых с ним совместима. Одним из таких показателей является частица *не только*, вокруг которой формируется структурно-семантический комплекс с системно упорядоченными языковыми единицами, участвующими в речевых реализациях данного отношения. Особенности функционирования каждого из них требуют дополнительных исследований, но уже сейчас можно заметить, что некоторые из них используются говорящим для оформления отношения неединственности в виде простого предложения с однородными членами, становясь таким образом обязательной формой ее оформления. К таким случаям можно отнести, например, появление в составе простого предложения во втором фрагменте союзов *а* или *но*, часто в сопровождении частицы *и* аналогии или *также*. Другие — при оформлении данного отношения в виде сложного предложения. Функцию сочинительных союзов, вводящих второй фрагмент текста, мы определили как демаркационную и интегрирующую. При отсутствии показателя связи во втором фрагменте текста, т. е. немаркированным *не только*, функцию обеспечения смыслового единства берут на себя другие языковые средства, из числа обеспечивающих связность текста вообще: синтаксический параллелизм частей, анафорические повторы, употребление лексем, связанных семантическими отношениями, закрепленными системой языка (синонимия, антонимия, гипонимия и т. п.).

Связь частицы *не только*, которая может быть квалифицирована как исходная форма для выражения логико-семантического отношения неединственности, со средствами оформления второго фрагмента текста, участвующего в установлении данного отношения, задается не грамматической системой русского языка, а выбирается говорящим исходя из его коммуникативного замысла. К факторам, влияющим на этот выбор, можно отнести структуру предшествующего текста, смысловое содержание, которое говорящий хочет выразить, выбранную для его репрезентации синтаксическую структуру, коммуникативный статус сообщаемой информации, семантику показателей логико-семантического отношения и т. д. Поэтому более продуктивно, на наш взгляд, считать языковые средства, участвующие в оформлении отношения неединственности, в том числе коннектор *не только... но и*, не фразами или союзами, принадлежащими системе языка, а речевыми реализациями, т. е. более или менее свободными сочетаниями языковых единиц разной морфологической природы, которые говорящий использует для выражения необходимого ему логико-семантического отношения.

Такой подход тем более оправдан, что, как было показано, правила оформления второго фрагмента текста подчиняются общим закономерностям выбора и комбинации слов при организации высказывания, а не воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава. Это означает, что в случае речевых реализаций логико-семантического отношения неединственности с участием *не только* мы наблюдаем ситуацию, обратную той, которая характерна для употребления фразеологизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аверина 2004 — Аверина М. А. Структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов-союзов. Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: ЧГПУ, 2004. [Averina M. A. *Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye svoistva frazeologizmov-soyuzov. Kand. diss.* [Structural semantic and functional characteristics of conjunctions-phraseological units. Cand. diss.] Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical Univ., 2004.]
- Апресян 2006 — Апресян В. Ю. Концепт уступительности в языке // Апресян Ю. Д. (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 615—710.

- Завьялов 2009 — Завьялов В. Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры союзов в современном русском языке. Дис. ... докт. филол. наук. Владивосток: ДГУ, 2009. [Zav'yalov V. N. *Morfologicheskie i sintaksicheskie aspekty opisaniya struktury soyuzov v sovremennom russkom yazyke*. Dokt. diss. [Morphological and syntactic aspects of conjunction structure description in modern Russian. Doct. diss.] Vladivostok: Far Eastern Federal Univ., 2009.]
- Згурская 2000 — Згурская О. Г. Функционирование синтаксических конструкций с градационными союзами в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. СПб.: РГПУ, 2000. [Zgurskaya O. G. *Funktsionirovanie sintaksicheskikh konstruksii s gradatsionnymi soyuzami v sovremennom russkom yazyke*. Kand. diss. [Functioning of syntactic patterns with gradation conjunctions in modern Russian. Cand. diss.] St. Petersburg: Herzen State Pedagogical Univ., 2000.]
- Инькова-Манзотти 2001 — Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование. М.: Информэлектро, 2001. [Inkova-Manzotti O. Yu. *Konnektory protivopostavleniya vo frantsuzskom i russkom yazykakh*. *Sopostavitel'noe issledovanie* [Connectors of opposition in French and Russian. A comparative study]. Moscow: Informelektro, 2001.]
- Инькова 2013 — Инькова О. Ю. О семантике так называемых градационных союзов *не столько... сколько и скорее... чем* // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 38—52. [Inkova O. Yu. On the semantics of the so called gradation conjunctions *ne stol'ko... skol'ko* and *skoree... chem*. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 1. Pp. 38—52.]
- Инькова 2015 — Инькова О. Ю. К вопросу о лемматизации многокомпонентных единиц // Захаров В. П. и др. (ред.). Труды международной конференции «Корпусная лингвистика 2015», Санкт-Петербург, 22—26 июня 2015 года. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 236—244. [Inkova O. Yu. About the lemmatization of the multiword expressions. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika 2015»*, St. Petersburg, June 22—26, 2015. Zakharov V. P. et al. (eds). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2015. Pp. 236—244.]
- Киселева 1967 — Киселева Н. М. Парные союзы с компонентом «не только...» в современном русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. М.: МГПИ, 1967. С. 114—128. [Kiseleva N. M. Paired conjunctions with the component «ne tol'ko...» in modern Russian. *Voprosy leksiki i grammatiki russkogo yazyka*. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute, 1967. Pp. 114—128.]
- Клопова 1986 — Клопова Е. С. Способы синтаксической дифференциации членов сочинительного ряда. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ, 1986. [Kloпова E. S. *Sposoby sintaksicheskoi differentsiatsii chlenov sochinitel'nogo ryada*. Kand. diss. [Ways of syntactic differentiation of coordinate sequence members. Cand. diss.] Moscow: Moscow State Pedagogical Institute, 1986.]
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. [Kovtunova I. I. *Sovremennyy russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian language. Word order and thematic-rhematic articulation of the sentence]. Moscow: Prosveshchenie, 1976.]
- Колесникова 1999 — Колесникова С. М. Градуальный фрагмент языковой картины мира сквозь призму словообразования. М.: МГГУ, 1999. [Kolesnikova S. M. *Gradual'nyi fragment yazykovoi kartiny mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya* [A gradual fragment of the linguistic world image in the light of word formation]. Moscow: Moscow State Univ. for the Humanities, 1999.]
- Крючков, Максимов 1977 — Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1977. [Kryuchkov S. E., Maksimov L. Yu. *Sovremennyy russkii yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya* [Modern Russian language. Syntax of the complex sentence]. Moscow: Prosveshchenie, 1977.]
- Ломтев 1971 — Ломтев Т. П. Квантитативы современного русского языка // Костомаров В. Г. (ред.). Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 106—116. [Lomtev T. P. Quantitatives of the modern Russian language. *Pamyati akademika Viktora Vladimirovicha Vinogradova*. Kostomarov V. G. (ed.). Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1971. Pp. 106—116.]
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / Gl. red. Yartseva V. N. (ed.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990.]
- Ляпон 1986 — Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. [Lyapon M. V. *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst: K tipologii vnutritekstovyykh otnoshenii* [Semantic structure of the complex sentence and text: A typology of intratextual relations]. Moscow: Nauka, 1986.]

- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Евгеньевой А. П. М.: Русский язык, 1981. [*Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: In 4 vol. Evgen'eva A. P. (ed.). Moscow: Russkii Yazyk, 1981.]
- Мельчук 2001 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. IV. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Mel'čuk I. A. *Kurs obshchei morfologii* [A course of general morphology]. Vol. IV. Moscow: Yazyki Slavyanskoï Kul'tury, 2001.]
- Морковкин 1997 — Морковкин В. В. (ред.). Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь, 1997. [Morkovkin V. V. (ed.). *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of structural words of the Russian language]. Moscow: Lazur', 1997.]
- Мустайоки, Копотев 2004 — Мустайоки А., Копотев М. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа *потому что*, в зависимости от, к сожалению // Вопросы языкознания. 2004. № 3. С. 88—107. [Mustaioki A., Kopotev M. On the status of word-equivalents of the type *potomu chto*, в зависимости от, к сожалениyu. *Voprosy jazykoznanija*. 2004. No. 3. Pp. 88—107.]
- Николаева 1985 — Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М.: Наука, 1985. [Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii* [Functions of particles in the utterance]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Николаева 2008 — Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика (история «блуждающих частиц»). М.: Языки славянских культур, 2008. [Nikolaeva T. M. *Neparadigmaticeskaya lingvistika (istoriya «bluzhdayushchikh chastits»)* [Non-paradigmatic linguistics (history of the «wandering particles»)]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru.]
- Ожегов 2001 — Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Шведовой Н. Ю. М.: Русский язык, 2001. [Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Russkii Yazyk, 2001.]
- Панкова 2007 — Панкова В. В. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом местоимением: Язык и речь (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2007. [Pankova V. V. *Frazeosintaksicheskie skhemy s opornym komponentom mestoimeniem: Yazyk i rech' (na materiale russkogo yazyka)*. *Kand. diss.* [Phraseosyntactic patterns with a pronoun as a basic component. Language and speech (based on the Russian material). *Cand. diss.*]. Rostov-na-Donu: Southern Federal Univ., 2007.]
- Перетрухин 1979 — Перетрухин В. Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. Воронеж: ВГУ, 1979. [Peretruxhin V. N. *Problemy sintaksisa odnorodnykh chlenov predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Problems of syntax of homogeneous parts of the sentence in Modern Russian]. Voronezh: Voronezh State Univ., 1979.]
- Петерсон 1952 — Петерсон М. И. Союзы // Виноградов В. В. (ред.). Современный русский язык. Морфология. М.: МГУ, 1952. С. 432—452. [Peterson M. I. Conjunctions. *Sovremennyy russkii yazyk. Morfologiya*. Vinogradov V. V. (ed.). Moscow: Moscow State Univ., 1952. Pp. 432—452.]
- Попов 1975 — Попов Ф. В. Отрицательно-утвердительные союзы в современном русском языке // Русский язык в школе. 1975. № 5. С. 85—89. [Popov F. V. Negative-affirmative conjunctions in Modern Russian. *Russkii yazyk v shkole*. 1975. No. 5. Pp. 85—89.]
- Прияткина 1977 — Прияткина А. Ф. Об отличии союза от других связующих слов // Русский язык в школе. 1977. № 4. С. 102—106. [Priyatkina A. F. On the difference between the conjunction and other connecting words. *Russkii yazyk v shkole*. 1977. No. 4. Pp. 102—106.]
- Распопов 1970 — Распопов И. П. Стрoение простого предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1970. [Raspopov I. P. *Stroenie prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Simple sentence structure in Modern Russian]. Moscow: Prosveshchenie, 1970.]
- РГ-70 — Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Шведовой Н. Ю. М.: Наука, 1970. [*Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A grammar of the Modern Standard Russian language]. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1970.]
- РГ-80 — Русская грамматика / Под ред. Шведовой Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Рогожникова 1971 — Рогожникова Р. П. Градационные союзы в русском языке // Русский язык в школе. 1971. № 3. С. 84—89. [Rogozhnikova R. P. Gradation conjunctions in Russian. *Russkii yazyk v shkole*. 1971. No. 3. Pp. 84—89.]
- Рогожникова 2003 — Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: Астрель-АСТ, 2003. [Rogozhnikova R. P. *Tolkovyi slovar' sochetanii, ekvivalentnykh slovu* [Explanatory dictionary of constructions equivalent to the word]. Moscow: Astrel'-AST, 2003.]

- Руднев 1963 — Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 1963. [Rudnev A. G. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of the Modern Russian language]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1963.]
- Санников 2008 — Санников В. З. Русский синтаксис в формально-прагматическом аспекте. М.: Языки русской культуры, 2008. [Sannikov V. Z. *Russkii sintaksis v formal'no-pragmaticheskom aspekte* [Russian syntax in the formal pragmatic perspective]. Moscow: Yazyki Russkoj Kul'tury, 2008.]
- Сигал 2004 — Сигал К. Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). Дис. ... докт. филол. наук. М.: ИЯ РАН, 2004. [Sigal K. Ya. *Sochinitel'nye konstrukticii v tekste: opyt teoretiko-eksperimental'nogo issledovaniya (na materiale prostogo predlozheniya)*. Dokt. diss. [Coordinating constructions in the text: a theoretic-experimental study (based on the material of simple sentences). Doct. diss.] Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2004.]
- Формановская 2007 — Формановская Н. И. Стилистика сложного предложения. М.: КомКнига, 2007. [Formanovskaya N. I. *Stilistika slozhnogo predlozheniya* [Stylistics of the complex sentence]. Moscow: KomKniga, 2007.]
- Черемисина, Колосова 2010 — Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. М.: УРСС, 2010. (1-е изд. Новосибирск: Наука, 1987). [Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [An outline of the complex sentence theory]. Moscow: URSS, 2010. (1st ed. Novosibirsk: Nauka, 1987).]
- Шахматов 1941 — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1941. [Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Leningrad: Gosudarstvennoe Uchebno-Pedagogicheskoe Izdatel'stvo, 1941.]
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: АН СССР, 1960. [Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi* [Studies of the syntax of the Russian colloquial language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960.]
- Шмелев 1960 — Шмелев Д. Н. О связанных синтаксических конструкциях в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47—60. [Shmelev D. N. On «connected» syntactic constructions in Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 1960. No. 5. Pp. 47—60.]
- Ducrot 1984 — Ducrot O. *Le dit et le dire*. Paris: Editions de Minuit, 1984.
- Fraser 2013 — Fraser B. Combinations of contrastive discourse markers in English. *International Review of Pragmatics*. 2013. No. 5. Pp. 318—340.
- Montchaud 2015 — Montchaud P. Reciprocal connection in French. *Young Minds vs. Old Questions in Linguistics: Proceedings of the Fourth Central European conference in linguistics for postgraduate students*. Bondaruk A., Bloch-Rozmej A., Malec W., Mokrosz E., Zdziebko S. (eds). Lublin: The Institute of East-Central Europe and the John Paul II Catholic Univ. of Lublin, 2015. Pp. 139—155.
- Peirce 1981 — Peirce C. S. On a method of searching for the categories. *Writings of Charles S. Peirce. A chronological edition*. Vol. 1. Bloomington: Indiana University Press, 1981. Pp. 515—528.
- Svensson 2012 — Svensson M. *Marqueurs corrélatifs en français et en suédois. Étude sémantico-fonctionnelle de d'une part... d'autre part, d'un côté... de l'autre et de non seulement... mais en contraste*. Uppsala: Uppsala Univ., 2012.

Статья поступила в редакцию 29.07.2015.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ТАВТОЛОГИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

© 2016 г. Елена Леонидовна Вилинбахова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
e.vilinbakhova@spbu.ru

Статья посвящена сопоставительным тавтологическим конструкциям в русском языке вида *Книга — это книга, а фильм — это фильм*. Данный класс тавтологий был впервые замечен Й. Майбауэром в 2008 г., который описал их значение как указание на различия двух сущностей. В русском языке существует несколько разновидностей «простых» тавтологий (*X есть X, X — это X* и т. д.), и все они могут входить в описываемые «сложные» конструкции; в статье обсуждается, каково их влияние на формальные и содержательные свойства сопоставительных тавтологий. Также выделяются семантические разновидности сопоставительных тавтологий со значениями несовместимости, несопоставимости и неравноценности. Наконец, высказывается предположение, что к классу сопоставительных тавтологий можно отнести уступительно-противительные фразеосхемы вида *Дружба дружбой, а служба службой*.

Ключевые слова: Интернет, русский язык, семантика, тавтологии

COORDINATED TAUTOLOGIES IN RUSSIAN

Elena L. Vilinbakhova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
e.vilinbakhova@spbu.ru

The paper discusses a particular pattern of tautological constructions in Russian called coordinated tautologies. The notion was introduced in 2008 by J. Meibauer who used it to describe constructions like *Work is work and holidays are holidays*. Opposed to other tautologies, these constructions include not one, but two pairs of repeated elements with the meaning that two objects or events are distinct in a relevant way. In Russian there are a few models of «simple» tautologies (*X est' X, X eto X*, etc. 'X is X'), and it is discussed whether their semantic properties are inherited by «complex» coordinated tautologies. It is argued that constructions like *Druzhba druzhboi, a sluzhba sluzhboi* also belong to the class of coordinated tautologies despite their structural difference.

Keywords: Internet, Russian, semantics, tautologies

Введение

Конструкции вида *Война есть война* или *Кошки — это кошки*, в которых утверждается тождество объектов или ситуаций самим себе, обычно обозначаются термином «(языковые) тавтологии». Хотя «в своем буквальном значении высказывания *X есть X, X — это X*,

* Работа финансируется грантом Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-1778.2014.6.

X всегда X и т. п. абсолютно неинформативны» [Булыгина, Шмелев 1997: 504], говорящие активно используют тавтологии в речи, а слушатели с легкостью их интерпретируют.

Вопрос о том, каким образом происходит интерпретация тавтологических конструкций, у разных авторов решается по-разному. На сегодняшний день можно выделить три подхода: радикально прагматический [Grice 1975; Levinson 1983; Ward, Hirschberg 1991], радикально семантический [Wierzbicka 1987; 1988; 1991] и семантико-прагматический [Fraser 1988; Escandell-Vidal 1990; Miki 1996; Autenrieth 1997; Bulhof, Gimbel 2001; 2004; Meibauer 2008; Rhodes 2009; Kwon 2014]. Странники первого подхода утверждают, что значение тавтологических конструкций выводится благодаря универсальным прагматическим принципам: чтобы объяснить нарушение говорящим максимы количества ('Не говори меньше, чем следует') или релевантности ('Не отклоняйся от темы'), слушающий вынужден искать в тавтологическом высказывании другой, переносный смысл, например необходимость смириться с ситуацией, выполнить долг по отношению к чему-либо и т. д.

А. Вежбицкая, напротив, считает, что значение тавтологий конвенционально и зависит от конкретного языка, причем в некоторых случаях встречаются противоположные интерпретации: так, в русском языке выражение *Что было, то было* несет импликацию 'то, что это действительно было, нельзя отрицать' [Булыгина, Шмелев 1997: 445], а его польский аналог *Co było, to było* содержит призыв забыть прошлое, которое все равно нельзя изменить [Wierzbicka 1987: 102—103].

Наконец, в рамках наиболее распространенного семантико-прагматического подхода, с одной стороны, подчеркивается важность контекста и общих фоновых знаний собеседников, а с другой стороны, признается связь той или иной синтаксической модели в конкретном языке с определенной семантикой, которая включается «по умолчанию», например в экспериментальных условиях толкования конструкции вне контекста (подробнее см. [Gibbs, McCarrell 1990]).

В более ранних работах П. Грайса, С. Левинсона, А. Вежбицкой и Б. Фрейзера основное внимание уделяется конструкциям вида *Дети есть дети* или *Бизнес есть бизнес*, однако в последующих публикациях отмечается многообразие тавтологий и выделяется как минимум пять разновидностей:

- 1) тавтологии, устанавливающие тождество (англ. equatives): *Жизнь есть жизнь*;
- 2) условные тавтологии (англ. conditionals): *Но если я люблю, то я люблю, и не важны никакие условия*;
- 3) взаимоисключающие тавтологии (англ. disjunctions): *Или мы выиграем, или проиграем, третьего не дано*;
- 4) подчинительные тавтологии (англ. subordinate): *Я злюсь, потому что я злюсь*;
- 5) относительные тавтологии (англ. relative): *Я сказал то, что сказал* [Ward, Hirschberg 1991: 510; Meibauer 2008: 441].

Й. Майбауэр выделяет также шестой тип — сопоставительные¹ тавтологии (англ. coordinated tautologies; далее СТ) вида *Работа — это работа, а семья — это семья*, которые и будут предметом рассмотрения в данной статье. В отличие от всех прочих типов, СТ включают не одну, а две пары повторяющихся элементов и «указывают на различия двух сущностей» (здесь и далее перевод мой. — *Е. В.*):

- (1) *Doch Munich ist Munich und Oslo ist Oslo*
букв. 'Но Мюнхен есть Мюнхен и Осло есть Осло'
'Но Мюнхен — это Мюнхен, а Осло — это Осло';
- (2) *Urlaub ist Urlaub und Krankheit ist Krankheit*
букв. 'Отпуск есть отпуск и болезнь есть болезнь'
'Отпуск — это отпуск, а болезнь — это болезнь' [Meibauer 2008: 449].

¹ Русскоязычный термин отсылает к используемому в данных конструкциях в русском языке союзу *а* сопоставления (см. раздел 1).

Й. Майбауэр описывает следующий механизм их интерпретации: сначала к каждой «простой» тавтологии применяется предикативный анализ с импликацией ‘описываемый объект / явление имеет признаки, типичные для данной категории’; далее, в результате их соположения, возникает следующая импликация: ‘поскольку подразумеваемые признаки достаточно сильно различаются, то и объекты / явления, о которых идет речь, следует разделять / не нужно смешивать и т. п.’ [Ibid.].

Аналогичные примеры встречаются и в других работах, посвященных тавтологиям, на материале японского и английского языков (см. примеры (3) и (4)). Хотя авторы не выделяют их в отдельную конструкцию и рассматривают как сочетание тавтологий, устанавливающих тождество, данные примеры также передают различие между описываемыми элементами и подходят под категорию СТ.

- (3) *kimi wa kimi ware wa ware nari, saredo nakayosi*²
ты маркер темы ты я маркер темы я связка однако (мы) хорошие друзья
букв. ‘ты (есть) ты , а я я есть, однако мы хорошие друзья’
‘**Ты — это ты, а я — это я, но мы хорошие друзья**’ (речь идет о разном социальном статусе говорящего и адресата) [Okamoto 1993: 443];
- (4) *Men are men and women are women and it's about time we stop blurring that distinction*
букв. ‘мужчины есть мужчины и женщины есть женщины и пора нам перестать размывать эту разницу’
‘**Мужчины — это мужчины, а женщины — это женщины, и пора бы нам уже перестать игнорировать их различия**’ [Rhodes 2009: 15].

А. Вежбицкая также рассматривает пример (5) и подобные случаи, отмечая, что в составе данных соединений одинарные тавтологии передают значение уникальности описываемой сущности, однако оставляет более подробное изучение вопроса за рамками своего исследования.

- (5) *East is East and West is West*
букв. ‘Восток есть Восток и Запад есть Запад’
‘**Запад есть Запад, Восток есть Восток**’ (пер. Е. Г. Полонской) [Wierzbicka 1991: 413—414].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть СТ в русском языке на материале Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и различных интернет-источников (орфография и пунктуация источников сохранены), что представляется интересным по ряду причин. Во-первых, в русском языке существует несколько разновидностей «простых» тавтологий, устанавливающих тождество (*X есть X, X — это X* и т. д.), и, поскольку все они могут входить в описываемые «сложные» конструкции, важно понять, влияют ли они на формальные и содержательные свойства образованных таким образом СТ. Во-вторых, отмеченное Й. Майбауэром значение СТ как «указание на различие сущностей» требует более тщательной разработки для конкретного языка. Наконец, возникает вопрос о том, допустимо ли включение в класс СТ других сложных конструкций, в которые не входят классические предикативные тавтологии, например, можно ли отнести к СТ конструкцию вида *Дружба дружбой, а служба службой*.

Работа построена следующим образом. В разделе 1 рассматриваются простые тавтологии в русском языке, структурные характеристики СТ и некоторые сведения об их количественной представленности в НКРЯ. Раздел 2 посвящен семантическим особенностям СТ. В разделе 3 обсуждается возможность включения в класс СТ конструкций вида *Дружба дружбой, а служба службой*. В Заключении представлены итоги исследования.

² В статье приводится перевод с японского на английский язык: *You are you, I am I, yet we are good friends* [Okamoto 1993: 443]; *saredo* — устаревший вариант союза *sikasi* ‘но’, ‘однако’.

1. Структурные особенности сопоставительных тавтологий в русском языке

СТ в качестве строительного материала включают в себя как минимум две одинарные тавтологии. В русском языке можно выделить три класса «простых» тавтологических конструкций. Тавтологии первого класса с синтаксическими моделями *X (и) есть X, X всегда / везде X* и т. п. выражают идею равноценности членов внутри категории: «Все манифестации X-а, т. е. члены класса X или “инстанты” индивида X, в общем, одинаковы, и нет оснований ждать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого» [Булыгина, Шмелев 1997: 506], см. (6).

- (6) *Мы делаем все возможное, чтобы их избежать. Но война есть война. Потери среди гражданского населения есть в любой войне* [Шестернина Елена. Большая игра // Труд-7, 2009.01.19].

Значение тавтологий второго класса состоит в «выделении X-а среди прочих индивидов или классов; констатации его особого места; особенности отдельных манифестаций могут не приниматься во внимание» [Булыгина, Шмелев 1997: 509]; ее синтаксическая модель *X — это X*, см. (7).

- (7) *А: А дети от предыдущих женщин?*
В: Дети — это дети. Они всегда были детьми и останутся [Анатолий Иванушкин. Малинин не любит телячьих нежностей и ночных клубов (1995) // «Общая газета», 1995.07.26].

Недавно описанные тавтологии третьего класса, или метаязыковые тавтологии, представлены моделями *X значит X, X означает X и X это X*; «используя метаязыковые тавтологии в речи, говорящий подчеркивает, что произнесенная им языковая единица употреблена в наиболее общепринятом значении и не содержит обычных отклонений от него, а именно: эвфемизации, иронии и гиперболы» [Вилинбахова 2015: 647], см. (8).

- (8) *Ну у нас все просто... хочу есть значит хочу есть... а не своди меня в ресторан)))* [Там же: 643].

Тавтологии первого, второго и третьего класса могут соединяться в сочетания из двух и более простых конструкций с союзной и бессоюзной связью, однако не все они передают значение различия двух сущностей и могут быть отнесены к СТ. Так, союз *и* в сочетаниях тавтологий в русском языке, в отличие от английских и немецких примеров, подчеркивает прежде всего однородность описываемых объектов и их признаков (9), даже если они теоретически могут быть противопоставлены друг другу.

- (9) *Потом, когда начнется настоящее разногрибье, маслятами как-то пренебрегают, и, между прочем, зря. Конечно, белый есть белый, и груздь есть груздь. Но если сравнить с подберезовиками или с подосиновиками, то я решительно не знаю, почему нужно отдавать предпочтение последним* [Владимир Солоухин. Третья охота (1967)].

Сочетания тавтологий с союзом *а* действительно могут указывать на различие между элементами, о котором иногда говорится эксплицитно.

- (10) *Ну никогда фильму не превзойти книгу по определению, хотя он может получиться очень интересным. Поэтому книга — это книга, а фильм — это фильм. Совершенно два разных направления искусства* [коллективный. Обсуждение фильма «Гарри Поттер и принц-полукровка» (2009—2011)].

Е. В. Падучева и Г. Е. Крейдлин выделяют три группы употреблений данного союза: *а* сопоставления (*Вы аристократ, а я демократ*); *а* несоответствия (*Дело к весне, а мороз все жестче*); *а* присоединительное (*За деревней было поле, а за полем начинался лес*) [Крейдлин, Падучева 1974: 32]. В интересующих нас конструкциях мы имеем дело с первой группой употреблений, ср. толкование *а* сопоставления у В. З. Санникова: «В качестве описываемого выступают X, Y; темы и/или ремы X и Y не совпадают», и предложенное им

уточнение названия группы употреблений «*a* сопоставления, или несходства (выделено мной. — Е. В.)» [Санников 2008: 272].

Следует также отметить сочетания тавтологий с союзом *но*. Не будучи широко распространенными в русском языке (в НКРЯ они не встретились ни разу, см. таблицу 1), такие сочетания все же возможны. Соответствующий пример приводят в своей работе Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев: речь идет о ситуации, когда «Бобби Фишер заявил однажды, что может дать коня вперед тогдашней чемпионке мира Ноне Гаприндашвили», на что Михаил Таль сказал:

(11) «**Фишер — это Фишер, но конь — это конь**» [Булыгина, Шмелев 1997: 508].

Интересно, что на одном из сайтов, посвященных истории шахмат, приводится другой вариант реплики М. Талья:

(12) *Сказал не Каспаров, а Таль. Примерно так: «**Фишер — это Фишер, а конь — это конь!**» — Учите историю...* [Интернет-источники].

Кажется, что примеры (11) и (12) синонимичны: они имеют общую импликацию 'мастерства Фишера не хватит, чтобы компенсировать отсутствие коня на доске'. Оба варианта указывают на различие объектов относительно их силы воздействия на ситуацию шахматной игры (второй объект имеет больший вес, чем первый) и, следовательно, относятся к СТ. Однако если для сочетаний тавтологий с союзом *но* значение неравноценности элементов (в пользу второго элемента) — единственно возможное, то для конструкций с *a* сопоставления неравноценность — это частный случай различия между элементами, который определяется контекстом, лексическим наполнением конструкций и т. д. Таким образом, можно предположить, что СТ с союзом *но* могут быть заменены без существенной потери смысла на СТ с *a* сопоставления, а обратное неверно. Это подтверждается текстами из интернет-источников: в примерах с сайтов, посвященных взаимоотношениям матери мужа и молодой семьи, обе СТ с *но* (13) и *a* сопоставления (14) несут импликацию 'семья важнее' и являются взаимозаменяемыми; напротив, в примере (15) такой импликации нет, говорящий считает, что и *мама* (свекровь) и (молодая) *семья* одинаково важны, хотя и следует разделять их в прямом и переносном смысле.

(13) *Я считаю, что мужчина не должен путать семью своей мамы и свою семью, **мама есть мама, но семья есть семья**;*

(14) *Мое мнение что ваш муж хитрый, он не хочет вас обидеть и с матерью ссориться. Однако я считаю это не правильным. **Мама есть мама, а семья есть семья**. Когда я женился моя мама тоже первое время пыталась преподнести свое воспитание в нашу семью, однако я сел с ней и поговорил. Сказал что это моя семья и мы будем сами решать свои вопросы и впредь прошу не вмешиваться;*

(15) ***Мама есть мама, а семья есть семья**, тут нельзя ставить вопрос кто дороже* [Интернет-источники].

Что касается сочетаний тавтологий с бессоюзной связью, то можно было бы предположить с опорой на анализ Й. Майбауэра (см. Введение), что они будут относиться к СТ и передавать различие между объектами, не будучи «осложненными» дополнительными значениями союзов. Тем не менее оказалось, что такие сочетания делятся на две группы, в первой из которых примеры действительно относятся к СТ и могут быть дополнены союзом *a* сопоставления (16), а во второй — передают идею однородности объектов и могут быть дополнены союзом *и* (17), ср. рассуждения А. М. Пешковского о том, что в «бессоюзном соединении предложений интонация является аналогом союза» (цит. по [Санников 2008: 338]).

(16) *Спрашивают, что лучше — Москва или Питер? Они очень разные, никакой из них для меня не лучше и не хуже. **Москва — это Москва, Питер — это Питер*** [Гусейнов Рафаэль. Сергей Миронов: Диалог власти с народом необходим // Труд-7, 2004.07.08].

- (17) *He горит Саша и желанием пообщаться с прессой. — Работали — потому и победили, — говорит он. — Конечно, мы рады: победа — это победа, золото — это золото* [Левит А. С возвращением! Выиграв золото и серебро ЧЕ, Александр Зубков доказал: возвращался в бобслей он вовсе не зря // Советский спорт, 2011.01.24].

Пример (16) напоминает приведенный выше пример (1) в немецком языке: говорящий подчеркивает, что города Москва и Санкт-Петербург очень разные и их нельзя сравнивать, что соответствует значению СТ. Напротив, в примере (17) противопоставления нет: говорящий объясняет, что он рад своей победе и золотой медали, и это естественно, потому что и победа, и золото имеют особый статус для участников соревнований.

Количественные данные по СТ в НКРЯ приведены в таблице 1, где указано распределение СТ по типам составляющих конъюнктов (тавтологии первого, второго и третьего классов) и по типу связи — союзной или бессоюзной. Можно заметить, что наиболее распространенным типом связи оказывается союзная связь с *a* сопоставления, из примеров с бессоюзной связью больше половины приходится на цитату из Р. Кипплинга в переводе Е. Г. Полонской *Запад есть Запад, Восток есть Восток*, а СТ с союзом *но* в корпусе не представлены.

Более интересным оказывается распределение СТ по типам конъюнктов. Дело в том, что в ряду «простых» тавтологических конструкций в русском языке наиболее распространенной и широко используемой при переводе, а также наиболее подробно описанной является конструкция первого ряда *X есть X* (кроме [Булыгина, Шмелев 1997], см. также [Николина 1984; Ю. Апресян 1995; Падучева 2004] и др.). Судя по корпусным данным, для СТ в русском языке преобладание связки *есть* не сохраняется, особенно если учитывать количество примеров из Р. Кипплинга с фиксированной языковой формой. Более частотными оказываются модели со связкой *это*, по-видимому, потому, что значение СТ — передача различий между двумя элементами — ближе к значению тавтологий второго класса, ср. рассуждения из уже упомянутой работы в начале раздела и следующую цитату о значении тавтологий второго ряда: «Индивид (или класс) X отличается от не X-ов, т. е. прочих индивидов или классов» [Булыгина, Шмелев 1997: 507]. В случае СТ «прочим» индивидом или классом для каждой из сущностей оказывается противопоставленный ей объект или явление.

Количество СТ с метаязыковыми тавтологиями в НКРЯ невелико, поэтому для их изучения, как и в случае с моделью *X сор X, но Y сор Y*, приходится обращаться к интернет-источникам.

Таблица 1

<i>Тип конъюнктов</i> <i>Тип связи</i>	ТК 1 класса X (он и) есть X, X всегда / везде X X и в Африке X	ТК 2 класса X — это X	Метаязыковые тавтологии X (это) значит X X (это) означает X X — это X X есть X ³	Σ
Союзная связь: <i>a сопоставления</i>	25	61	4	90
Союзная связь: <i>но</i>	0	0	0	0
Бессоюзная связь	46 (11 + 35 ⁴)	15	3	64 (29 + 35 ⁴)
Σ	71	76	7	ВСЕГО: 154

³ В стилистически немаркированных текстах связка *есть* в метаязыковых тавтологиях возможна только в составе СТ, подробнее см. раздел 2.

⁴ Количество употреблений цитаты *Запад есть Запад, Восток есть Восток* из «Баллады о Востоке и Западе» Р. Кипплинга в переводе Е. Г. Полонской. По-видимому, это обстоятельство следует принять во внимание при оценке частотности СТ со связкой *есть* и бессоюзной связью.

В целом можно сделать вывод, что в русском языке СТ могут быть выражены сочетаниями тавтологий с союзами *a* сопоставления и *но*, а также с бессоюзной связью. Наиболее распространенным типом конъюнктов являются тавтологии второго класса $X — это X$, а по типу связи наиболее частотной является конструкция с *a* сопоставления $X \text{ соп } X$, $a Y \text{ соп } Y$, которая, к тому же, может заменять собой остальные разновидности, что и позволяет обозначить данный класс конструкций в русском языке как «сопоставительные» тавтологии.

2. Семантические особенности сопоставительных тавтологий в русском языке

Как было показано выше, общее значение СТ может быть описано как ‘указание на различие между двумя сущностями’, и в английском языке, как и в немецком, оно ассоциируется с определенной структурной моделью $X \text{ соп } X \text{ and}$ (англ. ‘и’) $Y \text{ соп } Y$. Данное значение не является композиционным (из значения составляющих СТ — союза *и* и одинарных тавтологий — не следует их противопоставления), и его можно признать специфичным для рассматриваемой конструкции.

В русском языке дело обстоит иначе. Во-первых, только одна из моделей — с союзом *но* ($X \text{ соп } X$, *но* $Y \text{ соп } Y$) — гарантирует принадлежность паттерна к СТ; в остальных случаях, чтобы отнести соединение простых тавтологий к СТ, требуется контекст, общие фоновые знания и т. д. Во-вторых, соединения тавтологий с союзом *и*, аналогичные примерам из английского и немецкого языков, по семантическим причинам не могут быть отнесены к СТ, а для других соединений, которые включаются в число СТ, указание на различие двух сущностей уже присутствует в семантике союзов *a* сопоставления и *но*. Таким образом, чтобы говорить о СТ в русском языке как о конструкции — сложной единице с собственной структурой, наделенной некомпозиционным значением, — нелишним представляется привести дополнительные аргументы.

Прежде всего, необходимо отметить, что, несмотря на бóльшую численность СТ с конъюнктами второго класса, уже «готовые» конструкции с конъюнктами первого и второго классов выступают как синонимы, т. е. различия между тавтологиями $X \text{ есть } X$ и $X \text{ это } X$, описанные в [Булыгина, Шмелев 1997] и проверенные экспериментально в [Кобозева 2009], в них не проявляются. Получается, что при порождении СТ семантика конъюнктов учитывается (говорящий чаще выбирает более близкие по значению тавтологии второго класса $X \text{ это } X$), а затем СТ уже воспринимается как единая конструкция с определенной семантикой, а различия ее составляющих нивелируются.

- (18) *Есть вещи о которых надо поговорить, обсудить, решить... но работа есть работа, а семья есть семья, рабочие проблемы надо решать на работе;*
- (19) *Работа — это работа, а семья — это семья и не надо никогда это смешивать, чтобы семейные проблемы не переносились на работу* [Интернет-источники].

Далее, для СТ с метаязыковыми тавтологиями прослеживается следующая закономерность: употребление связки *есть* в метаязыковых конструкциях в стилистически немаркированных текстах становится возможным, только если они входят в состав СТ. Следует пояснить, что одинарные метаязыковые тавтологии со связкой *есть* встречаются крайне редко — исключительно в поэтических или религиозных контекстах, однако в составе СТ это ограничение снимается, что можно считать еще одной «некомпозиционной» особенностью СТ. НКРЯ дает всего один пример, однако в интернет-источниках подобные случаи более распространены, см. (20).

- (20) *Ну и какой бы фейсбук смог бы меня сбить с толку, если бы я жил в нормальном гос-ве, где закон один для всех, где ДА — есть ДА, а НЕТ — есть НЕТ, если я хоть и не всем, но в общем доволен жизнью?* [Интернет-источники].

Это обстоятельство можно объяснить тем, что противопоставление «объект реального мира» vs. «языковая единица» в СТ также нивелируется с точки зрения коммуникативного намерения говорящего: важно не то, какие именно сущности (языковые или предметные) имеются в виду, а то, что их следует различать.

Наконец, стоит учитывать, что в английском и немецком языках соответствующие соединения тавтологий с аналогичным значением являются конструкциями (см. выше), поэтому кажется вероятным, что и в русском языке данный паттерн имеет тот же статус, а различия в выражении СТ объясняются спецификой семантики союзов в разных языках.

Обращаясь к семантическим характеристикам СТ, можно выделить три типа со значениями несовместимости, несопоставимости и неравноценности, в которых, по мнению говорящего, различия между двумя сущностями имеют такие следствия.

I. Необходимость разграничения элементов **в (физическом) пространстве и/или времени**: ‘X и Y несовместимы; не следует допускать столкновения X и Y’:

- (21) *Но никогда в голову вашему покорному слуге не приходило, что я могу заниматься бизнесом. Наука — это наука, а бизнес — это бизнес. И обычно ученые когда начинают заниматься бизнесом, они перестают быть учеными они теряют... очень часто не достигают большого успеха в бизнесе, поскольку это тоже специфическая область человеческой деятельности, но теряют свою научную квалификацию безусловно!* [Жорес Алферов. Полупроводниковая революция. Наука и общество. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)].

II. Необходимость разграничения элементов **в сознании участников общения**: ‘X и Y несопоставимы; не следует проводить аналогии, и/или устанавливать связи между X и Y, и/или не следует сравнивать X и Y между собой’:

- (22) *Жаль, что Давденко сыграет в финале в Майами с Наделем, а не с Бердыховым, — отличная была бы репетиция перед предстоящим матчем. — Хм, а точно — они ведь могли бы сыграть, — на мгновение задумывается Павел. — Хотя чего жалеть? Майами — это Майами, Москва — это Москва. Разные покрытия, условия...* [Мысин Н. Чехи уже в Москве // Советский спорт, 2008.04.07].

III. Необходимость разграничения элементов **в их силе воздействия на коммуникативную ситуацию**: ‘X и Y неравноценны; как минимум, в данной коммуникативной ситуации X имеет больший вес, чем Y’:

- (23) *Нет, если я буду точно, например, знать (ведь сейчас есть много публикаций), что микроволновые печи и сотовые вред как бы несут, что это вредно для меня, для семьи, я готова отказаться полностью. Я прекрасно понимаю, что вещи — это вещи, а люди — это люди. И здоровье людей гораздо больше жаль, чем железки* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Новосибирск) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

Представляется, что выделенные значения определяются прежде всего внешним контекстом, ср. (21) со значением несовместимости и (24) со значением несопоставимости: ‘бизнес и наука никак не связаны’.

- (24) *В России в последнее время формировалось ощущение, что наука — это наука, а бизнес — это бизнес. И эти два понятия в малом предпринимательстве между собой не коррелировали* [Интернет-источники].

В некоторых случаях СТ не так просто отнести к конкретному типу: например, (25), на первый взгляд, кажется, принадлежит к СТ несопоставимости, однако в контексте оказывается, что мы имеем СТ неравноценности: наличие ангины более важно для формы одежды героя, чем его представления о подобающем внешнем виде.

- (25) *Давид: Тань, ну... ты бы мне на сцену его еще завязала.
Таня: Сцена — это сцена, а ангина — это ангина* [Владимир Машков и др. Папа, к/ф (2004)].

С другой стороны, в примере (10) герой говорит о неравноценности фильма и книги, однако, используя СТ, выражает уже другую мысль о невозможности сравнивать эти два явления, т. е. здесь представлена СТ несопоставимости, хотя неравноценность сущностей и служит для нее основанием.

Иногда два типа СТ могут совмещаться: в (26) мы имеем одновременно значение несопоставимости ('деньги и любовь нельзя сравнивать') и неравноценности ('любовь важнее денег').

(26) *Нет не так... это разные вещи... деньги это деньги, а любовь это любовь!* [Интернет-источники].

Единственное структурное ограничение касается моделей вида $X \text{ сор } X, \text{ но } Y \text{ сор } Y$, которые могут относиться только к типу III со значением неравноценности, что индуцируется семантикой союза *но*.

Подводя итоги, можно утверждать, что в русском языке СТ является самостоятельной конструкцией с некомпозициональным значением, поскольку общая семантика СТ — передача различий двух сущностей — нивелирует различия в семантике конъюнктов. СТ имеет три разновидности со значениями несовместимости, несопоставимости и неравноценности, индуцируемыми в первую очередь контекстом, а для немногочисленных моделей $X \text{ сор } X, \text{ но } Y \text{ сор } Y$ — семантикой соответствующего союза.

3. Конструкция вида *Дружба дружбой, а служба службой* как кандидат в СТ

В процессе изучения СТ встретились примеры (27) и (28).

(27) *совет тебе или просто пожелание... не дели никого на хороших и плохих, дружба есть дружба, а служба есть служба... что поделатъ...;*

(28) *ладно старый перец))) все ты понял. Дружба это дружба, а служба это служба* [Интернет-источники].

Данные примеры можно считать вариантами поговорки *Дружба дружбой, а служба службой*, так как они передают то же значение 'дружеские и рабочие отношения — это разные вещи; их не следует смешивать; рабочие отношения важнее'. Поскольку (27) и (28) относятся к СТ, возникает вопрос, можно ли включить в СТ исходный вариант — конструкцию $X X\text{-ом}, \text{ а } Y Y\text{-ом}$. Для этого стоит остановиться подробнее на значении рассматриваемой конструкции.

Конструкция $X X\text{-ом}, \text{ а } Y Y\text{-ом}$ упоминается еще у А. А. Шахматова. В разделе «Двусоставные согласованные предложения» он отмечает, что «в некоторых случаях именительный падеж сказуемого заменяется под влиянием аналогии со стороны связочных и связочно-сказуемых предложений творительным падежом» [Шахматов 2001: 189], и приводит поговорку *Дружба дружбой, а служба службой*, а также такие примеры, как (29) и (30).

(29) *Худо тому дому, где жена попом, а муж дьяконом* (посл.);

(30) *И кажется, — продолжал Герман — я причиной его смерти* (А. С. Пушкин. Пиковая дама).

В предлагаемых Шахматовым примерах (29) и (30) может быть восстановлена связка, например, *являться*, и, таким образом, интересующая нас конструкция $X X\text{-ом}, \text{ а } Y Y\text{-ом}$, по Шахматову, может быть реконструирована как $X \text{ сор } X\text{-ом}, \text{ а } Y \text{ сор } Y\text{-ом}$.

При этом статус одинарных конструкций вида $X X\text{-ом}$ вызывает у автора сомнения. В разделе «Односоставные предложения», приводя пример (31) из А. П. Чехова, Шахматов с осторожностью отмечает: «**Быть может** (выделено мной. — Е. В.), к односоставным относятся и такие предложения, как:

(31) *Скворцы прилетели. Гляжу, куда сядут. Туча-тучей*».

Далее имеется приписка «означает частью полноту проявления признака, выраженного существительным, а частью?» [Там же: 56].

Ниже в разделе «Двусоставные согласованные предложения» А. А. Шахматов пишет, что существуют предложения, «где при сказуемом в именительном падеже то же слово повторяется в творительном»:

(32) *Она дура-дурой* [Там же: 189].

Таким образом, А. А. Шахматов выделяет, с одной стороны, предикативный тип конструкции *X (cop) X-ом* в составе сложной конструкции *X X-ом, а Y Y-ом*, который устанавливает тождество объекта самому себе, как и конструкции *X есть X* и *X — это X*, а с другой стороны, непредикативный тип *X(-)X-ом* со значением полноты признака⁵.

Н. Ю. Шведова усматривает в таком описании противоречие и считает, что конструкции *XX-ом* нечленимы, определяя их значение как «подчеркнутое утверждение предикативного признака, выявляющегося самостоятельно и независимо от других; *Шутки шутками* значит «шутки сами собою»; это значение особенно отчетливо выступает тогда, когда данные сочетания употребляются вне противительной конструкции, см. (33); <...> однако чаще всего такие конструкции употребляются в составе построения с противительным значением, см. (34); <...> очень распространено употребление данных построений в однотипных частях сложной противительной конструкции» [Шведова 1960: 55], см. (35).

(33) *Помидуйте, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суете. Пенька пенькою, в другой раз приеду, заберу и пеньку* (Н. В. Гоголь. Мертвые души);

(34) *Да ты застегнись. Фронтовичка фронтовичкой, а март месяц знаешь какой?* (В. Некрасов. В родном городе);

(35) *Дело делом, а чай чаем: выкушай, родимый* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки) [Там же: 56].

Д. Н. Шмелев [1960] выделяет целый ряд фразеологических схем конструкций (сокращенно — фразеосхем) с уступительно-противительным значением, куда относит следующие модели:

(36) *Знать-то он знает, но не говорит*;

(37) *Хорошо-то хорошо, но не выразительно* (М. Казаков);

(38) *Настроение настроением, а мне нужно ехать к месту службы* (А. Н. Толстой) [Там же: 51].

В данных конструкциях «лексически повторяющиеся элементы стоят в разных формах, жестко фиксируемых конструкцией» [Июдин 2013: 313]. В первой части фразеосхем представлены повторяющиеся элементы, далее следуют союзы *а/но/да/только/однако*, затем — вторая часть, на заполнение которой не накладывается формальных ограничений. Частным случаем фразеосхемы с существительными оказывается и конструкция вида *Дружба дружбой, а служба службой* [Шмелев 1960: 52—53].

В [Булыгина, Шмелев 1997] замечено, что назначение уступительно-противительных фразеосхем с существительными, как в (38), — указать на то, что ситуация в первой части не релевантна для того, что говорится во второй части. Вслед за Д. Н. Шмелевым [1960: 53], Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают, что соответствующие высказывания часто имеют сим-

⁵ Такое разграничение, кажется, находит подтверждение в современных текстах из Интернета, см., с одной стороны: *Тенденции — это прекрасно. Но мода — модой, а зима зимой. Как только ударят морозы, мы достаем из шкафа растянутый свитер, носки, шапку-ушанку*, где конструкция может быть заменена на СТ *Мода — это мода, а зима — это зима*. С другой стороны, в примере *Уже третье апреля, а на улице у нас зима зимой* конструкция передает значение 'настоящая зима с холодом, снегом и др.' Наличие предикативного и непредикативного типов встречается и в других конструкциях с повторами, например, *х такой х*, см. [Вилинбахова 2011; Гилярова 2013].

метричный характер вида $N_1NOM + (-mo) + N_1INSTR + a / no / da + N_2NOM + (-mo) + N_2INSTR$, и тогда «высказывание призывает как бы не смешивать соображения, относящиеся к N_1 и N_2 » [Булыгина, Шмелев 1997: 314]. Как правило, в таких симметричных высказываниях вторая часть подается как более важная, чем первая, но возможны ситуации, когда «не устанавливается иерархия сопоставляемых ситуаций»:

(39) *Конечно, песня — песнею, а веревка веревкой. Одно другому не мешает* (А. Пушкин) [Там же].

В. Ю. Апресян конструкцию $XX-om, a YY-om$ также рассматривает в ряду других уступительных конструкций как частный случай модели $XX-om, a Y$ и дает следующее толкование: «Хотя говорящий признает важность $X-a$, Y тоже важен; Y не зависит или не должен зависеть от $X-a$ » [В. Апресян 2014: 218].

Можно заметить, что предложенные авторами аналитические толкования конструкции $XX-om, a YY-om$ обнаруживают много общего со значением СТ: утверждение предикативного признака, проявляющегося самостоятельно и независимо от других, призыв не смешивать соображения, относящиеся к двум сущностям, отсутствие зависимости одного явления от другого соответствуют СТ со значением несопоставимости, а подача второй части как более важной — СТ неравноценности. В ряде случаев можно найти примеры конструкции $XX-om, a YY-om$, которые передают то же значение, что и приведенные выше СТ: см. (40) как аналог примеров (18) и (19), и (41) как аналог примеров (13—15).

(40) *Я всегда придерживалась и придерживаюсь правила: «Работа — работой, а семья — семьей». Личное, свободное время должно быть посвящено семье;*

(41) *А на счет отношений мужа и его мамы... <...> очень сложно вдолбить взрослому мужику, что мама — мамой, а семья — семьей. Только если он сам начнет понимать* [Интернет-источники].

По-видимому, такие замены допустимы, когда значение уступительности, обязательное для данных конструкций, не противоречит контексту; в обратном случае модифицированные примеры звучат менее естественно, см. (23').

(23') *Нет, если я буду точно, например, знать (ведь сейчас есть много публикаций), что микроволновые печи и сотовые вред как бы несут, что это вредно для меня, для семьи, я готова отказаться полностью. Я прекрасно понимаю, что вещи вещами, а люди людьми. И здоровье людей гораздо больше жаль, чем железки.*

Напротив, замена конструкции $XX-om, a YY-om$ на СТ возможна, кажется, в любом контексте, и даже в тех случаях, когда мы имеем уже устоявшуюся языковую форму: см. (27), (28).

Кроме того, в данной конструкции возможны и другие типы связи с сохранением значения — союз *но* (42) и бессоюзная связь (43).

(42) *Игра Игрой, но Семья Семьей — мы это тоже понимаем!!!* [Интернет-источники].

(43) *Они своих интересов никогда не упустят и даже ради политики. Политика политикой / экономика экономикой. Даже в политике они будут придерживаться своих интересов / несмотря на такое сейчас объединение* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2001].

Количественные данные по конструкции $XX-om, (a / no) YY-om$ в корпусе представлены в таблице 2, там же показано их соотношение с рассмотренными выше СТ. Можно заметить, что в обоих случаях больше всего вхождений с *a* сопоставления, далее — с бессоюзной связью, потом уже с союзом *но*, хотя для конструкции с конъюнктами $XX-om$ разрыв между количеством примеров с *a* сопоставления и примерами с другими типами связи намного больше, даже с учетом 27 употреблений пословицы *Дружба дружбой, а служба службой*. Вероятно, это объясняется большей устойчивостью формы и употребительностью конструкции $XX-om, a YY-om$, количество вхождений которой превышает количество всех СТ с конъюнктами вида $X \text{ сор } X$ вместе взятых.

Таблица 2

Тип связи \ Тип конъюнктов	X X-ом	X соп X
Союзная связь: <i>a сопоставления</i>	198 (172+27 ⁶)	90
Союзная связь: <i>но</i>	3	0
Бессоюзная связь	18	64 (29 + 35 ⁷)
Σ	219	154

В целом представляется, что, несмотря на обязательный компонент уступительности, конструкцию вида *X X-ом, a Y Y-ом* можно включить в класс СТ. Такое допущение делает СТ в русском языке более разнородными по структуре, но позволяет сохранить семантическое единство.

Заключение

В настоящей статье был рассмотрен особый класс тавтологических конструкций в русском языке, включающий не одну, а две пары повторяющихся элементов. Для данных конструкций был предложен термин «сопоставительные тавтологии» (СТ), так как прототипической является модель *X соп X, a Y соп Y с a сопоставления*, которая может заменять собой другие возможные модели *X соп X, но Y соп Y и X соп X, Y соп Y с союзом но* и бессоюзной связью. В качестве составляющих в СТ представлены три класса простых тавтологий русского языка (наиболее распространенные модели данных классов — соответственно *X есть X, X это X и X значит X*). Общее значение СТ — передача различий двух сущностей и указание на их несовместимость, несопоставимость или неравноценность. Еще одним кандидатом в СТ является уступительно-противительная конструкция *X X-ом, a Y Y-ом*, которая имеет близкое значение и допускает замену на СТ; предлагается включить данную конструкцию в класс СТ, несмотря на структурные отличия ее конъюнктов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ю. Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 156—178. [Apresjan Ju. D. Connotations as a part of the pragmatic meaning of a word. Apresjan Ju. D. *Izbrannye trudy: V 2 t. T. II: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works: In 2 vol. Vol. II: Integrated description of language and systematic lexicography]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1995. Pp. 156—178.]
- В. Апресян 2014 — Апресян В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке: Дисс. ... докт. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2014. [Apresjan V. Ju. *Mehanizmy obrazovaniya i vzaimodeistviya slozhnykh znachenii v yazyke. Dokt. diss.* [Mechanisms of creation and interaction of complex language meanings. Doct. diss.]. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2014.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of the Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1997.]
- Вилинбахова 2011 — Вилинбахова Е. Л. О конструкции вида «муж такой муж» в русском языке (на материале интернет-источников) // Тезисы конференции «Русский язык: конструкционные

⁶ Количество употреблений пословицы *Дружба дружбой, а служба службой*.

⁷ Количество употреблений цитаты *Запад есть Запад, Восток есть Восток* из «Баллады о Востоке и Западе» Р. Киплинга в переводе Е. Г. Полонской.

- и лексико-семантические подходы», Санкт-Петербург, 24—26 марта 2011 г. [Vilinbakhova E. L. On a construction «husband such a husband» (lit.) in Russian (based on on-line sources). *Tezisy konferentsii «Russkij jazyk: konstruksionnye i leksiko-semanticheskie podkhody»*, Sankt-Peterburg, 24—26 marta 2011 g.] Available at: <http://iling.spb.ru/conf/rusconstr2011/pdf/Vilinbakhova.pdf>.
- Вилинбахова 2015 — Вилинбахова Е. Л. *Статья значит статья*: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 638—649. [Vilinbakhova E. L. Article means article: On one pattern of tautologies in Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. No. 14 (21): In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2015. Pp. 638—649.]
- Гилярова 2013 — Гилярова К. А. Статья такая статья. Об одном типе редупликации в современном русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 268—280. [Gilyarova K. A. Paper such a paper. On a reduplication pattern in modern Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog»*. No. 12 (19): In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2013. Pp. 268—280.]
- Иомдин 2013 — Иомдин Л. Л. *Читать не читал, но...*: об одной русской конструкции с поворяющимися словесными элементами // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 309—322. [Iomdin L. L. Chitat' ne chital, no...: On a Russian construction with repeated lexical elements. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog»*. No. 12 (19): In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2013. Pp. 309—322.]
- Кобозева 2009 — Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. [Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika*. [Linguistic semantics]. Moscow: Knizhnyi Dom «LIBROKOM», 2009.]
- Крейдлин, Падучева 1974 — Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства союза *a* // НТИ. Серия 2. 1974. № 9. С. 31—37. [Kreidlin G. E., Paducheva E. V. Meaning and syntactic properties of the conjunction *a*. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya*. Series 2. 1974. No. 9. Pp. 31—37.]
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Николина 1984 — Николина Н. А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984. С. 38—46. [Nikolina N. A. Structural-semantic features of sentences of the type «Life is life». *Predlozhenie kak mnogoaspektnaya edinitsa yazyka*. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute Publ., 1984. Pp. 38—46.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Санников 2008 — Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. [Sannikov V. Z. *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in the semantic-pragmatic space]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Шахматов 2001 — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка М.: Эдиториал УРСС, 2001. [Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow: Editorial URSS, 2001.]
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. [Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of the Russian colloquial language]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1960.]
- Шмелев 1960 — Шмелев Д. Н. «О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке» // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47—60. [Shmelev D. N. On «connected» syntactic constructions in Russian. *Voprosy jazykoznanija*. 1960. No. 5. Pp. 47—60.]
- Autenrieth 1997 — Autenrieth T. Tautologien sind Tautologien. *Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte* [= Linguistische Berichte. Sonderheft 8]. Rolf E. (Hrsg.). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. Ss. 12—32.
- Bulhof, Gimbel 2001 — Bulhof J., Gimbel S. Deep tautologies. *Pragmatics and cognition*. 2001. Vol. 9 (2). Pp. 279—291.

- Bulhof, Gimbel 2004 — Bulhof J., Gimbel S. A tautology is a tautology (or is it?). *Journal of pragmatics*. 2004. Vol. 36 (3). Pp. 1003—1005.
- Escandell-Vidal 1990 — Escandell-Vidal M. V. *Nominal tautologies in Spanish*. Talk given at the International conference of pragmatics (Barcelona, Spain, July, 9, 1990).
- Fraser 1988 — Fraser B. Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies. *Journal of pragmatics*. 1988. Vol. 12. Pp. 215—220.
- Gibbs, McCarrell 1990 — Gibbs R. W., McCarrell N. S. Why boys will be boys and girls will be girls: Understanding colloquial tautologies. *Journal of psycholinguistic research*. 1990. Vol. 19. Pp. 125—145.
- Grice 1975 — Grice H. P. Logic and conversation. *Syntax and semantics*. Vol. 3: Speech acts. Cole P., Morgan J. L. (eds). New York: Academic Press, 1975. Pp. 41—58.
- Kwon 2014 — Kwon I. Categorization and its embodiment: Korean tautological constructions in mental spaces theory. *Language Sciences*. 2014. Vol. 45. Pp. 44—55.
- Levinson 1983 — Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Meibauer 2008 — Meibauer J. Tautology as presumptive meaning. *Pragmatics and cognition*. 2008. Vol. 16. Pp. 439—470.
- Miki 1996 — Miki E. Evocation and tautologies. *Journal of pragmatics*. 1996. Vol. 25. Pp. 635—648.
- Okamoto 1993 — Okamoto S. Nominal repetitive constructions in Japanese: The tautology controversy revisited. *Journal of pragmatics*. 1993. Vol. 20. Pp. 433—466.
- Rhodes 2009 — Rhodes R. A *Cross-linguistic comparison of tautological constructions with special focus on English*. Available at: www.linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qp.pdf
- Ward, Hirschberg 1991 — Ward G. L., Hirschberg J. A pragmatic analysis of tautological utterances. *Journal of pragmatics*. 1991. Vol. 15. Pp. 507—520.
- Wierzbicka 1987 — Wierzbicka A. Boys will be boys: 'Radical semantics' vs. 'Radical pragmatics'. *Language*. 1987. Vol. 63. Pp. 95—114.
- Wierzbicka 1988 — Wierzbicka A. Boys will be boys: A rejoinder to Bruce Fraser. *Journal of pragmatics*. Vol. 12. Pp. 221—224.
- Wierzbicka 1991 — Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.

Статья поступила в редакцию 11.09.2015.

ЯЗЫК НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА ВЯТСКОГО РЕГИОНА: СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

© 2016 г.

Валерий Михайлович Бухаров^{а, @},
Ольга Владимировна Байкова^б

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, 603155, Российская Федерация; ^б Вятский государственный гуманитарный университет, Киров, 610008, Российская Федерация; @vabukharov@gmail.com

Статус и вектор развития диалектов немецкого языка в России — фундаментальный вопрос не только российской диалектологии, но лингвистики островных диалектов вообще. В статье рассматривается группа малоизученных немецких диалектов Вятского региона, которые занимают особое место в диалектологии, поскольку они прошли через волну искусственного смешения вынужденных переселенцев в середине XX в. Результатом этого являются кодовые переключения, сбои и смешения переключений в речи носителей этих диалектов.

Ключевые слова: немецкие островные диалекты Вятского региона, переключения, сбои и смешения кодов, российские немцы, языковые контакты

THE LANGUAGE OF GERMAN NATIONAL MINORITY IN VYATKA REGION: STATUS AND PERSPECTIVES

Valeriy M. Bukharov^{а, @}, Olga V. Baykova^б

^а National Research University «Higher School of Economics», Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation; ^б Vyatka State University of Humanities, Kirov, 610008, Russian Federation; @vabukharov@gmail.com

The status and the vector of development of German dialects in Russia are an issue of fundamental importance not only for Russian dialectology but also for linguistics of island dialects in general. The article examines an under-investigated group of the Vyatka region German dialects, which occupy a special place in dialectology, for they experienced artificial mixing in the mid-twentieth century as a result of their speakers' being forced into exile. This results in code switching, failures and mixing of switching in the speech of people using these dialects.

Keywords: failures and mixing in code switching, German island dialects of the Vyatka region, language contacts, Russian Germans

1. Введение

В современном языкознании большое внимание уделяется проблематике форм существования языков. Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению и структурированию языкового континуума, эта проблема до сих пор остается актуальной. Особенно это касается комплекса вопросов, связанных с описанием форм существования языковых островов, лежащих вне основного ареала распространения языка. Подобные языковые образования распространены и на территории Кировской области, части бывшей Вятской губернии. Будучи в силу своего географического положения и исторического развития

многонациональным регионом России, она всегда характеризовалась большим многообразием взаимодействующих языков, что делает ее интересным и важным объектом для комплексных лингвистических и социокультурных исследований.

Относительно недавно, в начале 1990-х годов, произошел всплеск академического интереса к проблеме взаимосвязи языка и говорящего на нем социума, вызванный большой озабоченностью языковедов судьбой языков национальных меньшинств как в России, так и в Европе. Это связано не только с отмиранием и исчезновением малых языков вследствие глобализации и массовой миграции последних десятилетий, но и с судьбой языковых островов, исторически оторвавшихся от основного ареала распространения и пришедших в последние годы в движение. Большой поток исследований на эту тему привел к возникновению новых направлений в языкознании, таких как миграционная, экологическая лингвистика и др. Судьба малочисленных языков, их сегодняшнее бытование и будущее — это, без сомнения, не только лингвистический, но и один из важнейших идеологических и политических вопросов, так как язык — ключ к познанию мира и места человека в нем.

Данная проблема в полной мере относится к судьбе немецких островных диалектов в России и СНГ, изучение которых имеет давние традиции. Важность исследований в данной сфере неоспорима, так как фиксация самобытной языковой картины мира современных российских немцев дает возможность сохранить ее как важный компонент совместного культурного наследия Германии и России. Термин «российские немцы» (*Russlanddeutsche*) имеет, скорее всего, немецкие корни. Сейчас все большее распространение получает обозначение «этнические немцы» (*ethnische Deutsche*), поскольку оно включает в себя то обстоятельство, что многие переселяющиеся в Германию немцы являются выходцами не только из России, но и из других государств бывшего СССР.

Как известно, в России до настоящего времени сохранились отдельные регионы, языковые острова, в которых проживают этнические немцы. Их предки переселились из Германии в Россию во второй половине XVIII — начале XIX в. Современное состояние диалектов многих из этих островов стало объектом многочисленных исследований, см., например, [Смирницкая, Баротов 1997; Москалюк 2000, 2014; Байкова 2008] и др. Однако существуют и такие поселения российских немцев, которые в силу ряда обстоятельств были мало известны и языковая специфика которых до недавнего времени не была исследована. К ним относятся, например, бывшие спецпоселения Верхнекамского района Кировской области, т. е. поселения депортированных немцев. Здесь возникла уникальная форма языка, которая при бедном ознании напоминает скорее креолизированный язык, чем немецкий. Однако в сознании носителей этого языка, как показывают опросы, именно немецкий язык остается родным [Байкова 2009: 194]. Еще большую связь с немецкой первоосновой демонстрируют культурные обычаи и традиции населения этих поселков, которые практически не подверглись смешению с русскими традициями.

Таким образом, языковая ситуация этого немецкоязычного региона характеризуется, как показывают наблюдения, противоречием между сильным интерферирующим воздействием иноязычного (русского) окружения и тенденцией к сохранению немецкой идентичности. Это означает, что для описания специфики этой формы немецкого языка в Вятском регионе недостаточно исследования только его системных и нормативных языковых особенностей. Любая форма языка, претендующая на статус самостоятельного элемента национального языка, обладает своим лингво- и социокультурным пространством, что предполагает необходимость его специального рассмотрения.

2. Немецкое лингво- и социокультурное пространство в Вятском регионе

Первые упоминания о немцах на территории Вятской губернии содержатся в архивных документах XVII в., где неоднократно встречаются фамилии Немчинов, Немчин и т. п. Появление немцев было связано преимущественно с развитием в крае фабричной и заводской

промышленности, которая требовала специалистов высокой квалификации. Однако вплоть до XX в. немецкие мигранты не селились компактно, работали в разных городах и поселках, т. е. общение на немецком языке ограничивалось рамками семьи.

Мало изменилась ситуация и в связи с появлением на Вятке военнопленных во время Отечественной войны 1812 г. и Первой мировой войны. Через Вятскую губернию проследовали в Сибирь десятки тысяч военнопленных, большинство из которых после окончания военных действий уехали на родину. Этим лингво-социокультурная ситуация немецкого языка на Вятке в конце XIX в. отличалась от регионов компактного проживания немцев на Волге и в Украине, где к этому периоду уже сформировались центры немецких переселенцев с культурными, религиозными и образовательными учреждениями. Население Поволжья группировалось, как правило, вокруг поселений с одной диалектной доминантой. Однако уже на начальном этапе формирования языковых сообществ возникали как следствие производственных и семейных связей междиалектные общие формы языка: «общий язык», койне, *Gemeinsprache* по терминологии В. М. Жирмунского [1976: 500, 507]. Эти новые формы языка постепенно вытесняли исторические диалекты, пришедшие в XVIII в. вместе с первыми переселенцами из различных регионов Германии.

Массовое появление немцев в Вятской губернии было связано со Второй мировой войной. Сюда были сосланы более 100 000 пленных солдат и офицеров из воюющих стран. Многонациональные и, соответственно, многоязычные группы военнопленных из разных стран были размещены в лагерях, рабочих батальонах и работали вместе с местным населением в леспромхозах, на строительстве железнодорожных и автомобильных дорог, жилья и объектов социально-культурной сферы. Многонациональный состав военнопленных не способствовал формированию компактных групп, объединенных по этническому и языковому признакам. Кроме того, в начале 50-х гг. прошлого столетия начался процесс их возвращения на родину.

Фактическое начало формирования постоянных немецкоязычных центров на Вятке было связано с вынужденным переселением и депортацией российских (точнее, советских) немцев после Указа Президиума Верховного Совета СССР о переселении немцев, проживающих в районах Поволжья от 28 августа 1941 г. Депортация осуществлялась под предлогом наличия среди них «5-й колонны» — диверсантов и шпионов, которые по команде из Германии должны были совершать террористические акты. Следствием депортации тех лет были не только полomanные людские судьбы, но и безжалостно деформированный исторически сложившийся комплекс традиционной этнокультуры.

С осени 1945 г. до начала 1947 г. в Кировскую область попадают еще одна группа российских немцев — вывезенные из Германии «немцы-репатрианты», многие из которых добровольно (однако нередко и принудительно) отходили обратно на родину вместе с отступавшими вооруженными силами нацистской Германии с территории СССР. Таким образом, после Второй мировой войны и отъезда военнопленных именно депортированные и репатриированные немцы составили основное число жителей в 19 спецпоселках Кировской области. Так, по данным 1951 г. в 12 районах области находились 8893 спецпоселенца, из которых немцы составляли свыше 70% (6696 человек, 2246 семей). Необходимо отметить, что спецпоселения, в которых проживали только депортированные и репатриированные российские немцы, имелись во всех северных районах Кировской области [Байкова 2008: 20—25]. До конца войны немцы содержались в спецпоселениях без права выезда в другие районы и были задействованы на тяжелых работах в так называемой трудовой армии.

В 1955 г. спецпоселенцы были в основном освобождены и вскоре получили паспорта, однако им запретили возвращаться в те области, откуда они были высланы, и требовать возврата конфискованного имущества. Лишь в 1964 г. было признано, что обвинения против немецкого населения страны были несправедливыми. Однако текст Указа был опубликован только в «Ведомостях Верховного Совета СССР», и в нем снова подчеркивалась «забота партии и правительства» о немцах. Было заявлено, что они обосновались в местах спецпоселений основательно и «нецелесообразно» разрушать сложившиеся экономические

зоны. Это был фактически запрет на выбор места жительства. К 1974 г. с учетом детей от смешанных браков в Кировской области оставалось около 1500 немцев [ГАСПИ КО: 3—30]. Таким образом, депортация, трудовая армия и спецпоселения играют в истории российских немцев Кировской области ключевую роль. Сложно переоценить масштаб их влияния на жизнь немецкого населения в данном регионе как во время войны, так и в послевоенные годы. Особенно сильному воздействию подвергался, безусловно, родной язык переселенцев, поскольку основной формой его существования были диалекты, связанные с различными региональными языками бывших языковых островов СССР. С учетом того, что диалектные острова были исторически сформированы из носителей разных диалектных групп, как нижне-, так средне- и верхненемецких, язык новых языковых социумов Кировской области характеризовался, по сути, двойным диалектным членением. С одной стороны, это были диалекты, уже пережившие первый период смешения исходных диалектов, описанный В. М. Жирмунским [1976: 535—538], с другой, на фоне вторичного диалектного смешения 40-х — 50-х гг. XX в. формировались хронологически «новые» диалектные образования, включающие в себя элементы генетически разнородных языковых форм.

Процесс формирования «новых диалектов» можно наблюдать и в основном ареале немецкого языка. Там этим термином обозначаются формы языка более широкого регионального охвата и, соответственно, с большими функциональными возможностями, чем у каждого из входящих в него по отдельности исторических диалектов. Новые диалекты могут иметь в своей основе несколько исторических территориальных диалектов. Как правило, это связано с изменениями в социально-политическом и/или экономическом статусе той или иной провинции. Катализатором возникновения новых диалектов в ареале немецкого языка в Европе предстает воздействие на них стандарта и его национальных вариантов [Бухаров 1995]. В отличие от них немецкие диалектные острова, находящиеся в бывшем СССР в полной изоляции от основного ареала, утрачивают связь со стандартной формой языка. На фоне их смешения в сферу исключительно бытового семейного общения наблюдается дестандартизация сохранившихся фрагментов общеобиходных наддиалектных форм языка. Особенно отчетливо это наблюдается в Вятском регионе, специфика которого состоит в отсутствии влияния стандарта, так как только довоенное поколение могло получать школьное и даже высшее образование, слушать радио и читать газеты на стандартном немецком языке, т. е. воспринимать диалект через призму стандарта, как, например, в Республике немцев Поволжья, а не наоборот.

Результатом принудительного переселения в середине прошлого столетия явилось объединение немцев из различных регионов бывшего СССР по национальному, а не по языковому (диалектному) признаку. При этом, естественно, возникла ситуация, когда ранее относительно автономные диалекты начали смешиваться. Немецким языком нельзя было пользоваться на официальном уровне, и лишь в быту он продолжал оставаться средством общения. Даже в школах как иностранный язык нередко преподавался английский. Все это вело к тому, что в условиях совместного проживания в одном поселении нескольких групп носителей различных немецких диалектов и постоянного русскоязычного окружения требовалось выработать коммуникативные коды, которые должны были служить как междиалектному, так и межязыковому общению немцев и русскоязычного населения.

Подводя итог рассмотрению специфики немецкого лингво-социокультурного пространства в Вятском регионе, можно сделать следующие выводы.

Появление основной части немецкого населения в Вятском регионе связано с принудительным переселением из мест довоенного компактного проживания. Переселенцы приносили с собой уже частично смешанные диалекты в виде общих форм разговорного немецкого языка, которые еще сохраняли первичные признаки немецких диалектов. Процессы смешения в вятских поселениях приняли еще более интенсивный характер, поскольку в контакт вступали языковые формы прежде удаленных друг от друга диалектных островов.

Вследствие новой волны смешения в языке переселенцев появляются общие наддиалектные формы, ср. процессы в новых диалектах основного ареала. Но при этом в диалектах

Вятского региона влияние стандарта ослабевает вплоть до исчезновения. Более того, можно говорить о том, что здесь запускается процесс дестандартизации. Этому способствует во многом более сильное, чем в прежних местах проживания, влияние русского языка: уже нет школ, театров, радио, газет на немецком языке, нет немецкоговорящей администрации. Хаотичное смешение разнородных диалектов на достаточно замкнутой территории в сочетании с уходом немецкого языка в узкую сферу бытового общения сопровождается давлением русского языка, доминирующего во всех коммуникативных ситуациях вне бытового общения, что несет в себе опасность создания предпосылок для перерождения диалектов в креолизованные языковые формы.

Таким образом, рассмотрение языковой ситуации в Вятском регионе распространения немецкого языка ставит вопрос о том, в какой мере немецкие диалекты этого языкового острова сохраняют присущие им системные свойства и насколько велика угроза их распада в современных условиях существования. Ответ на этот вопрос имеет важное значение не только для островных языковых общностей, но и для многих языков малых народов, живущих в иноязычном окружении.

3. Специфика функционирования немецких диалектов в Вятском регионе России

На территории России сохранился ряд немецких диалектных островов бывшего СССР, особое место среди которых в силу социально-исторических условий их существования занимают диалекты Кировской области. Для рассмотрения специфики их функционирования были использованы материалы, полученные в ходе этнографических экспедиций в шесть поселков Верхнекамского района Кировской области (Созимский, Черниговский, Лесной, Рудничный, Чус, Ожмегово), проведенных с 1999 по 2011 г. сотрудниками Лаборатории экстралингвистических исследований Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ) под руководством О. В. Байковой. Полученные материалы были включены в банк данных и представляют собой аудиозаписи речи 26 информантов в объеме 50 часов и их транскрипцию, а также опросные листы с вопросами социолингвистического характера. Аудиоархив содержит языковой материал, который состоит из рассказов информантов о своей жизни, текстов на свободную тему, перевода 40 предложений с литературного немецкого языка на диалект по стандартной анкете Г. Венкера [DiWA] и перевода 200 отдельных словоформ с литературного немецкого языка на диалект по анкете В. М. Жирмунского [Архив РАН: 1—24]. Весь аудиоматериал был оцифрован и прошел обработку в Лаборатории экспериментально-фонетических и перцептивных исследований языков различного типологического строя ВятГГУ (научный руководитель О. В. Байкова), Лингвистической лаборатории немецкого семинара университета имени Альберта Людвига г. Фрайбурга, Германия (научный руководитель П. Ауер) и в Лаборатории акустики речи Нижегородского государственного лингвистического университета (научный руководитель В. М. Бухаров). Полученные данные включены в звуковой фонд записей устной речи жителей Кировской области конца XX — начала XXI в. Лаборатории экстралингвистических исследований ВятГГУ, в акустическую базу данных по диалектам архива звучащей речи Рурского университета г. Бохума (Германия) и были использованы в настоящей статье.

Первым этапом анализа языковой ситуации в регионе было рассмотрение ответов информантов на вопросы о роли и месте немецкого языка в их жизни. Материалы анкетирования показали, что современная языковая ситуация в Кировской области характеризуется диглоссией российских немцев, которая реализуется по-разному в различных возрастных группах.

Для старшей группы населения (свыше 60 лет) типично активное немецко-русское двуязычие, так как большинство российских немцев этой группы владеют в относительно равной степени и немецким и русским языками. При этом русские жители региона не владеют немецким языком и не стремятся к этому, поэтому можно говорить об одностороннем двуязычии. Естественный характер двуязычия немецкого населения обусловлен, с одной

стороны, их постоянными контактами с русским языком в процессе совместной деятельности и, с другой, стремлением сохранить родной немецкий язык как средство общения. Следует отметить также субординативный характер этой формы двуязычия, т. е. порождение смешанных высказываний, что связано с тем, что российские немцы используют в зависимости от конкретной языковой ситуации попеременно либо свой диалект, либо русский язык. Кодовые переключения следует поэтому считать характерологическим признаком речи этой возрастной группы немцев рассматриваемого региона.

Для представителей средней и младшей возрастных групп населения (30—40 и 20—30 лет соответственно) характерно пассивно-активное немецко-русское двуязычие с тенденцией к активному русскому моноязычию. Это свидетельствует о том, что общение в молодежной среде все реже предполагает необходимость обращения к немецкому языку за пределами семьи, состоящей, как правило, из трех поколений.

Анализ причин, по которым этнические немцы Кировской области прибегают к использованию немецкого языка в тех или иных коммуникативных ситуациях, позволил установить ряд факторов, влияющих на этот выбор. Наиболее частотными оказались возраст и образование: представители старшего поколения посещали в детстве и юности немецкие национальные школы в местах компактного проживания до переселения и сохраняют свои родные диалекты, пользуются ими в повседневном общении. Следующим по частотности фактором стали семейные обстоятельства: в моноэтнических немецких семьях диалект сохраняется в большей мере, в смешанных браках предпочтение отдается русскому языку. Для старшего поколения определенную роль играет гендерная принадлежность: женщины чаще отдают предпочтение немецкому языку; у молодежи это обстоятельство отмечается лишь в единичных случаях.

Таким образом, рассмотрение специфики функционирования немецкого языка в Вятском регионе показало его принадлежность к билингвальному комплексу. Это значит, что структура речи местных жителей, «вятских немцев», — реализация динамической системы, находящейся в постоянном взаимодействии двух и даже трех систем одного или двух немецких диалектов и русского языка, служит источником варьирования в речи. Механизм этого варьирования представлен различного рода кодовыми переключениями. Все это, однако, еще не дает ответа на вопрос, являются ли немецкие языковые вариации в Вятском регионе самодостаточными диалектами, образующими соответствующий диалектный остров, или же это остатки языковых форм, потерявших связь с исторической основой и мало или вообще не сопротивлявшихся иноязычному давлению.

Процессы вымирания языков наблюдаются в самых разных регионах на нашей планете. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к Атласу языков, находящихся под угрозой исчезновения (*Atlas of the world's languages in danger*), подготовленному и опубликованному при поддержке правительства Норвегии под эгидой ЮНЕСКО [Moseley 2010]. Этот атлас содержит информацию о 2500 языках, находящихся под такой угрозой, из которых 230 уже исчезли за последние 50 лет. По заданию ЮНЕСКО в 2002—2003 гг. были разработаны девять критериев для оценки жизнеспособности языков. Оценка по каждому из критериев определяется выраженностью того или иного фактора в диапазоне от 0 (*extinct*) до 5 (*safe*).

Недостаток этой системы оценки заключается в том, что не все параметры могут быть формализованы и описаны количественно, поэтому за каждым фактором жизнеспособности скрывается не столько количественная, сколько качественная описательная оценка, в соответствии с которой можно говорить только о тенденции, а не о ее количественном выражении. Тем не менее эти критерии оценки показали свою эффективность на материале описания сотен языков мира и поэтому были использованы в качестве методологической основы для оценки жизнеспособности языка немецкого национального меньшинства в Вятском регионе России. Ниже приводятся результаты анализа языковой ситуации в Вятском регионе на основе данных критериев.

1. Первым фактором оценки жизнеспособности языка является возможность его передачи от одного поколения к другому. Немецкий язык в Вятском регионе уже не используется

в семьях всеми поколениями и не осваивается всеми детьми как родной язык — его используют в основном представители старшего поколения (бабушки и дедушки), родители часто понимают язык, но редко пользуются им для общения. Все это соответствует уровням 3–/2+ реализации данного фактора, т. е. *definitively* или *severely endangered* (определенная, серьезная угроза исчезновения).

2. Абсолютное число говорящих на языке. Этот фактор трудно поддается однозначной интерпретации. В случае с языком российских немцев наблюдается резкое сокращение его носителей за относительно короткое время. С исторической точки зрения все произошло одновременно в 90-е гг. прошлого столетия. Для оценки этого фактора были взяты данные переписи населения в конце 80-х гг. перед началом массового переселения немцев в Германию. В целом во всех республиках СССР проживали в тот период свыше 2 000 000 этнических немцев. По данным специального демографического исследования эмиграция немецкого населения составила к 2000 г. почти 80% [Савоскуп 2006]. Примерно такая же ситуация наблюдается и в немецких поселениях Вятки: из 6700 человек в 1951 г. осталось к настоящему времени около 1400, т. е. сокращение составило также 80%. В 50-е гг. прошлого столетия доля немецкого населения составляла 0,35% от общего населения Кировской области, а сейчас — чуть больше 0,1%. В отдельных немецких поселках Кировской области проживают всего по 100—200 человек. Все это свидетельствует о резком снижении жизнеспособности языка, которую можно оценить близкой к уровню 1 — *critically endangered* (критическая угроза исчезновения).

3. Доля активно владеющих немецким языком в составе общей группы национального немецкого меньшинства региона — еще один важный фактор жизнеспособности языка. Точные данные по этому параметру получить очень сложно, поскольку исследователи могут отгаливкаться только от заявлений опрошенных без возможности их перепроверки. Тем не менее с учетом того, что в опросах указывается, что дети активно владеют немецким языком только в единичных случаях и что на немецком языке к ним обращаются преимущественно даже не родители, а бабушки и дедушки, этот параметр вряд ли можно оценить выше 1 или 2: очень мало говорящих или меньшинство, т. е. уровень жизнеспособности близок к критической или серьезной угрозе.

4. Сферы использования и функциональные возможности языка также составляют значимый фактор жизнеспособности языка. Параметры этого фактора распределяются от возможности универсального использования и мультилингвального паритета до ограниченного использования и полного исчезновения. Ситуация в немецких языковых островах характеризуется нередко как би- или мультилингвальная. Однако билингвизм Вятского языкового острова характеризуется не паритетом, а отчетливым доминированием русского языка. Немецкий язык предстает слабым партнером в этой паре языков, поскольку сфера его функционирования не выходит за пределы семьи и близкого круга друзей. Во всех других ситуациях общения требуется русский язык. Таким образом, данный фактор жизнеспособности немецкого языка в Вятском регионе можно оценить на уровне 1 (очень сильное ограничение сфер употребления и функций) или 2– (ограниченное использование в отдельных функциях).

5. В качестве критерия, свидетельствующего об адаптации языка к развитию социума, рассматривается фактор его использования в СМИ и новых сферах общения (Интернет, смс и проч.), соответствующих требованиям времени. Поскольку немецкий язык в рассматриваемом регионе используется преимущественно старшим поколением, то его участие в общении в новых сферах коммуникации и СМИ можно оценить в лучшем случае как минимальное (1) или даже нулевое (0 — *inactive*).

6. Существенным фактором в оценке жизнеспособности языка считается наличие письменности и письменных материалов. Возможность письменной коммуникации была у российских немцев только до Второй мировой войны, особенно в Поволжье, где имелись не только школы, но и вузы с преподаванием на немецком языке. В наши дни в Кировской области эта возможность отсутствует. Положительное значение имеют различного рода курсы, в том числе организованные с помощью немецких организаций и фондов. Их число,

однако, не столь значительно, чтобы можно было говорить о существенном воздействии на общую ситуацию. Навыками стандартной орфографии, как показывают записи ответов на анкеты, владеют единицы опрошенных; литературные произведения на немецком языке здесь не создавались и не публиковались. Все это позволяет определить степень наличия этого фактора на уровне 2: письменность на языке известна, но письменные материалы, тексты и документы используются лишь эпизодически.

7. Положительное значение для выживания языка имеет государственная поддержка. Она была существенной в довоенное время, но фактически прекратилась с началом войны. Сейчас вряд ли можно говорить о каких-либо серьезных государственных программах поддержки немецкого языка в регионе. Тем не менее имеются возможности для развития традиционных форм национальной культуры и творчества. Статусом государственного языка в регионе, однако, обладает только русский, что ведет к ускоренной ассимиляции немецкого языка, и значение этого параметра вряд ли можно оценить выше единицы.

8. Фактор отношения носителей к немецкому языку в регионе выражен неоднозначно. С одной стороны, он характеризуется предпочтительным использованием у старшего поколения, с другой, родной язык присутствует в определенной степени в общении между представителями различных поколений в моноэтнических немецких семьях. Положительное воздействие на отношение к немецкому языку оказала появившаяся с начала 90-х гг. возможность не только выехать в Германию, но и совершать туда обычные поездки к родственникам и знакомым (а также ставшие возможными визиты родственников и знакомых из Германии в Кировскую область). Все это оживило ситуацию с использованием языка и, соответственно, повысило заинтересованность в овладении им. Это позволяет рассматривать данный фактор как некритически опасный для существования языка (3). Отношение немецкого социума к своему языку характеризуется тем, что достаточно многие его носители признают необходимость поддержки его существования, но многие, в то же время, индифферентны к этой проблеме.

9. Фактор качества лингвистического материала на и о языке лишь отчасти приложим к немецкому языку Вятского региона. Такие материалы издаются преимущественно в Германии и доступны всем желающим. Это могло бы позволить определить уровень данного фактора как безопасный (5), если бы не было нейтрализовано описанными выше факторами. Данный критерий ЮНЕСКО имеет значение прежде всего для языков малых народов, проживающих на своей исторической территории в постоянном соседстве с другими, нередко доминирующими языками. Для немецкого языкового острова в Вятском регионе в силу истории его формирования в XX в. этот признак следует признать irrelevantным.

Таким образом, анализ факторов, свидетельствующих о безопасности или угрозе существованию немецкого языка в Вятском регионе, показал, что большинство их находится в зоне серьезной угрозы с тенденцией к смещению в сторону критической опасности. Исчезновение языка из речевой практики ослабляет систему языка и открывает ее для проникновения иносистемных единиц контактирующего сильного языка, в связи с чем возникает вопрос: является ли новое состояние языка результатом разрушения его системы, ведущей к его исчезновению, или же немецкий язык в Вятском регионе России еще сохраняет самодостаточную систему, но с большим числом кодовых переключений, заимствований и других форм смешения с русским языком, характерных для диглоссии.

4. Диглоссия и кодовые переключения в немецком языке Вятского региона

Диглоссия рассматривается обычно как сосуществование двух диасистем в сознании говорящих. Это могут быть идиомы, характерные для гетерогенных обществ — языки или диалекты, которые в силу исторических причин достаточно длительное время используются различными этносами. Этим естественная диглоссия отличается от владения двумя языками в результате изучения одного из них как иностранного. Вопросы диглоссии

регулярно попадают в центр внимания лингвистических исследований, как правило, в связи с изучением этно- и лингвополитических сдвигов в социумах. Современная эпоха выдвигает на первый план вопросы сосуществования, переплетения и развития языков в новых условиях. Об этом свидетельствует появление фундаментальных исследований на огромном количестве эмпирического материала самых различных языков, в том числе и новых (пре)пиджин и креолизированных систем коммуникации, которые оформились в направление, получившее обозначение *Ideolinguistics*, см. о нем, например, [Reutner 2005].

Немецкий язык в дореволюционной России, а затем и в СССР не развивался, в отличие от классических контактных языков, в сторону формирования на базе окружающего языка так называемого смешанного или креолизованного языка, который взял бы на себя все или почти все функции общения, а приспособлялся к функционированию в рамках постоянно сужающихся сфер общения в зависимости от внешних социально-политических условий. Исходя из этого, можно выдвинуть **гипотезу** о том, что, во-первых, немецкий язык в Вятском регионе все еще сохраняет статус самодостаточного языка в системе немецко-русской диглоссии и, во-вторых, межсистемные смешения и переключения остаются на уровне диалектов, тогда как между диалектными и наддиалектными формами немецкого языка они отсутствуют.

Речевая деятельность билингвов характеризуется обычно наличием кодовых переключений (*code switches*), под которыми понимают переходы говорящих в процессе билингвального общения с использования средств одного языка на другой. Это, однако, не означает последовательной смены одного языка другим, как, например, в процессе перевода, — в отличие от переводчика билингв не планирует точку перехода. Переход с одного языка на другой, как показывают экспериментальные исследования на материале различных языков, осуществляется автоматически, см., например, [Macnamara, Kushnir 1971: 486]. Тем не менее точки этих переходов не носят случайного характера. Они совпадают, как правило, с точками естественных «переломов» (*breaking points*), допускаемых синтаксическими и морфологическими нормами исходной системы [Appel, Muysken 2005: 81].

Необходимо различать два основных вида переключений: переключения внутри одного языкового уровня и переключения в процессе многоязычной коммуникации с кода одного языка на код другого. В качестве примера первого типа кодовых переключений можно рассмотреть переключения на фонетическом уровне в немецком языке Вятского диалектного острова.

Немецкие диалекты Вятского региона принадлежат генеалогически к двум максимально противопоставленным диалектным ареалам — ниже- и верхненемецкому, в которых в результате отрыва от основного этнического массива сформировался целый ряд фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей, обусловленных внутренними законами их развития. Вместе с тем, структура этих диалектов долгое время подвергалась и продолжает подвергаться воздействию со стороны русского языка, что приводит к интенсивным процессам их выравнивания и унификации.

Изучение сегментного фонологического уровня позволило установить 20 гласных звуко-типов, присутствующих во всех исследуемых диалектах региона, 15 из которых образуют дистинктивные оппозиции. В них не были обнаружены фонемы, характерные только для одной группы диалектов и отсутствующие в другой. Другими словами, искусственное смешение диалектов привело за несколько десятилетий к формированию общей или промежуточной фонологической системы. Эта система включает в себя оппозиции по следующим дистинктивным признакам, совпадающим с дистинктивными признаками стандартной системы немецкого языка [Бухаров 1995]:

- i. **ряд:** передний /i:, i, e:, e, ě:, ε:, ε/, средний /a:, a, ā:/ и задний /o:, ə, ð:, u:, u/;
- ii. **подъем:** высокий /i:, i, u:, u/, средний /e:, e, ě:, ε:, ε, o:, ə, ð:/ и низкий /a:, a, ā:/;
- iii. **степень раствора:** открытые /a, a:, ā:, ε:, ε, i, ə, u/ и закрытые /i:, e:, e, ě:, o:, ð:, u:/.

Отличие смешанной фонологической системы рассматриваемых островных диалектов от стандартной заключается в отсутствии в ней противопоставления лабиализованных

и нелабиализованных гласных переднего ряда типа /i ~ u/ и появлении оппозиции по признаку **назализации** как фонологического свойства, а не произносительной специфики. Этот признак установлен у трех реализаций: /ã:, ê:, ô:/. Источником этой оппозиции могут быть южнонемецкие диалекты, например, баварский или швабский, где назализация широко распространена.

Особый функциональный статус в смешанных диалектах получает оппозиция по длительности. В стандарте современного немецкого языка этот признак считается релевантным только для двух оппозиций открытых гласных: /a: ~ a/ и /ε: ~ ε/. Во всех остальных случаях он избыточен, поскольку все остальные пары гласных фонем различаются качественно. В смешанных диалектах Вятского региона отмечено наличие противопоставления по этому признаку и у пары закрытых гласных /e: ~ e/. Подобное противопоставление наблюдается в южнонемецком регионе Германии, в Австрии и Швейцарии, где противопоставление открытых и закрытых гласных группы [e] включает в себя до шести единиц. Процессу расширения состава фонологических оппозиций гласных переднего ряда среднего подъема может способствовать и наблюдающаяся в северных нижнемецких диалектах реализация открытого /ε:, ε/ как [e], например, в словах типа *Mädchen* 'девочка'. Детальному описанию фонетического варьирования реализации фонологических оппозиций немецкого языка в различных регионах его распространения посвящена работа В. М. Бухарова [1995]. Таким образом, фонетические процессы в разнородных по своему происхождению диалектах при их сосуществовании в рамках языкового острова на начальном этапе их контактирования представляют собой кодовые переключения, т. е. регулярные включения фонем одного диалекта в систему другого. Однако в силу тесного сосуществования разносистемных диалектов на относительно небольшой территории результатом таких переключений становится появление в них новых оппозиций, общих для разных диалектов.

Подсистема дифтонгов представлена в диалектах региона 13 единицами в отличие от трех в стандарте. В исследуемом материале было установлено девять ротовых /iə, uə, ui, əa, əi, əu, oi, ou, ai/ и четыре назализованных дифтонга /eã, ôi, ôu, âi/. Все эти дифтонги, как и в стандарте, монофонемны, что проявляется в их акустической структуре, типичной для дифтонгов длительности, моносиллабичности, отсутствии сильного приступа у второго компонента и невозможностью морфемных швов между компонентами. Все дифтонги кроме /ai/ соответствуют разным диалектным вариантам, корни которых лежат в средненемецком периоде, т. е. в XIV — XVI вв., и не прошли изменений, характерных для более позднего периода. Варианты подобной реализации дифтонгов можно наблюдать и в некоторых современных немецких диалектах в основном ареале, однако в языковом острове они сохранились фактически без изменения, см., например, [Бухаров 1991].

Различия в системах согласных в рассматриваемых диалектах связаны в основном с характером реализации в них второго передвижения согласных. Отклонения от правил передвижения носят эпизодический характер. О смешанном характере диалектов свидетельствует преимущественно соседство таких фонетических процессов, как нижнемецкая спирантизация интервокальных взрывных согласных [b > v (w), g > j, g > x, ç] и южнонемецкий тип реализации консонантных кластеров *sp, schl, rch* и др.

Таким образом, в рассматриваемых диалектах, с одной стороны, выявлена тенденция к объединению фонологических систем и выравниванию фонологических оппозиций и, с другой, установлены общие и различительные признаки реализации звуковых типов, участвующих в кодовых переключениях, которые свидетельствуют о том, что языковые системы диалектов сохраняют определенную устойчивость, несмотря на продолжительные контакты друг с другом. Однако уход от диахронической праосновы ведет к взаимонаправленным проникновениям фонологических систем и становлению смешанного характера рассматриваемых диалектов на сегментном уровне.

Кодовые переключения второго типа — это полный переход с реализации одной системы языковых средств на другую на всех ее уровнях в процессе коммуникативного акта. В реальной коммуникации такие переключения наблюдаются достаточно редко, поскольку

они зависят от целого ряда обстоятельств. Прежде всего, это связано с уровнем коммуникативной компетенции на родном (сильном) языке и неродном (слабом) языке окружения. Понятия «сильного» и «слабого» языка при этом весьма относительны. Длительное проживание в чужом языковом окружении и связанное с этим ограничение функциональных возможностей родного языка приводит к тому, что в нем появляются иносистемные элементы, некоторые из которых даже адаптируются системой принявшего их языка. При этом встает вопрос, как отделить кодовое переключение от других сопровождающих его явлений межязыкового взаимодействия.

Момент переключения — это точка в речевой цепи, в которой код одного языка заменяется другим, и высказывание делится на кодовые блоки. Блоки характеризуются наличием в них нормативных реализаций большинства системных единиц всех уровней. Анализ протоколов записей информантов, полученных в Вятском регионе, показал, что место точки переключения кодов зависит от речевой ситуации и тематики коммуникации. Кодовые переключения осуществляются как внутри синтаксических конструкций, так и на фразовых границах. Количество кодовых переключений внутри высказывания может быть различным и зависит от темы общения и коммуникантов. Однако внутри почти каждого блока наблюдаются кодовые сбои и смешения. Под сбоем понимается прерванная попытка начала нового перехода на другой язык, в результате которой говорящий возвращается к исходному коду. Кроме кодовых сбоев наблюдаются кодовые смешения в виде межязыковых фонетических, лексических и грамматических замен. Эти замены могут носить характер заимствований и уподоблений единиц одного кода другому.

Рассмотрим пример монологического высказывания информанта — женщины-немки, проживающей в одном из поселков Кировской области. Она рассказывает о событиях начала 40-х гг. прошлого века, в которых ей пришлось участвовать. Ее детство прошло в довоенное время, когда немецкий язык в местах компактного проживания его носителей был полифункциональным средством общения. Информант рассказывает о начале депортации в Вятский регион¹; полный протокол записи см. в [Байкова, Оношко 2013: 59—60].

<#CS0_r> ...Ну, потом, к вечеру все равно, мы к... ближе, ну как к *¹ линия опять, [1] kamen dicht an die *² линия, haben gestand... und Zug lange, всё *³ военный Technik. И мы близко и просили *⁴ им, ну, нас не обидели, я не могу сказать. Это солдаты и нас посадили. Ну, мы spr... мы гово... им просили: он следоват до нашей *⁵ станция, или нет. Они сказали: да. <CS1_d> *⁶ Haben wir aufgesetzt und in *⁷ Nacht kamen wir *⁸ zu Hause. Und wir waren drei Tage zu Hause. Nachdem dann sie uns g... gegeben... [2] вот, высылать, высылать. Потом мы оттуда, ну, что, genehm... genommen haben, was man dran konnte, und dann haben wir bis *⁹ станция eingefahren. Und dort hat man uns eingeladen diese *¹⁰ Waggone, wo... <CS2_r> набито, набито было. Ну, э... по-русски, телячи *¹¹ вагона. Поняла? И там я... э... <CS3_d> fahr... sind wir gefahren *¹² ein Monat nach *¹³ Караганду, und dort haben die *¹⁴ э... быки gestanden an *¹⁵ d... станция. [Интервьюер: Ochsen?]. Osen [смеётся]. *¹⁶ Und haben sie uns gefahren [3] no дерев... дерев(н)ям. Ну, мы waren weit nach Karaganda. [4] Ну вот, а тамма... gelebt *¹⁷ etwas bis dreiundvierzig. Und dann haben sie uns wiedergenommen, und von dort sind wir geschickt hierher. So leben *¹⁸ мы hier... <#CSF>

В рассматриваемом примере зафиксированы три точки переключения кода и, соответственно, четыре блока. Блок <#CS0_r-CS1_d> открывает высказывание женщины, адресованное русскому интервьюеру-женщине, хорошо владеющей немецким языком. Для высказывания такого рода характерно использование русского кода в его начальной части, поскольку он открывает разговор с малознакомым русскоговорящим человеком, даже если тот владеет немецким языком. Точка перехода к немецкому коду совпадает с границами

¹ В транскрипции текста приняты следующие обозначения: <CSn_l> точка переключения кодов (code switch), ее номер и доминирующий языковой код (l): r — russisch (русский), d — deutsch (немецкий); [n] — точка сбоя в переключении и ее номер; <#CS0> — начало текста и <#CSF> — конец. Для обозначения элементов кодовых смешений используются надстрочные символы типа: *ⁿмы.

двух фраз, однако это не означает, что синтаксис играет определяющую роль в вопросе переключения. Более того, две последующие точки перехода свидетельствуют о том, что синтаксис если и имеет значение для места кодового переключения, то оно в лучшем случае факультативно. Решающую роль в смене кода играет тематическая прогрессия, то есть переключение кода носит когнитивный характер.

Блок <#CS0_r> содержит описание ситуации на железнодорожной станции, в центре которой общение с русскими солдатами. Завершение этой темы и переход к ситуации, связанной только с немецкими соотечественниками, сопровождается переходом на немецкий код в блоке <CS1_d>. Далее происходит переход на русский язык <CS2_r>: в середине фразы после союза *wo* следует пауза [...] и затем несколько русских фраз, которые можно объяснить появлением реалии, для которой нет эквивалента в немецком языке — *телячьи вагоны*. Точка возвращения к немецкому языку <CS3_d> также находится в середине фразы, поскольку потребность в русском языке для использования соответствующей русской реалии отпала. Этому переходу вновь соответствует пауза, отображенная в транскрипции.

Таким образом, точки перехода с одного кода на другой не соотносятся с синтаксическим строем высказывания на том или ином языке, но являются отражением когнитивного процесса порождения высказывания и связаны скорее со сменой выражаемых в речи концептов, а не с синтаксической структурой. Можно поэтому предположить, что речь билингов проходит через двойное кодирование и содержит на выходе следы взаимодействия кодов, степень проявления которых зависит от степени владения обоими языками.

Фонетическое кодирование подтверждают довольно часто встречающиеся кодовые сбои, свидетельствующие о том, что в процессе порождения высказывания на каком-либо коде возникают моменты, когда говорящий, выбирая между единицами одного кода, отдает предпочтение другому, но сразу же возвращается к прежнему. Причины сбоев могут быть разными, например, неуверенность в продолжении и повторение сказанного на другом языке: *мы к... ближе, ну как к линия опять*, [1] *kamen dicht an die линия...* В рассматриваемом примере это единственный сбой с русского кода на немецкий. Типичны сбои с немецкого на русский вследствие неоднозначности выбора продолжения [2, 3]. Начало подобных сбоев на русский код сопровождается, как правило, русскими оборотами типа *вот, ну, ну вот* [2, 4] и т. п.

Двойное кодирование отражается и в виде смешения фонетических, грамматических и лексических единиц. В рассматриваемом примере отмечено 18 таких случаев. В первую очередь, это связано с близкими по значению и сходными по звучанию в разных языках словами, например: *линия* (1, 2), *станция* (5, 9, 15). Они употребляются в русском тексте во всех случаях без падежных окончаний, как соответствующие немецкие существительные женского рода: *Linie*, *Station*. Немецкое слово *Technik* (3) заменило русское *техника*, сменив при этом грамматический род с женского на мужской, поскольку для русского языка не характерно отсутствие гласного окончания *-a* у существительных женского рода.

К числу кодовых смешений относятся такие грамматические отклонения в немецком языке, как отсутствие артикля у существительных, например, *...in Nacht kamen wir...* (7) или порядок слов: *Haben wir aufgesetzt...* (6), *Und haben sie uns gefahren...* (16); смешение именительного и винительного падежей (12). На лексическом уровне смешения проявляются как в использовании русских слов в немецком высказывании, так и в калькировании моделей словосочетания. Например, информант использует русские географические названия, сохраняя их грамматическую форму: *nach Караганду* (13) или включает в немецкий текст русские личные местоимения: *So leben мы hier* (18). В качестве примера лексического калькирования можно привести словосочетание *etwas bis dreiundvierzig* (17) ‘примерно до сорок третьего’ (вместо немецкого *bis etwa dreiundvirzig*).

Анализ аудиофонда позволил расширить перечень кодовых смешений, сопровождающих включение русских слов в немецкий язык в Вятском регионе. Наиболее частотными смешениями в фонетической области являются:

- i. количественная редукция конечных безударных слогов по немецкой модели в заимствованных русских словах: *kontor* ‘контора’;
- ii. заимствование оппозиции «сильный (fortis) ~ слабый (lenis)» и замена ею русского противопоставления «глухой ~ звонкий»: фортисное произнесение с оглушением звонких согласных в заимствованных русских словах: *torokā* ‘дорога’; ослабление с озвончением согласного [s] в середине слова: *kazilka* ‘косилка’, *peŋzi:a* ‘пенсия’, *pəzilka* ‘посылка’;
- iii. замена аффрикаты /tʃ/ в начале слова на щелевой согласный /ʃ/: *ʃəmədoun* ‘чемодан’, *ʃənək* ‘чайник’;
- iv. появление согласного [j] между гласными немецкого бифонемного сочетания /io/ как результат регионального фонетического процесса русского языка: *ʃpijone* ‘шпионы’;
- v. нейтрализация оппозиции палатализации согласного /l ~ lʲ/: *tolka* ‘только’, *polnitsa* ‘больница’, *bolšā* ‘больше’.

Кодовые смешения на морфологическом уровне:

- i. появление у заимствованных в немецком языке русских существительных артиклей в соответствии с грамматическим родом заимствованного русского слова: *dr prədsəta:təl* ‘председатель (м. р.)’, *tə bā:nja* ‘баня (ж. р.)’;
- ii. оформление множественного числа имен существительных по аналогии с немецкими соответствиями. Например, суффикс -n: в словах типа *tə ˈpartia* ‘партия’ — *tə ˈpartian* ‘партии’, ср. нем. *die Partei* — *die Parteien*;
- iii. оформление инфинитива и причастия русских глаголов по немецкой модели: *gəlaɪən* ‘гулять’, ср. нем. *spazieren*, *gəmutʃt* ‘замучен’, ср. нем. *ermordet*.

Наиболее частотные кодовые смешения в синтаксисе:

- i. проникновение в немецкий язык свободного — русского — порядка слов: *viə ˈhā:m ghairət ən sozamskom* ‘мы поженились в Созимском’, *iç ha:bə ˈg(ə)arbəit ən batri:b krənofʃəkom* ‘я работала на заводе крановщиком’;
- ii. нарушение рамочной конструкции в предложениях со сложным сказуемым: *iç ben gbo:ra ˈn ja:r nuintsəhondrfinfontsvantsəç* ‘я родилась в 1925 году’;
- iii. элиминация двусоставности немецких предложений за счет выпадения глагола-связки: *fve:r tsəidə* ‘тяжелые времена’, ср. нем. *Es sind schwere Zeiten*;
- iv. высокая частотность синтаксической редупликации: *vər hā:m ɪmr jərvət, jərvət, jərvət* ‘мы постоянно работали, работали, работали’, которая встречается в немецком языке в аналогичных ситуациях значительно реже;
- v. полиотрицание: *ich war ne ni dort* ‘я не был(а) там никогда’, ср. нем. *Ich war dort nie*.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что следствием принудительного переселения российских немцев в Вятский регион стало формирование нового немецкого диалектного острова, характерной особенностью которого является двойное членение языкового материала, определяемое, с одной стороны, наложением друг на друга разносистемных диалектов, сопровождаемых снижением функциональной нагрузки и сужением сфер применения и, с другой, усилением интерферирующего воздействия русского языка. Результатом этих процессов стало значительное увеличение кодовых переключений, их сбоев и смешений как в рамках отдельных уровней языка, так и в коммуникации в целом, которые привели к заметным сдвигам на всех уровнях языковой структуры. Это позволяет говорить о появлении признаков формирования промежуточной системы — *interlanguage*, не совпадающей ни с родным немецким, ни с неродным русским языком, выполняющей в сознании билингва адаптивную функцию и означает возможность его креолизации. Однако то обстоятельство, что в последние годы происходят большие изменения

в социокультурном ландшафте страны, в том числе и в регионах проживания этнических немцев, этот вывод требует дополнительных социолингвистических исследований с привлечением корпусных технологий.

5. Заключительные замечания

Выявленные языковые особенности в речи представителей немецкого «языкового острова» в Вятском регионе и их систематизация свидетельствуют об особом статусе этой этноязыковой группы. Российские немцы рассматриваемого региона образовали новое языковое сообщество с уникальной субструктурой, не имеющей аналогов как на исторической родине, так и среди других немецких языковых островов: это сообщество прошло специфический путь развития, обусловленный особыми социальными и языковыми условиями. Уникальность языка исследуемого немецкого этнического меньшинства характеризуется, прежде всего, смешением разнородных диалектов в иноязычном окружении. Таким образом, язык российских немцев Вятского региона представляет собой итог формирования специфического регионального варианта немецкого языка, отличающегося от других немецких островных диалектов и исконных диалектов Германии многократным принудительным смешением при интенсивном воздействии со стороны русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Архив РАН — Архив СПб отделения РАН. Фонд 1001. Опись 1. Ед. хр. 38. [*Arkhiv Sankt-Peterburgskogo otdeleniya RAN* [Records of the St. Petersburg department of the Russian Academy of Sciences]. Fund 1001. Inventory 1. Item 38.]
- Байкова 2008 — Байкова О. В. Современное состояние немецких говоров Кировской области и особенности их системы вокализма. Киров: Изд-во ВятГУ, 2008. [Baikova O. V. *Sovremennoe sostoyanie nemetskikh govorov Kirovskoi oblasti i osobennosti ikh sistemy vokalizma* [The current status of German dialects in the Kirov region and the characteristics of their vowel system]. Kirov: Vyatka State Univ. for the Humanities Publ., 2008.]
- Байкова 2009 — Байкова О. В. Немецкие островные диалекты в условиях языковой интерференции. Киров: Изд-во ВятГУ, 2009. [Baikova O. V. *Nemetskie ostrovnyye dialekty v usloviyakh yazykovoi interferentsii* [German insular dialects under the conditions of language interference]. Kirov: Vyatka State Univ. for the Humanities Publ., 2009.]
- Байкова, Оношко 2013 — Байкова О. В., Оношко В. Н. Речь российских немцев Кировской области. (Звучащая хрестоматия, 15.) СПб: Бохум, 2013. [Baikova O. V., Onoshko V. N. *Rech' rossiiskikh nemtsev Kirovskoi oblasti. (Zvuchashchaya khrestomatiya, 15.)* [Speech of the Russian Germans of the Vyatka region (Audio reader)]. St. Petersburg: Bochum, 2013.]
- Бухаров 1991 — Бухаров В. М. Роль диалектов в истории становления произносительных норм германских языков // Проблемы истории индоевропейских языков. Тверь: Изд-во ТГУ, 1991. Т. 1. С. 165—168. [Bukharov V. M. The role of dialects in the formation of pronunciation norms in the Germanic languages. *Problemy istorii indoevropskikh yazykov*. Tver': Tver' State Univ. Publ., 1991. Vol. 1. Pp. 165—168.]
- Бухаров 1995 — Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. [Bukharov V. M. *Varianty norm proiznosheniya sovremennoego nemetskogo literaturnogo yazyka* [Variants of the Modern Standard German pronunciation norms]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Univ. Publ., 1995.]
- ГАСПИ КО — Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Фонд 1290. Опись 70. [*Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii Kirovskoi oblasti* [State records of the social and political history of the Kirov region]. Fund 1290. Inventory 70.]
- Жирмунский 1976 — Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. [Zhirmunsky V. M. *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and Germanic linguistics]. Leningrad: Nauka, 1976.]
- Москалюк 2000 — Москалюк Л. И. Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. [Moskalyuk L. I. *Sotsiolingvisticheskie aspekty rechevogo povedeniya rossiiskikh nemtsev v usloviyakh bilingvizma* [Sociolinguistic aspects

- of speech behavior of the Russian Germans in the situation of bilingualism]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical Univ. Publ., 2000.]
- Москалюк 2014 — Москалюк Л. И. Немецкие «языковые острова» в Алтайском крае // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 55—66. [Moskaljuk L. I. German «language islands» in Altai Krai. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 3. Pp. 55—66.]
- Савоскуп 2006 — Савоскуп М. С. Российские немцы в Германии // Демоскоп Weekly. 2006. № 243—244. Доступен по адресу: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php> [Savoskup M. S. The Russian Germans in Germany. *Demoskop Weekly*. 2006. No. 243—244. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit03.php>]
- Смирницкая, Баротов 1997 — Смирницкая С. В., Баротов Н. А. Немецкие говоры Северного Таджикистана. СПб: Изд-во РАН, 1997. [Smirnitskaya S. V., Barotov N. A. *Nemetskie govory Severnogo Tadjikistana* [German dialects of Northern Tadjikistan]. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences Publ., 1997.]
- Appel, Muysken 2005 — Appel R., Muysken P. *Language contact and bilingualism*. Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2005.
- DiWA — Digitaler Wenker-Atlas (Elektronische Ressource). Available online at: <http://www.diwa.info>
- Macnamara, Kushnir 1971 — Macnamara J., Kushnir S. L. Linguistic independence of bilinguals: The input switch. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1971. Vol. 10. No. 5. Pp. 480—487.
- Moseley 2010 — Moseley C. (ed.). 2010. *Atlas of the world's languages in danger*. 3rd edn. Paris: UNESCO Publishing. Available online at: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas>
- Reutner 2005 — Reutner U. *Sprache und Identität einer postkolonialen Gesellschaft im Zeitalter der Globalisierung*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2005.

Статья поступила в редакцию 20.01.2015.

*ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ / HERITAGE***К СТОЛЕТИЮ ПУБЛИКАЦИИ
«КУРСА ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКИ»
ФЕРДИНАНДА ДЕ СОССЮРА****© 2016 г. Валерий Георгиевич Кузнецов**

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, 119034, Российская Федерация
vgk.avamo@mail.ru

В статье обсуждается история создания «Курса общей лингвистики», вклад Ш. Балли и А. Сеше в подготовку лекций Соссюра к печати и их активная популяризаторская деятельность, приводятся малоизвестные сведения. В результате изучения творческого наследия Соссюра сформировалось и получило развитие особое направление исследований — соссиурология, достижением которой стало изменение стереотипного восприятия основных положений учения Соссюра, сложившегося на основе канонического текста «Курса общей лингвистики». Рассматривается ближняя и дальняя филиация идей Соссюра, его воздействие на развитие современной лингвистики.

Ключевые слова: Женевская школа, кружок Ф. де Соссюра, произвольный знак, синхрония и диахрония, соссиурология, структурализм, Французская социологическая лингвистика, язык и речь

**THE CENTENARY OF FERDINAND DE SAUSSURE'S
«COURS DE LINGUISTIQUE GÉNÉRALE»****Valeriy G. Kuznetsov**

Moscow State Linguistic University, Moscow, 119034, Russian Federation
vgk.avamo@mail.ru

The paper discusses the making of «Cours de linguistique générale», the role Charles Bally and Albert Sechehaye played in the preparation of Saussure's lectures for print and the effort they took to make Saussure's theory popular. Some previously unknown facts are presented. Further study of Saussure's heritage, which was continued in the framework of saussurology, was aimed at altering the stereotyped perception of Saussure's teaching. Immediate affiliations as well as more distant tendencies in the influence of Saussure's ideas on the development of modern linguistics are examined.

Keywords: arbitrariness of language sign, Circle of Ferdinand de Saussure, French Sociological Linguistics, Geneva School, langue and parole, saussurology, structuralism, synchrony and diachrony

**Из истории создания и популяризации
«Курса общей лингвистики»**

В 2016 г. исполняется ровно 100 лет со времени публикации научного труда удивительной и неповторимой судьбы. Стимулом для разработки Соссюром общей лингвистики стало критическое отношение к современной ему теоретической лингвистике, которая замыкалась главным образом в рамках сравнительно-исторического языкознания. К тому же ряд

положений теории языка выдвигался современными Соссюру лингвистами, в частности И. А. Бодуэном де Куртенэ, с которым он был знаком и состоял в переписке. Соссюр, в течение всей своей жизни занимавшийся преимущественно индоевропеистикой и достигший в этой области блестящих результатов, а также хорошо знакомый с гуманитарными науками своего времени, очевидно, осознавал необходимость разработки общего языкознания на принципиально иных принципах. Пожалуй, единственное теоретическое положение, перенесенное им из его индоевропейских исследований — понятие системности языковых элементов. Более того, он положил этот принцип в основу взаимосвязанности дихотомий, составляющих сущность его теории языка.

Перед издателями «Курса» — ближайшими учениками и последователями Соссюра Шарлем Балли и Альбером Сеше — стояла непростая задача: воссоздать на основе несовершенных студенческих конспектов положения новаторской научной теории учителя и, что самое сложное, представить их в системном виде. Положение осложнялось еще и тем, что ни А. Сеше, ни Ш. Балли не посещали лекции Соссюра по общей лингвистике, прочитанные им в 1907—11 гг. В предисловии к первому изданию «Курса» они писали: «Профессиональные обязанности в свое время почти полностью помешали нам присутствовать лично на этих лекциях» [Соссюр 1977: 36]. Поэтому встречающиеся в литературе утверждения об их присутствии на этих лекциях не соответствуют действительности. Они действительно посещали лекции Соссюра, но это были лекции по сравнительно-историческому языкознанию, которые Соссюр читал ранее. Первым начал посещать лекции Соссюра Сеше. С 1891 по 1893 г. он слушал лекции Соссюра по сравнительной грамматике индоевропейских языков, греческой и латинской фонетике. Балли был слушателем соссюрских лекций по германистике и теории слога с 1893 по 1906 г. Лекции третьего курса посещала, делая записи, жена А. Сеше, вероятно, по его просьбе, поскольку она не была лингвистом. А. А. Холодович ошибочно упоминает конспект А. Сеше [Холодович 1977: 16].

Идея подготовить к печати три курса лекций по общей лингвистике возникла у Сеше и Балли через несколько месяцев после смерти Соссюра 22 февраля 1913 г. Заручившись согласием вдовы Соссюра, предоставившей в их распоряжение рукописи мужа, и одобрением А. Мейе, они приступили к кропотливой и ответственной работе. За сравнительно короткий срок — три года — книга была готова и опубликована в 1916 г. в Париже.

Реконструкции научной мысли Соссюра и систематизации его идей в небольшой степени способствовало то, что многие положения учения Соссюра стали известны Балли и Сеше из устного общения и переписки с учителем. По словам Сеше [Sechehaye 1927: 218—219], вдохновение, навеянное теорией и методом Соссюра, проявилось уже в первой крупной работе Балли «Краткий очерк стилистики», опубликованной в 1905 г., за два года до чтения Соссюром своего курса. Однако наибольший интерес в этом плане представляет первая крупная работа Сеше «Программа и методы теоретической лингвистики», вышедшая в 1908 г. и посвященная Соссюру [Sechehaye 1908]. В посвящении Сеше подчеркивал, что именно Соссюр пробудил в нем интерес к общим проблемам лингвистики и именно ему он «обязан теми принципами, которые освещали... путь к научным исследованиям» [Сеше 2003: 34].

Эта работа примечательна тем, что целый ряд изложенных в ней идей предвосхищают основные положения учения Соссюра: дихотомия языка и речи, синхрония и диахрония, произвольность языкового знака, понятие о языке как системе, реляционные свойства языковых единиц; подробнее см. [Кузнецов 2006]. Главное, на наш взгляд, то, что эту работу Сеше можно рассматривать как своего рода «репетицию» подготовки «Курса» Соссюра. Р. Якобсон точно подметил, что Сеше в своей книге «один из первых четко сформулировал и развил положения соссюрской доктрины» [Якобсон 1985: 54]. Именно благодаря этой работе он оказался хорошо подготовленным к реконструкции учения Соссюра.

Большой интерес представляет также предположение В. М. Алпатов: «Когда книга Сеше вышла, его учитель, наконец, решился обнародовать (хотя бы устно) свои наиболее нетрадиционные идеи: ему надо было и “застолбить” их, и высказать свое несогласие

с учеником по ряду вопросов» [Алпатов 2004: 70]. Эти документальные свидетельства опровергают утверждение А. А. Холодовича, на которое иногда ссылаются в дидактической литературе по истории языкознания, что теоретические положения будущего «Курса общей лингвистики» «не были известны даже в самых общих чертах ближайшим его ученикам» [Холодович 1977:10].

Для историографии языкознания интересен вопрос о доли участия Балли и Сеше в подготовке «Курса» к печати. Нередко их рассматривают в качестве равноправных участников. Однако проведенные исследования свидетельствуют, что это не совсем так. «Если редакция “Курса”, — пишет исследователь творчества Соссюра С. Буке, — является совместным трудом двух коллег (и, как отмечает Р. Годель, Балли часто склонялся на сторону Сеше при интерпретации записей студентов), в первоначальном замысле проекта главная роль принадлежит, кажется, Балли: следует не брать за основу конспекты слушателей, а реконструировать научную мысль Соссюра» (здесь и далее перевод наш. — В. К.) [Bouquet 1998: 194]. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Ш. Балли А. Мейе, обнаруженное Буке в архивных материалах Балли в Коллеж де Франс, и дальнейшая переписка двух ученых. Сам Мейе склонялся к тому, что при подготовке «Курса» Соссюра к печати предпочтительно основываться на конспектах его студентов.

В предисловии Ш. Балли и А. Сеше пишут о трудностях, с которыми они столкнулись при подготовке «Курса». Потребовался критический, очень детальный анализ каждого курса лекций, сопоставление всех конспектов, чтобы «добиться до авторской мысли, от которой у нас остались только отголоски, порой противоречивые» [Соссюр 1977: 36]. Затруднения создавала устная форма изложения лекций. Самое сложное было представить учение Соссюра в системной взаимосвязи его положений. «Наша основная идея сводилась к тому, чтобы воссоздать органическое единство, не пренебрегая ничем, что помогло бы создать впечатление стройного целого» [Там же: 37]. За основу реконструкции был принят третий курс как наиболее законченный: «Кропотливая работа по сличению версий и редактированию была произведена одним из нас — А. Сеше» [Там же: 36]. Это свидетельство дает основание утверждать, что Сеше можно считать вторым автором «Курса», поскольку в теоретическом плане он был лучше подготовлен к восприятию и реконструкции идей Соссюра, чем Балли, научные интересы которого были сосредоточены на стилистике. К тому же из документальных источников известно, что в период подготовки лекций Соссюра к изданию Балли был очень занят научно-педагогической деятельностью. Таким образом, «Курс общей лингвистики», опубликованный под именем Ф. де Соссюра, является, по существу, сочинением трех авторов¹. В то же время следует согласиться с В. М. Алпатовым в том, что «вопрос о разграничении авторства нельзя считать главным: книга в том виде, в каком она вышла, является цельным произведением, и именно оно получило мировую известность» [Алпатов 2005: 133].

В историографии языкознания не упоминается определенная заслуга выдающегося французского романиста Жюлья Ронжа (1864—1925) в подготовке «Курса». Он, как пишут Ш. Балли и А. Сеше в предисловии, «любезно согласился просмотреть рукопись перед сдачей ее в печать и сообщил нам свои ценные замечания» [Соссюр 1977: 36].

Предвидели Балли и Сеше и критику в свой адрес. «С одной стороны, нам могут сказать, что это “стройное целое” неполно... С другой стороны, нас, быть может, упрекнул за то, что мы включили в книгу некоторые достаточно известные и до Соссюра вещи». Предвидели они и попытки «провести различие между учителем и его интерпретаторами» [Там же: 37—38].

Вряд ли учение Соссюра получило быстрое распространение и завоевало умы лингвистов, если бы не энергичная популяризация и пропаганда «Курса», предпринятая Ш. Балли,

¹ Говоря словами А. Фрея, «последующие поколения всегда будут перед ними в неоплатном долгу за то, что они действительно взяли на себя ответственность воссоздать слово Учителя, и за то, как они сделали это» [Фрей 2006: 75].

А. Сеше и С. Карцевским. Как заметил Э. Бенвенист: «В 1916 году среди грохота орудий кого могло заинтересовать какое-то сочинение по языкознанию?» [Бенвенист 1974: 59]. Впервые основные положения теории Соссюра без их анализа были представлены Ш. Балли 27 октября 1913 г. в публичной вступительной лекции курса общей лингвистики при вступлении в должность заведующего кафедрой, унаследованной от Соссюра [Bally 1913].

А. Сеше первым обратил внимание научной общественности на новизну положений теории Соссюра, прежде всего, на ее главное звено — произвольный и линейный характер знака в статье «Проблемы языка в свете новой теории», опубликованной всего через год после выхода «Курса» [Sechehaye 1917]². «С неумолимым упорством он, — говорил о Сеше Балли, — защищал теоретические принципы “Курса” от несправедливой критики, старался разъяснить наиболее сложные его положения, смысл которых не лежал на поверхности» [Мартен 2003: 219].

С. Карцевский был одним из самых первых пропагандистов учения Соссюра в России и Восточной Европе. Благодаря его выступлениям на заседаниях Московского лингвистического кружка весной 1918 г. отечественные лингвисты познакомились с новаторскими идеями Соссюра. Позднее, в 1920-е гг., во время пребывания Карцевского в Праге, с учением Соссюра познакомились чешские лингвисты и, руководствуясь его положениями, создали по инициативе Карцевского Пражский лингвистический кружок.

А широкие научные круги узнали об учении Соссюра благодаря короткой рецензии на «Курс общей лингвистики» М. Н. Петерсона [1923], представителя фортунаговской школы. Основную заслугу Соссюра Петерсон видел в разграничении языка и речи, а также синхронии и диахронии лингвистики. Философская основа теории Соссюра впервые была проанализирована В. Н. Волошиновым. Он связывал теорию Соссюра, всю французскую школу того периода (А. Мейе, Ш. Балли), а также русские школы Бодуэна де Куртене и Фортунатова с абстрактным объективизмом, который восходит к французскому рационализму XVII—XVIII вв.

По неподтвержденным данным, С. Карцевский намеревался перевести на русский язык «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Однако первая попытка перевода была предпринята А. И. Роммом, известным своим переводом на русский язык романа Г. Флобера «Мадам Бовари». Начав работу над переводом, Ромм столкнулся со значительными терминологическими трудностями, о которых он писал Ш. Балли и А. Сеше. С этой задачей успешно справился представитель Московской фонологической школы А. М. Сухотин (1888—1942). В 1933 г. был опубликован его перевод «Курса общей лингвистики», который сопровождался вступительной статьей Д. Н. Введенского и комментариями видного лингвиста 1920—30-х гг. Р. О. Шор (1894—1939). Отзываясь с большой похвалой о ее комментариях, сопровождавших первое издание «Курса» Соссюра на русском языке, Р. Якобсон назвал ее вторым после А. М. Сухотина переводчиком Соссюра. Значительную роль в пропаганде идей Соссюра сыграла также работа Р. О. Шор «Язык и общество» (1926).

Большая заслуга в пропаганде учения Соссюра в нашей стране в 70—90-е гг. прошлого века принадлежит Н. А. Слюсаревой (1918—2000). Ее книга [Слюсарева 1975] до настоящего времени остается наиболее полным и последовательным изложением теории языка Ф. де Соссюра.

Благодаря этой и другим работам Н. А. Слюсаревой было в значительной мере изменено стереотипное восприятие дихотомий Соссюра. Его критиковали за отрыв синхронии от диахронии, неправомерность деления внутренней и внешней лингвистики, а теории ценности (значимости) языковых единиц даже приписывался идеалистический характер. Конечно, во многом подобная критика была данью тому времени, господствующей идеологии. Слюсарева показала, что введенные Соссюром понятия языка и речи, синхронии

² Московские лингвисты проявляли большой интерес к статье Сеше, поскольку в это время в Москве было всего два-три экземпляра «Курса общей лингвистики», а познакомиться с учением Соссюра хотели многие [Тоддес, Чудакова 1981: 235].

и диахронии, подвергавшиеся критике за их жесткое противопоставление, на самом деле отражают диалектический подход Соссюра к соотношению в языке социального и индивидуального, абстрактного и конкретного, частного и общего.

Благодаря статье Н. А. Слюсаревой, опубликованной в «Тетрадах Фердинанда де Соссюра» [Slusareva 1963], западноевропейские лингвисты смогли познакомиться с восприятием идей Соссюра в нашей стране. Она выступила инициатором (при поддержке швейцарских лингвистов Р. Гodelя и Р. Энглера) издания на русском языке личных заметок, воспоминаний и писем Ф. де Соссюра, что позволило отечественному читателю познакомиться со становлением его научной мысли [Соссюр 1990]. Последней крупной работой Слюсаревой стало критическое издание «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра под ее научной редакцией, включающее ее вводную статью, послесловие и комментарии, учитывающие новые соссюровские материалы [Соссюр 1998]. Это издание «Курса» Соссюра является наиболее качественным и адекватным переводом французского текста. За заслуги в области соссурологии Н. А. Слюсарева была избрана в члены кружка Фердинанда де Соссюра, а ее работы получили высокую оценку ведущих представителей Женевской лингвистической школы.

Соссурология

Изучение творческого наследия Ф. де Соссюра, начатое Ш. Балли и А. Сеше, было продолжено швейцарскими, французскими, итальянскими и канадскими лингвистами. Сложилось и получило активное развитие особое направление исследований: соссурология — изучение, толкование и комментирование творческого наследия Соссюра с целью придать его учению вид цельной, стройной, согласованной во всех своих частях системы. Соссурология является основным направлением деятельности кружка Фердинанда де Соссюра.

В конце 1950-х гг., т. е. более 40 лет спустя, были обнаружены два важных документа — самый полный и детальный конспект второго курса лекций Соссюра, а также тетрадь с тщательной записью последнего, наиболее важного для реконструкции учения Соссюра, третьего цикла лекций.

Начало соссурологии было положено Робером Гodelем, опубликовавшим научный труд «Рукописные источники Курса общей лингвистики» [Godel 1957]. Он обратил внимание на редкое воспроизведение издателями конспектов, довольно частые перестановки текстов, изъятия и собственные дополнения. Более того, были обнаружены формулировки, вообще отсутствующие в рукописных источниках. Это в первую очередь касается заключительной фразы «Курса»: «...единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя». Дело в том, что это заключение, ставшее знаменем крайних направлений структурализма, не фигурирует в студенческих конспектах лекций Соссюра и не обнаружено Р. Гodelем в рукописных источниках «Курса». Он пришел к выводу, что эта заключительная фраза была добавлена издателями.

С высокой долей вероятности можно предположить, что ее формулировка принадлежит А. Сеше. Если основываться на его работе, то под «языком» следует понимать, с одной стороны, каждое из необходимых состояний конкретного языка, с другой — совокупность общих законов, касающихся языка вообще, которые можно установить на основе данных многих языков. Таким образом, заключительную фразу «Курса» можно было бы переформулировать следующим образом: истинным объектом лингвистики являются языки и язык. «Если стать на эту точку зрения, — пишет Р. Гodelь, — диахроническое исследование должно следовать за синхроническим, а не предшествовать ему; при условии, что последнее рассматривается как эволюция систем» [Godel 1957: 181]. Именно на этом настаивал Сеше. В таком свете заключительную фразу «Курса» следует понимать не в плане сужения предмета лингвистики, в чем упрекали Соссюра, а в плане его расширения.

В 1967—68 гг. вышло критическое издание «Курса», подготовленное учеником Гodelя Рудольфом Энглером, где напротив каждого пронумерованного предложения текста «Курса»

приводятся соответствующие места курсов лекций и личных заметок Соссюра [Engler 1967]. Ценность этого издания в том, что оно дает наглядное представление о добавлениях и изменениях, сделанных издателями. Энглер составил также словарь терминологии Соссюра, включающий термины, впервые введенные в научный обиход самим Соссюром, и термины ранее существовавшие, но переосмысленные Соссюром в рамках его теории [Engler 1968]. Плодотворным для реконструкции научной мысли Соссюра стало изучение его переписки с учеными того времени (А. Мейе, Дж. Пасколи, К. Яниусом, М. фон Берхемом, Ш. Балли и А. Сеше), поскольку письма Соссюра нередко содержали высказывания по вопросам теории языка.

Противопоставление языка и речи принято считать основным тезисом, исходным пунктом учения Соссюра. Между тем логика учения Соссюра и анализ рукописных источников «Курса» свидетельствуют в пользу того, что исходным пунктом его теории является семиологическое понятие знака. Р. Годель и Р. Амакер высказали точку зрения, согласно которой за исходный пункт теории Соссюра может быть принят произвольный характер знака. Это мнение было поддержано другим известным исследователем научного наследия Соссюра — итальянским лингвистом Туллио де Мауро. Такой же точки зрения придерживается французский лингвист Ж. Мунен: «Если бы Соссюр прожил дольше, нельзя исключить, что его теория знака стала бы отправным пунктом организации всей его доктрины» [Mounin 1968: 50]. Интересно отметить, что именно в этом ключе предлагал построить «Курс» А. А. Холодович [Холодович 1977: 25—28].

Представляется, что в вопросе о том, с чего начинать рассмотрение учения Соссюра, что в нем является главным звеном, нет противоречия. Дело в том, что соссюровская теория характеризуется двумя аспектами: семиологическим и лингвистическим. Если начать с первого аспекта, за исходный пункт следует принять концепцию знака, если со второго — язык и речь. В отличие от второго, первый аспект в этом плане не был предметом глубокого и последовательного исследования, хотя очевидно, что «семиологический» подход к системному изложению учения Соссюра представляет большой научный интерес и позволил бы увидеть многие идеи Соссюра в новом свете.

В 1996 г. в доме семьи Соссюров в Женеве были обнаружены личные заметки Ф. де Соссюра, предназначенные для книги по общей лингвистике, которые были позже опубликованы [Ecrits 2002]. В течение более 80 лет исследователи научного творчества Соссюра полагали, что они безвозвратно утеряны. Историографическая важность этих рукописей в том, что они документально подтверждают намерение Соссюра написать теоретическую работу, о чем он говорил А. Мейе в 1894 г. и своему студенту Л. Готье в 1911 г. Весьма интересна рукопись «О двойной сущности языка», представляющая собой попытку Соссюра придать своим идеям более законченный вид.

Канадский лингвист Э. Кёрнер писал, что учение Соссюра столь богато и глубоко, что многие его идеи «всё еще ждут переоценки, и что еще важнее, практического применения и дальнейшего развития» [Koerner 1973: 336].

Стараниями кружка Фердинанда де Соссюра изучение творческого наследия ученого продолжается и в настоящее время. На страницах печатного органа кружка «Тетради Фердинанда де Соссюра» публикуются архивные материалы и статьи, посвященные различным сторонам его теории языка. Результатом соссурологических исследований стало изменение стереотипного понимания многих основополагающих принципов теории Соссюра, сложившихся на основе канонического текста «Курса общей лингвистики».

«Сегодня, — писал Э. Бенвенист, — мы воспринимаем Соссюра совсем иначе, чем его современники. Целая сторона его творчества, без сомнения самая важная, стала известна только после его смерти и мало-помалу преобразила всю науку о языке» [Бенвенист 1974: 47].

Благодаря тесным научным контактам с Соссюром воссоздатели его учения Балли и Сеше в целом справились со своей сложной задачей, выделив основные положения теории своего учителя и представив их во взаимосвязи. Лучшим доказательством их успеха назовем то влияние, которое «Курс общей лингвистики» оказал на развитие мировой лингвистики.

Оценивая в этом плане вклад Соссюра, Бенвенист писал: «Ныне нет лингвиста, который не был бы хоть чем-то ему обязан. Нет такой общей теории, которая не упоминала бы его имени» [Бенвенист 1974: 47]. Чем объяснить живучесть идей Соссюра, непреходящий интерес к его творчеству? Причина, очевидно, в том, что «понятия, выработанные Соссюром, независимо от их интерпретации, касаются самих основ языка» [Холодович 1977: 21].

Ближняя и дальняя филиация идей Ф. де Соссюра

К ближней филиации учения Соссюра относятся парижская и Женевская ветви учеников и последователей ученого. Его научно-педагогическая деятельность в территориально-географическом положении делится на два периода: парижский (1880—1891) и Женевский (1891—1913). При этом учение Соссюра получило различное развитие в Парижской и Женевской школах. Это объясняется тем, что парижский и Женевский периоды соответствовали разным областям его научной деятельности — индоевропеистике и общей лингвистике. Парижская ветвь представлена, прежде всего, А. Мейе, М. Граммоном, Ж. Вандриесом, М. Коэном и др.; подробнее см. [Кузнецов 2008].

Французскую социологическую лингвистику и Женевскую школу (Ш. Балли, А. Сеше, С. Карцевский, А. Бюрже, А. Фрей, Р. Годель, Л. Прието, Р. Энглер, Р. Амакер) сближает идейное родство через посредство общего учителя, а также ряда общих теоретических установок. Общим для двух школ является понимание языка как социального явления и стремление изучать язык в аспекте его функционирования в обществе. В целом можно сказать, что между двумя школами существует много совпадений в плане внешней лингвистики и расхождения в плане внутренней.

Из многих школ, направлений и отдельных ученых, претендовавших на развитие положений теории языка Соссюра, представители Женевской школы развивали доктрину своего учителя наиболее последовательно и глубоко. Важно отметить, что они развивали не отдельные положения соссюровской теории, а положения в их взаимосвязи, как единое целое. Так, в рамках этой школы получила продолжение намеченная Соссюром «лингвистика речи». Теоретические принципы учения Соссюра служили методологической базой и собственных научных исследований Женевских языковедов; подробнее см. [Кузнецов 2010]. Научная деятельность Женевской школы настолько тесно связана с именем Соссюра, что ее нередко называют «соссюровской».

Влияние «Курса общей лингвистики» на развитие лингвистики в XX в. является общепризнанным. Восприятие положений учения Соссюра отличалось в разных школах и направлениях. Эти различия могут быть сведены к следующим: подмена понятия **системы** структурой, дискуссии вокруг проблемы произвольности знака, место **диахронии** и **речи** наряду с **синхронией** и **языком**, различия между продолжателями «субстанциалистами» (Женевская, Пражская школы) и «формалистами» (Ельмслев, Брёндаль), социальный характер языковых фактов (Мейе, Вандриес). К дальнейшей филиации идей Соссюра относится становление различных школ и направлений структурной лингвистики.

Разграничение языка и речи сузило объект лингвистики, сделало его более конкретным. Новизна этой дихотомии состояла в разграничении языковых фактов, в рассмотрении каждого из них в отдельности. Дихотомия языка и речи послужила основой для разработки фонологической теории Пражской школы, учения глоссематики о языке как форме, понятий варианта и инварианта в различных направлениях структурной лингвистики.

Стимулирующая роль «Курса общей лингвистики» в становлении различных направлений структурализма обусловлена изменением предмета исследования, в основу которого положена четкая система взаимосвязанных дихотомий. На четкость границ между дихотомиями обратила внимание Е. В. Рахилина: «Ф. де Соссюр (скорее даже его последователи) изменил предмет исследования, причем сделано это было замечательным образом — простым проведением границ: вот синхрония, а вот диахрония, это — язык, а это — речь» [Рахилина 2000: 343].

Большинство структуралистов, приняв дихотомию Соссюра, сосредоточились на «языке». Опираясь на теорию Соссюра, школы и направления структурализма значительно различались между собой. Глоссематиков интересовала теория, причем в формализованном виде, дескриптивистов — метод в применении к конкретному материалу, пражцы обращались к функциональному аспекту языка, а также пытались применять структурные методы анализа к диахронии.

Причину успеха доктрины Ф. де Соссюра хорошо сформулировал Э. Бенвенист: теория языка Соссюра представляет собой глобальное понимание языка, целиком охватывающее свой объект [Бенвенист 1974: 54].

Интерес к теории Ф. де Соссюра, к его научному наследию не ослабевает и в новейшее время. Об этом свидетельствует тематика и место проведения XIX Международного лингвистического конгресса, состоявшегося в июле 2013 г. и приуроченного к 100-летию со дня смерти Ф. де Соссюра. Выбор Женевского университета местом проведения международного лингвистического форума свидетельствует о дани уважения основателю многих направлений современной лингвистики. Знаменательно, что сессия № 1 носила название «Соссюр и его наследие». Соссюровской проблематике были также посвящены секции «Женевская лингвистическая школа: история и современность» и «Язык и когниция в соссурианской перспективе».

Речь шла о том, что за последние пятьдесят лет под влиянием обнаруженных рукописей Соссюра, результатов соссуорологических исследований произошла постепенная переоценка дискурсивной составляющей его учения. Выступления охватывали широкий круг вопросов: сопоставление идей двух выдающихся лингвистов XX в. — Ф. де Соссюра и Н. Хомского, восприятие теории языкового знака в когнитивной грамматике, влияние Соссюра на становление и развитие семиотики, научный потенциал его доктрины и филиация идей. Рассматривались отдельные стороны научного наследия Соссюра, роль Ш. Балли и А. Сеше в подготовке и издании «Курса», методологическое понятие «научной школы», деятельность отдельных лингвистов — представителей Женевской лингвистической школы, научные связи Женевской школы с другими. Отмечалось, что выход за пределы «Курса» в его классическом, «структуралистском» прочтении позволит по-новому подойти к рассмотрению многих вопросов, являющихся предметом обсуждения в настоящее время. Среди них, в частности: посредническая роль языка в качестве связующего звена между языковой способностью и когнитивной деятельностью, соотношение между индивидуальным и коллективным сознанием, связь между материальным сигналом и его ментальной репрезентацией, системообразующая деятельность говорящих субъектов, основанная на произвольном характере языкового знака, говорящий коллектив как творческая сила систематизации в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов 2004 — Алпатов В. М. [Рец. на:] Кузнецов В. Г. Женевская лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму. М.: Едиториал УРСС, 2003 // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2004. Т. 63. № 4. С. 69—72. [Alpatov V. M. [Review of:] Kuznetsov V. G. Geneva School of Linguistics: From Saussure to functionalism. Moscow: Editorial URSS, 2003. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2004. Vol. 63. No. 4. Pp. 69—72.]
- Алпатов 2005 — Алпатов В. М. История лингвистических учений. 4-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistic theories]. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005.]
- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. [Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress, 1974.]
- Кузнецов 2006 — Кузнецов В. Г. Ф. де Соссюр и А. Сеше. Место работы А. Сеше «Программа и методы теоретической лингвистики» в истории языкознания // Вопросы языкознания. 2006. № 3. С. 117—129. [Kuznetsov V. G. F. de Saussure and A. Secheyaye. The place of A. Secheyaye's work «Program and methods of theoretical linguistics» in the history of linguistics. *Voprosy jazykoznanija*. 2006. No. 3. Pp. 117—129.]

- Кузнецов 2008 — Кузнецов В. Г. Парижская и Женевская ветви учеников и последователей Ф. де Соссюра // Кузнецов В. Г. (ред.). Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. Сб. статей. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2008. С. 28—65. [Kuznetsov V. G. Parisian and Geneva branches of Saussure's students and followers. *Ferdinand de Saussure i sovremennoe gumanitarnoe znanie. Sbornik statei*. Kuznetsov V. G. (ed.). Moscow: The Institute of Scientific Information for Social Sciences Publ., 2008. Pp. 28—65.]
- Кузнецов 2010 — Кузнецов В. Г. Научное наследие Женевской лингвистической школы. М: Знак, 2010. [Kuznetsov V. G. *Nauchnoye nasledije Zhenevskoy lingvisticheskoy shkoly* [Scientific heritage of Geneva School of Linguistics]. Moscow: Znak, 2010.]
- Марген 2003 — Марген В. Речь Виктора Мартена и прощальное слово Шарля Балли на похоронах Альбера Сеше // Сеше А. Очерк логической структуры предложения. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 217—220. [Martin V. The speech of Victor Martin and the words of remembrance of Charles Bally at the funeral of Albert Sechehayé. Sechehayé A. *Ocherk logicheskoi struktury predlozheniya*. Moscow: Editorial URSS, 2003. Pp. 217—220.]
- Петерсон 1923 — Петерсон М. Н. Общая лингвистика // Печать и революция. 1923. Книга 6. С. 26—32. [Peterson M. N. General linguistics. *Pechat' i revoliutsiya*. 1923. Book 6. Pp. 26—32.]
- Рахилина 2000 — Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. [Rakhilina E. V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetnost'* [Cognitive analysis of object names: Semantics and combinability]. Moscow: Russkie Slovarei, 2000.]
- Сеше 2003 — Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. Пер. с франц. М.: Едиториал УРСС, 2003. [Sechehayé A. *Programma i metody teoreticheskoi lingvistiki. Psikhologiya yazyka* [Program and methods of theoretical linguistics. Psychology of language]. Translated from French. Moscow: Editorial URSS, 2003.]
- Слюсарева 1975 — Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М.: Наука, 1975. [Slyusareva N. A. *Teoriya F. de Sossyura v svete sovremennoi lingvistiki* [Theory of F. de Saussure in the light of modern linguistics]. Moscow: Nauka, 1975.]
- Соссюр 1977 — Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.; Л.: Прогресс, 1977. [Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works in linguistics]. Moscow; Leningrad: Progress, 1977.]
- Соссюр 1990 — Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Общая ред., вступ. ст. и коммент. Слюсаревой Н. А. М.: Прогресс, 1990. [Saussure F. de. *Zametki po obshchei lingvistike* [Notes on general linguistics]. Slyusareva N. A. (ed.). Moscow: Progress, 1990.]
- Соссюр 1998 — Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Редакция перевода Слюсаревой Н. А. М.: Логос, 1998. [Saussure F. de. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in general linguistics]. Slyusareva N. A. (editor of the translation). Moscow: Logos, 1998.]
- Тоддес, Чудакова 1981 — Тоддес Е. А., Чудакова М. О. Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка // Федоровские чтения. 1978. М.: Наука, 1981. С. 229—249. [Toddés E. A., Chudakova M. O. The first Russian translation of the «Course in general linguistics» by F. de Saussure and the activity of the Moscow Linguistic Circle. *Fedorovskie chteniya*. 1978. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 229—249.]
- Фрей 2006 — Фрей А. Соссюр против Соссюра? Статьи разных лет / Пер. с франц. М.: КомКнига, 2006. [Frei H. *Sossur protiv Sossura? Stat'i raznykh let* [Saussure against Saussure? Articles from different years]. Translated from French. Moscow: KomKniga, 2006.]
- Холодович 1977 — Холодович А. А. О «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.; Л.: Прогресс, 1977. С. 9—29. [Kholodovich A. A. About the «Course in general linguistics» of F. de Saussure. Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow; Leningrad: Progress, 1977.]
- Якобсон 1985 — Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. [Jakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Progress, 1985.]
- Bally 1913 — Bally Ch. *Ferdinand de Saussure et l'état actuel des études linguistiques*. Genève: Atar, 1913.
- Bouquet 1998 — Bouquet S. Les deux paradigmes éditoriaux de la linguistique générale de Ferdinand de Saussure. *Cahiers F. de Saussure*. 1998. No. 51. Pp. 187—202.
- Ecrits 2002 — *Ecrits de linguistique générale. Par Ferdinand de Saussure*. Texte établi par Bouquet S., Engler R. Paris: Editions Gallimard, 2002.
- Engler 1967 — Engler R. *F. de Saussure. Cours de linguistique générale*. Edition critique par Engler R. T. I. Wisbaden: Otto Harassowitz, 1967.
- Engler 1968 — Engler R. *Lexique de la terminologie saussurienne*. Utrecht; Anvers: Spectrum Editeurs, 1968.

- Godel 1957 — Godel R. *Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure*. Genève: Droz, 1957.
- Koerner 1973 — Koerner E. F. K. *Ferdinand de Saussure. Origin and development of his linguistic thought in western studies of language*. Braunschweig: Vieweg, 1973.
- Mounin 1968 — Mounin G. *Ferdinand de Saussure ou le structuraliste sans le savoir*. Paris: Seguers, 1968.
- Sechehaye 1908 — Sechehaye A. *Programme et méthodes de la linguistique théorique. Psychologie du langage*. Paris: Champion, 1908.
- Sechehaye 1917 — Sechehaye A. Les problèmes de la langue à la lumière d'une théorie nouvelle. *Revue philosophique*. 1917. T. 83. No. 7. Pp. 1—30.
- Sechehaye 1927 — Sechehaye A. L'école genevoise de linguistique générale. *Indogermanische Forschungen*. 1927. Vol. XLIV. No. 44. Pp. 217—241.
- Slusareva 1963 — Slusareva N. Quelques considérations des linguistes soviétiques à propos des idées de F. de Saussure. *Cahiers F. de Saussure*. 1963. Vol. 20. Pp. 23—46.

Статья поступила в редакцию 01.09.2015.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS**ОБЗОРЫ / OVERVIEWS****ПРЕДСКАЗАНИЯ, БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ И НОВЫЕ ИЗМЕРИТЕЛИ:****о возможностях технологий компьютерной лингвистики
в теоретических лингвистических исследованиях**

© 2016 г. Анастасия Александровна Бонч-Осмоловская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 101000, Россия
abonch@gmail.com

Статья посвящена обзору работ последних лет, в которых теоретическая исследовательская задача решается с помощью методов или инструментов, используемых в компьютерной лингвистике. В обзоре проводится подробный анализ того, как именно с помощью применения того или иного инструмента или метода можно получить новые знания о природе языка. В частности, выделяются два основных направления, развитие которых в рамках теоретических исследований представляется чрезвычайно перспективным. Это, с одной стороны, применение алгоритмов машинного обучения как предсказательной модели для описания многофакторных языковых явлений, с другой стороны, использование возможностей, открывающихся для типологических исследований и межязыковых сравнений благодаря созданию множества «глубоко аннотированных» корпусов для разных языков, т. е. корпусов со сложной разметкой, например, синтаксической или референциальной. Уже сейчас объем имеющихся различных данных позволяет делать определенные выводы о свойствах тех или иных универсалий, которые были описаны раньше в теоретических типологических работах.

Ключевые слова: дативная альтернатива, категория определенности, компьютерная лингвистика, машинное обучение, синтаксический корпус, теория языка, типология, референциальный выбор

PREDICTORS, BIG DATA AND NEW MEASURING:**The impact of computational linguistics on linguistic theory**

Anastasia A. Bonch-Osmolovskaya

National Research University «Higher School of Economics». Moscow, 101000, Russian Federation
abonch@gmail.com

The papers, observed in the overview, employ the methods of computational linguistics to enhance theoretical framework. The overview aims to demonstrate a detailed analysis of the benefits that a theoretical linguistic study could gain with the help of methods and instruments of computational approach. In particular, two domains seem to be very perspective. First of all, the use of machine learning technique as a prediction instrument for analysis of multifactorial linguistic phenomena. Secondly, there are completely new opportunities for typological studies due to big data of deeply annotated corpora, created for purposes of computational linguistics for different languages.

Keywords: computational linguistics, dative alternation, definiteness, language theory tree-bank, machine learning, natural language processing, referential choice, theoretical linguistics, typology

1. Введение

Настоящая статья представляет собой обзор нескольких работ последнего времени, выполненных в рамках задач теоретической лингвистики с использованием инструментов компьютерной лингвистики. Этот обзор продолжает основную идею работы [Толдова, Ляшевская 2014], посвященной наблюдаемым тенденциям к сближению между современной компьютерной лингвистикой и теорией языка. Однако, если в [Там же] рассматривалось в том числе и то, как достижения лингвистической науки могут быть использованы для получения более качественных результатов языкового моделирования, задачей этой работы будет показать пути сближения в обратной перспективе: как алгоритмы, методы и подходы, получившие широкое распространение в компьютерной лингвистике, могут быть применены для фундаментальных задач собственно науки о языке, для понимания того, каким образом устроен язык формально и содержательно.

Надо сказать, что за таким развитием лежит не только характерная в целом для современной науки тенденция к междисциплинарному сближению, но и отрефлексированное понимание проблем современной теоретической и компьютерной лингвистики, артикулированное «с обеих сторон» в целом ряде публикаций, появившихся в течение последних лет в центральных научных изданиях. Так, в журнале «Computational linguistics» в последнем номере 2009-го года была опубликована заметка в формате «last words» — заключительных слов — израильского компьютерного лингвиста Шули Уинтнера [Wintner 2009] о том, как связана автоматическая обработка естественного языка с лингвистикой. Уинтнер начинает заметку с обсуждения предложения открыть отдельную тематическую группу по лингвистике на конференции ACL — в настоящее время самой крупной конференции по компьютерной лингвистике. Уинтнер пишет, что несмотря на то, что сначала эта идея показалась ему удивительной (представим, например, что на конгрессе по педиатрии открывается тематическая группа, посвященная медицине в целом), позднее он признал правильность и своевременность этого предложения. Автор формулирует свою позицию как призыв к компьютерной лингвистике «возвратиться к истокам» и быть частью науки о языке. Основная проблема, по мнению автора, возникла как результат решительного поворота компьютерной лингвистики к статистическим методам, общим для искусственного интеллекта в целом, и она, по мнению автора, состоит в том, что современная компьютерная лингвистика по большей части занимается решением инженерных статистических задач, существует совершенно отдельно от лингвистической науки, не использует достижения лингвистической теории и ничего не добавляет к знанию о языке. Следует отметить, что часть вины в таком положении вещей Уинтнер возлагает на доминирующие лингвистические теории, в первую очередь генеративизм: «Теория стала столь непонятной, барочной “вещью в себе”, непроницаемой для тех, кто находится снаружи»¹ [Wintner 2009: 642]. В то же время автор считает совершенно неправильным такое положение вещей, когда компьютерная лингвистика превращается в раздел прикладной статистики, а естественные языки — в последовательность символов, ничем не отличающихся, например, от последовательностей ДНК. Основная идея Уинтнера состоит в том, чтобы существенно расширить базис приложений компьютерной лингвистики, используя ресурсы, методы и результаты как можно более разных лингвистических областей и теорий. Автор указывает и на то, что инженерные возможности компьютерной лингвистики должны быть использованы для лингвистических исследований. В качестве примера приводится работа [Daume III, Campbell 2007], в которой компьютерные методы применяются к данным Всемирного атласа лингвистических структур (WALS, см. подробней об атласе [Dryer, Haspelmath 2013]), а построенная в результате модель позволяет от лингвистических признаков языков перейти к лингвистическим универсалиям.

Безусловно, за пять лет, прошедших со времени публикации «памфлета» Уинтнера, диапазон прикладных задач, находящихся в спектре внимания компьютерной лингвистики,

¹ Перевод мой. — А. Бонч-Осмоловская.

расширился радикально, причем прежде всего в сторону все большего вовлечения в нее теоретической лингвистической базы. Разнообразие обсуждаемых вопросов и их решений в полной мере отражено в упомянутом выше обзоре [Толдова, Ляшевская 2014]. При этом нельзя не признать, что в основном это движение направлено на включение лингвистической понятийной базы в решение прикладных задач, например, на более широкое использование синтаксических и семантических характеристик для машинного обучения. Исследований, в которых компьютерные инструменты являются именно инструментом познания, а не самоцелью, по-прежнему немного. Однако, как будет показано ниже, интерес к ним постепенно растет, и в этом немаловажную роль сыграло встречное движение лингвистического сообщества, главным мотивом которого стал поиск объективных оценок надежности лингвистических данных, см., например, [Gibson et al. 2012; Gibson, Fedorenko 2013]. Именно этому типу исследований и посвящен настоящий обзор.

В обзоре обсуждается пять исследований. Они различаются по своим задачам. В работах [Bresnan, Ford 2010] и [Кибрик и др. 2010] компьютерные методы используются для проверки гипотез, которые до этого были сформулированы авторами на теоретическом уровне и за которыми стоит большая история лингвистических исследований и дискуссий. Другие три работы — [Bhatia et al. 2014; Futrell et al. 2014; Tolдова et al. 2014] — напротив, представляют собой экспериментальные исследования, цель которых не подтвердить, а выдвинуть гипотезу, обнаружить ранее остававшуюся незамеченной взаимосвязь разных лингвистических факторов. Однако представляется, что сила работ обоих типов состоит в числе прочего в новой методологической базе. Именно поэтому в обзоре они сгруппированы по тому, как именно в них используются компьютерные лингвистические алгоритмы и ресурсы. В части 2 речь пойдет об использовании машинного обучения для оценки значимости разных лингвистических факторов, влияющих на выбор синтаксической структуры. В части 3 будут рассмотрены работы, в которых тестовые корпуса, используемые для проверки качества работы алгоритмов автоматической обработки текстов, применяются как массивы данных, оказавшихся доступными для лингвистического анализа.

2. Сила предсказания

В настоящем разделе речь пойдет о применении алгоритмов машинного обучения для моделирования многофакторных лингвистических явлений. Сама идея использовать машинное обучение связана с тем, что, с одной стороны, накоплено большое количество наблюдений, теоретических построений и даже статистических данных о факторах разной природы. Из их взаимодействия складывается выбор конкретной лингвистической формы: дативной конструкции с двойным объектом или же дативной предложной конструкции, определенной или неопределенной именной группы, некоторого референциального статуса имени. С другой стороны, так и не получилось придумать четкие формальные правила, которые бы учитывали все факторы, а любой конфликт значений факторов приводили к однозначному выбору лингвистической структуры. Метод машинного обучения дает возможность вывести такие правила из данных, максимизируя вероятностные показатели в зависимости от конкретного сочетания факторов. Обучение состоит в обработке большого количества наблюдений отдельных проявлений рассматриваемого феномена — в нашем случае это предложения в корпусе. Каждое такое наблюдение должно сопровождаться обучающей разметкой, отражающей поверхностное проявление тех самых факторов, которые мы считаем важными для анализа интересующего нас явления. Множество наблюдений дает распределение значений факторов, на основании которых строится математическая модель. Главная цель этой модели — подсчет вероятности того или иного лингвистического выбора (например, одного или другого типа дативной конструкции). Как будет показано ниже, сторонники использования обучающих моделей рассматривают их не просто как инструмент анализа, а как модель когнитивных функций человека. Иными словами, ключевая гипотеза состоит

в том, что лингвистический выбор, который делает человек, строится на тех же основаниях сопряжения разных факторов и оценки результата их взаимодействия.

Ниже будут рассмотрены три задачи, которые поставили перед собой три разных группы исследователей. Это задача предсказания выбора конструкции в дативной альтернативе, в течение нескольких лет решаемая группой исследователей в Стэнфорде под руководством Джоан Бреснан, а также задача соотнесения семантических параметров определенности и неопределенности с морфосинтаксическими и лексическими характеристиками именной группы, выполненная исследователями из института Карнеги Мелон и университета Питтсбурга, и задача моделирования референциального выбора, выполняемая группой ученых из МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Андрея Кибрика.

Работы Дж. Бреснан и ее коллег, выполненные в последние несколько лет [Bresnan 2007; Bresnan et al. 2007; Bresnan, Nikitina 2009; Bresnan, Ford 2010], посвящены применению количественных методов для описания явления, известного как *dative alternation*, дативное варьирование. В настоящем обзоре я буду рассматривать результаты, представленные в работе [Bresnan, Ford 2010], хотя описываемый подход был предложен еще в работе 2007 г. и в дальнейшем модель уточнялась, но не менялась существенно.

Дативное варьирование является чрезвычайно популярной темой для синтаксического и семантического анализа, библиография исследований этого вопроса насчитывает множество работ начиная еще с 70-х годов прошлого века ([Green 1971; 1974] и далее [Pinker 1989], подробную библиографию современных исследований см. в [Bresnan, Ford 2010]). Собственно языковой проблемой является объяснение дистрибуции двух типов оформления аргументов у трехместных глаголов, первый из них предполагает подъем реципиентной именной группы в позицию прямого дополнения (1), а второй — синтаксическое выражение реципиента с помощью косвенного дополнения с предлогом *to* (2).

- (1) *John gave Mary a book.*
- (2) *John gave a book to Mary.*
'Джон дал Мэри книгу'.

Подход Бреснан и ее коллег отличается от прочих количественных подходов тем, что авторы не просто используют статистические методы для определения частотности одной или другой конструкции в определенном контексте, но строят **предсказательную модель**. В этом смысле метод Бреснан оказывается близок к классификаторам, используемым в компьютерной лингвистике для машинного обучения. Сама идея лингвистической осмысленности понятия «предсказания» — **prediction** — требует обоснования: в [Bresnan, Ford 2010] этой задаче посвящен целый раздел. Авторы пишут о том, что в последние годы появляется все больше доказательств того, что предсказательность является важным параметром для восприятия и понимания языка. Это подтверждается нейролингвистическими исследованиями, в которых преактивация вызванных потенциалов мозга находится в корреляции с предполагаемым появлением исследуемых словоформ в определенном контексте. Другие исследования показывают, что слушатели используют механизмы порождения языка, которые помогают им строить предсказания, облегчающие понимание. Наконец, предсказательные модели объясняют многие эффекты частотности в овладении языком, его использовании и в исторических изменениях языка.

Бреснан и Форд утверждают, что и для синтаксических структур высокого уровня абстрактности можно построить работающую предсказательную модель. В целом довольно много известно про те параметры, которые так или иначе связаны с использованием каждой из дативных структур: доступность референтов, «сложность» (длина) лексического выражения, обозначающего референта, использование местоимений, одушевленность референта и так далее. Кроме того, оказалось, что большое значение имеет повтор той структуры, которая только что встретилась. Тем не менее, основная проблема, считают авторы, состоит в том, что большинство этих признаков оказываются взаимосвязанными или, другими словами, имеют взаимную корреляцию: личные местоимения короткие, определенные

и обычно одушевленные. Референты одушевленных имен, как правило, бывают определенными и часто являются «данным» в дискурсе, и они же часто могут обозначаться с помощью определений. Непонятно и то, каким образом, по каким правилам разрешаются конфликтные сочетания признаков. Каким образом можно понять, как именно характеристики влияют на выбор конструкции дативной альтернативы? И далее, можно ли построить модель, которая, опираясь на известные лингвистические признаки, предсказывала бы выбор конструкции. Бреснан и коллеги [Bresnan 2007; Bresnan et al. 2007; Bresnan, Nikitina 2009; Bresnan, Ford 2010] предлагают в качестве такой модели **логистическую регрессию** — фактически это классификатор, который, получая на вход дистрибуции набора признаков, считает для каждого конкретного случая шансы получить одно из значений бинарного ответа: 1 или 0. В данном случае классификатор должен поделить все конструкции на два класса: объектно-дативный (VP NP NP) и предложно-дативный (VP NP PP). Хочется отдельно подчеркнуть, что задача модели в данном случае не инженерная, несмотря на то, что, как показано в работе, точность (в данном случае аккуратность — *accuracy*) предсказаний равняется 94%. Этот классификатор дает возможность понять, каким образом устроено взаимодействие множества факторов, предсказательная сила классификатора в данном случае мыслится изоморфной человеческой способности угадывать выбор между двумя конструкциями. Кроме того, классификатор предоставляет возможности для дальнейших экспериментов: проверки значимости разных признаков, сравнения разных корпусов, экспериментального сравнения с результатами носителей разных разновидностей английского.

В чем суть математической модели, которую применяют к своим данным Бреснан и ее коллеги? Рассмотрим вначале то, как организованы данные, которые подаются на вход модели. Авторы используют базу данных, состоящую из 2386 вхождений с дативными конструкциями, которые были получены из трехмиллионного англоязычного корпуса телефонных разговоров. Далее данные были размечены по множеству параметров («предикторов»), начиная от собственно глагольной леммы, наличия местоимения, числа и определенности темы и реципиента и кончая весьма нетривиальными предикторами типа параллелизма синтаксической структуры (дативная конструкция повторяет структуру, заданную в предшествующем предложении). Затем были получены числовые коэффициенты для всех предикторов. Числовой коэффициент в данном случае выводится из значения распределения этого параметра в выборке, например из значения распределения местоименного выражения реципиента, определенности или неопределенности темы и так далее. Фактически, **каждый рассматриваемый случай употребления дативной конструкции представлен в виде суммы числовых коэффициентов** тех предикторов, которые реализуются в данной конкретной конструкции, см. рисунок 1:

Model B: Response modeled as depending on

fixed effects: semantic class + accessibility of recipient + accessibility of theme + pronominality of recipient + pronominality of theme + definiteness of recipient + definiteness of theme + animacy of recipient + person of recipient + number of recipient + number of theme + concreteness of theme + structural parallelism in dialogue + length difference (log scale) – 1

random effect: verb sense

Рис. 1. Модель предикторов дативной альтернативы [Bresnan et al. 2007]

При этом коэффициенты предикторов различаются своим знаком. Знак задается таким образом, чтобы соотнести лингвистические основания предсказания признака с выбором соответствующей конструкции. Предиктор с положительным знаком предсказывает выбор 1 (VP NP PP), а с отрицательным знаком выбор 0 (VP NP NP). Так, как видно из рисунка 1, предиктор типа «pronominality of recipient» со значением местоимения имеет отрицательное значение, потому что он предсказывает конструкцию с двойным объектом, в то время как,

например, предиктор «number of theme» со значением множественного числа, напротив, предсказывает предложную дативную конструкцию и имеет в модели положительное значение. Интересным образом вычисляется предиктор длины именной группы. Из исследований дативной альтернатики известно, что наиболее короткая именная группа становится ближе к глаголу — если короче реципиент, то к глаголу стремится реципиент, если короче тема, то тема. Для вычисления этого параметра авторы используют разность логарифма длин реципиента и темы. Таким образом, положительное значение предиктор принимает, если именная группа реципиента длиннее именной группы темы (выбор 1, предложная дативная конструкция), а отрицательный, если длиннее именная группа темы (выбор 0, конструкция с двойным объектом).

Еще один важный коэффициент модели, обозначаемый в формуле модели через переменную $\hat{u}_i$, используется для того, чтобы отразить лексическое значение глагола — дело в том, что в зависимости от семантики глаголы в большей или меньшей степени склонны предпочитать одну или другую конструкцию. Числовым коэффициентом в данном случае является оценка, усредняющая влияние признаков относительного нормального распределения конструкций с тем или иным семантическим типом глагола. Пример работы модели можно увидеть на рисунке 2.

$$\text{Probability}\{\text{Response} = \text{V NP PP} | \mathbf{X}, \mathbf{u}_i\} = \frac{1}{1 + e^{-(\mathbf{X}\hat{\beta} + \mathbf{u}_i)}}, \text{ where}$$

$$\mathbf{X}\hat{\beta} =$$

- 1.1583
- 3.3718{pronominality of recipient = pronoun}
- +4.2391{pronominality of theme = pronoun}
- +0.5412{definiteness of recipient = indefinite}
- 1.5075{definiteness of theme = indefinite}
- +1.7397{animacy of recipient = inanimate}
- +0.4592{number of theme = plural}
- +0.5516{previous = prepositional}
- 0.2237{previous = none}
- +1.1819 · [log(length(recipient)) - log(length(theme))]

and $\hat{u}_i \sim N(0, 2.5246)$

Рис. 2. Пример реализации предсказательной модели дативной альтернатики [Bresnan, Ford 2010]

Построив модель, авторы тестируют ее работу методом кросс-валидации (cross-validation), также очень часто применяющимся в компьютерной лингвистике в случае обучения на ограниченных данных. Суть метода состоит в том, что база 100 раз делится случайным образом на две части — часть большего объема для обучения (обучающий корпус), из этой части базы будут выводиться все коэффициенты, используемые в модели, и часть меньшего объема, тестовый корпус. Роль последней части состоит в том, чтобы проверить, насколько точны предсказания модели. Предложения этой части базы не участвовали в подсчете параметров, модель будет выводить предсказания на основе коэффициентов обучающего корпуса, а далее результаты будут сопоставляться с реальными данными базы. Суть проверки состоит в том, чтобы обработать 100 тестовых выборов, а затем посчитать среднюю классификационную аккуратность (отношение правильных ответов к общему числу ответов). Результат предсказательной силы классификатора в работе [Bresnan, Ford 2010] равен 0,945, что, безусловно, является очень высоким показателем.

В чем состоит научный потенциал классификатора, описанного в работах Дж. Бреснан и ее соавторов? Во-первых, такая модель помогает оценить значимость вклада различных признаков, выделяемых ранее интуитивно: с помощью специального алгоритма разные предикторы последовательно изымаются из модели и оценивается то, насколько сильно меняется результат. Важным теоретическим следствием является опровержение так называемых

«редукционистских» моделей, в которых противопоставление дативных конструкций сводится к противопоставлению двух ключевых параметров. Во-вторых, модель может быть использована для дальнейших исследований. Так, в [Bresnan, Ford 2010] описывается серия экспериментов, связанных с пониманием и порождением дативных конструкций, которые проводились в двух группах носителей английского: в группе американцев и в группе австралийцев. В результате обучения модели на данных экспериментов удалось показать, что носители австралийского варианта английского обладают несколько иными представлениями о значимости предикторов, чем американцы. Так, параметр длинной именной группы реципиента оказывается более значимым для австралийцев при выборе предложной конструкции, чем для американцев. Например, в контексте (3) вероятность выбора предложной конструкции (ii) *to my kids* равна 0,3309, а вероятность выбора двойной объектной конструкции (i) — 0, 6691:

- (3) *Speaker A: I wish they had just one central place, you know, where you can just dump all the recycling.
Because really I am not really looking for the money portion of it, you know.*
- Speaker B: Well I used to. It used to be a good days work.
(i) Instead of giving my kids an allowance,
(ii) Instead of giving an allowance to my kids,
I just told them they could go around the neighborhood and collect things to be recycled and then I would drive them over and they would get some money.*
- ‘Говорящий А: Я бы хотел, чтобы было одно основное место, куда можно сваливать все перерабатываемые отходы. Поскольку я, правда, тут думаю не о деньгах.
- Говорящий Б: Я и о деньгах думал. Это всегда было хорошим заработком.
(i/ii) Вместо того, чтобы давать моим детям на карманные расходы, я просто говорил им, что они могут пройтись по округе и собрать вещи, подходящие для переработки, а потом я их отвезу и они получат немного денег’.

Если в примере (3) используется распространенная именная группа, например *my kids and their cousin who is staying with us*, то модель предсказывает большую вероятность выбора предложной модели для австралийцев, чем для американцев.

Возвращаясь к использованию алгоритмов компьютерной лингвистики в теоретических исследованиях, отметим, в чем состоит роль классификатора в теоретических исследованиях. При построении инженерных моделей классификатор обучается на ряде параметров, чтобы достичь определенного качества (performance) в получении правильных ответов на моделируемый вопрос, в данном случае бинарный 1/0. Конкретные числовые параметры предикторов неважны, если система работает хорошо, сокращение предикторов интересно лишь для оптимизации инженерной задачи. При использовании классификатора в задачах теоретической лингвистики именно вклад (вес) предиктора оказывается наиболее ценным результатом. Если модель работает хорошо, то ее переобучение на других выборках и корпусах открывает возможности для измерения языковой вариативности в наиболее сложно уловимых областях, например, в области синтаксических предпочтений. Таким образом, ключевой потенциал классификатора при решении теоретических задач состоит, во-первых, в возможности **оценить вес** различных параметров при оценке сложного мультифакторного лингвистического явления, а во-вторых, в возможности использовать **числовые измерения** для нелексической языковой вариативности.

Еще одним примером использования машинного обучения для получения моделирования сложного языкового явления является работа [Bhatia et al. 2014], представленная на конференции Coling 2014 в Рейкьявике. В работе рассматривается проблема коммуникативной функции грамматической категории определенности. Сложность и многофакторность этого явления понятна каждому носителю русского языка — языка без артиклей, — который хоть раз пытался порождать тексты на английском — языке, в котором определенность и неопределенность маркируется грамматически. Надо сказать, что сама постановка задачи

связывается авторами с задачами машинного перевода с безартиклевых языков на языки с артиклями. Авторы приводят внушительную библиографию решения этой задачи для улучшения качества машинного перевода, однако в работе подчеркивается теоретическая ценность избранного авторами подхода. Так же, как и в работе [Bresnan, Ford 2010], авторы строят классификатор, основанный на множестве признаков, которыми может задаваться определенность или неопределенность именной группы. Однако в отличие от задачи объяснения дативной альтернации, в которой семантические параметры используются для предсказания синтаксической структуры, в данном случае, напротив, авторы используют синтаксические предикторы для предсказания семантических категорий. Сами семантические категории кодируются весьма сложным образом, в виде иерархической схемы, в которой собственно объектом категоризации являються термиы иерархии (leaf nodes), а их «родители» представляют собой лишь атрибуты, которые они наследуют, см. рисунок 3.

• NONANAPHORA [-A, -B]	999	• ANAPHORA [+A]	1574
- UNIQUE [+U]	287	- BASIC_ANAPHORA [-B, +F]	795
* UNIQUE_HEARER_OLD [+F, -G, +S]	251	* SAME_HEAD	556
· UNIQUE_PHYSICAL_COPRESENCE [+R]	13	* DIFFERENT_HEAD	329
· UNIQUE_LARGER_SITUATION [+R]	237	- EXTENDED_ANAPHORA [+B]	779
· UNIQUE_PREDICATIVE_IDENTITY [+P]	1	* BRIDGING_NOMINAL [-G, +R, +S]	43
* UNIQUE_HEARER_NEW [-F]	36	* BRIDGING_EVENT [+R, +S]	10
- NONUNIQUE [-U]	581	* BRIDGING_RESTRICTIVE_MODIFIER [-G, +S]	614
* NONUNIQUE_HEARER_OLD [+F]	169	* BRIDGING_SUBTYPE_INSTANCE [-G]	0
· NONUNIQUE_PHYSICAL_COPRESENCE [-G, +R, +S]	39	* BRIDGING_OTHER_CONTEXT [+F]	112
· NONUNIQUE_LARGER_SITUATION [-G, +R, +S]	117	• MISCELLANEOUS [-R]	732
· NONUNIQUE_PREDICATIVE_IDENTITY [+P]	13	- PLEONASTIC [-B, -P]	53
* NONUNIQUE_HEARER_NEW_SPEC [-F, -G, +R, +S]	231	- QUANTIFIED	248
* NONUNIQUE_NONSPEC [-G, -S]	181	- PREDICATIVE_EQUATIVE_ROLE [-B, +P]	58
- GENERIC [+G, -R]	131	- PART_OF_NONCOMPOSITIONAL_MWE	100
* GENERIC_KIND_LEVEL	0	- MEASURE_NONREFERENTIAL	125
* GENERIC_INDIVIDUAL_LEVEL	131	- OTHER_NONREFERENTIAL	148

	+	-	0		+	-	0		+	-	0
Anaphoric	1574	999	732	Generic	131	1476	1698	Predicative	72	53	3180
Bridging	779	1905	621	Familiar	1327	267	1711	Referential	690	863	1752
								Specific	1305	181	1819
								Unique	287	581	2437

: CFD (Communicative Functions of Definiteness) annotation scheme, with frequencies in the corpus. Internal (non-leaf) labels are in bold; these are not annotated or predicted. +/- values are shown for ternary attributes Anaphoric, Bridging, Familiar, Generic, Predicative, Referential, Specific, and Unique; these are inherited from supercategories, but otherwise default to 0. Thus, for example, the full attribute specification for UNIQUE_PHYSICAL_COPRESENCE is [-A, -B, +F, -G, 0P, +R, +S, +U]. Counts for these attributes are shown in the table at bottom.

Рис. 3. Семантические признаки категории определенности, использованные при построении модели [Bhatia et al. 2014]

Такой подход был выбран как компромисс между множеством классификаций семантических признаков, иерархическая таблица используется как способ представления семантических классов, однако, как пишут авторы, для использования классов в рамках модели осуществлялась декомпозиция иерархии. Каждая категория, обозначенная жирным шрифтом, принимает одно из значений +, - или 0. Категории, обозначенные нормальным шрифтом, наследуют признаки более высоких категорий, добавляя к ним свои собственные. Таким образом, полная спецификация так называемого атрибута (категории, которую будет предсказывать модель) состоит из закодированной восьмибуквенной последовательности, в которой каждая буква имеет положительное, отрицательное или нулевое значение. Так, например, атрибут, называемый Unique_Physical_Copresence (уникальный референт, связанный с физическим присутствием) получает отрицательные характеристики по параметрам анафоричности (A), бриджинга² (B), генеричности (G), нулевую характеристику по параметру

² Под бриджингом в терминологии компьютерной лингвистики понимается неанафорическая референциальная связанность лексем, такая как, например, в предложении *Петя вошел в комнату*

предикативности (P) и положительные характеристики по параметру известности (F), референциальности (R), специфичности (S) и уникальности (U), см. легенду на рисунке 3.

В соответствии с принятой схемой аннотации был размечен корпус из 868 предложений, включающий в себя выступления политиков, материалы СМИ и художественную прозу, см. рисунок 4 со схемой разметки отрывка из «Красной Шапочки».

Once upon a time there was a dear little girl who was loved by everyone who looked at her, but most of all by her grandmother, and there was nothing that she would not have given to the child.

Once she gave her a little riding hood of red velvet, which suited her so well that
SAME_HEAD DIFFERENT_HEAD OTHER_NONREFERENTIAL SAME_HEAD
NONUNIQUE_HEARER_NEW_SPEC

she would never wear anything else; so she was always called 'Little Red Riding Hood.'
SAME_HEAD QUANTIFIED SAME_HEAD UNIQUE_HEARER_NEW

Рис. 4. Пример разметки корпуса для обучения модели в [Bhatia et al. 2014]

Далее, для каждого из такого восьмизначного атрибута авторы работы строят классификатор, который предсказывает, относится ли именная группа к классу рассматриваемого атрибута или нет. Предсказывающими параметрами (предикторами), или, как их называют авторы работы, **перцептами** (percepts), в данном случае служат синтаксические характеристики именной группы, получаемые с помощью автоматического синтаксического анализа корпуса в формализме грамматики зависимостей, а также автоматического разрешения кореференции. Перцепты представляют собой данные трех типов. Во-первых, были использованы сами словоформы, их морфологические характеристики и леммы этих словоформ. Кроме того, использовались и другие словоформы, связанные с рассматриваемым именем, — его вершина, зависимые и главное слово (governor), ближайший глагол, с которым имя связано отношениями зависимости, а также вспомогательный глагол и отрицательная частица, если они были. Во-вторых, использовались структурные перцепты: длина зависимости от имени до основного узла и до ближайшего глагола, количество зависимых членов и количество зависимостных отношений. В-третьих, использовались позиционные свойства: длина именной группы, положение именной группы в предложении (первая или вторая половина), положение глагола, от которого зависит именная группа (слева или справа). Наконец, учитывался еще и контекст — для каждой рассматриваемой именной группы рассматривались также другие именные группы: непосредственный «родитель», непосредственный «ребенок», ближайшая предшествующая и последующая именные группы. Для всех контекстуальных именных групп также извлекаются основные перцепты. Входными данными для обучения являются именные группы корпуса, размеченные по атрибутам и связанные с набором перцептов. В результате применения лог-линейной модели предсказывается вероятность семантических характеристик (восьми значений атрибута), связанных с определенностью именной группы на основании набора лексических, синтаксических и контекстуальных характеристик (перцептов). Как и в работах [Bresnan et al. 2007] и [Bresnan, Ford 2010], особое место в исследовании занимает оценка того, насколько качественно работает модель, — ведь именно благодаря ей можно понять, насколько надежны будут теоретические выводы о значимости тех или иных лингвистических параметров для коммуникативной определенности. Авторы работы [Bhatia et al. 2014] используют несколько мер для оценки своей модели. Для сравнения они используют «золотой стандарт», размеченный корпус, который не участвовал в обучении. Предсказания, сформированные для этого корпуса, сравниваются с заранее написанной разметкой «эталонной» категорией. Кроме общей оценки, авторам важна также и индивидуальная оценка качества распознавания каждого атрибута — так, можно понять, какие именно семантические категории можно надежно предсказывать. Еще одна оценка — soft match, так называемое мягкое совпадение, — использовалось для того, чтобы учитывать

и закрыл окно. Мы понимаем, что окно находится в той самой комнате, в которую вошел Петя. Эта связь носит название бриджинга.

те атрибуты, которые были предсказаны не полностью, т. е. не все из восьми семантических параметров предсказанного атрибута совпали с эталонным. Результаты оценки отдельных атрибутов (leaf labels) представлены в таблице 1. В первой числовой колонке таблицы отражено количество вхождений каждого атрибута в тренировочный корпус — тот корпус, откуда были взяты данные для обучения модели. Во второй и третьей колонках таблицы представлены основные метрики оценки в процентном выражении: Precision, точность, и Recall, полнота. Параметр точности показывает нам меру того, насколько много ошибок было допущено в предсказании атрибута, например стопроцентная точность говорит о том, что все предсказания атрибутов данной категории были сделаны верно. Параметр полноты определяет то, насколько много было допущено пропусков. Так, уровень в 78% в первой строке таблицы говорит о том, что 22% случаев вхождения атрибута не были опознаны. Мера F — гармоническое среднее — показывает усредненное значение двух показателей. Из таблицы 1 видно, что для некоторых атрибутов явно не хватило данных в обучаемой выборке, а некоторые, например «bridging other context», распознаются очень плохо, так как совершенно не связаны с теми лингвистическими параметрами, которые подаются модели на вход. Действительно, связь определенности имени с внешним контекстом за пределами рассматриваемого предложения не определяется теми перцептами, которые использовались для построения модели. Авторы признают, что для того, чтобы строить предсказания таких атрибутов, нужно использовать более сложные семантические и дискурсивные характеристики. Кроме того, авторы замечают, что ряд проблем возникает из ошибок автоматической разметки. Так категории Same_head и Different_head распознаются очень плохо, несмотря на хороший объем обучающего материала. Причина неудачи видится авторам в плохой работе парсера, устанавливающего кореферентные связи, который был использован при предварительной обработке корпуса.

Таблица 1

Результаты работы модели [Bhatia et al. 2014]

Leaf label	No. of Instances	Prec.	Recall	F_1
Pleonastic	44	100	78	88
Bridging_Restrictive_Modifier	552	58	84	68
Quantified	213	57	57	57
Unique_Larger_Situation	97	52	58	55
Same_Head	452	41	41	41
Measure_Nonreferential	98	88	26	40
Nonunique_Hearer_New_Spec	190	36	46	40
Other_Nonreferential	134	39	36	37
Different_Head	271	32	33	32
Nonunique_Larger_Situation	97	29	25	27
Part_of_Noncompositional_MWE	88	20	17	18
Bridging_Nominal	33	33	10	15
Generic_Individual_Level	113	14	11	13
Nonunique_Nonspec	173	9	25	13
Bridging_Other_Context	96	33	6	11
Bridging_Event	9	—	0	—
Nonunique_Physical_Copresence	36	0	0	—
Nonunique_Predicative_Identity	10	—	0	—
Predicative_Nonidentity	57	0	0	—
Unique_Hearer_New	26	—	0	—

Преимущество модели состоит в том, что она дает возможность увидеть неожиданные связи между морфосинтаксическими свойствами именной группы и семантическими признаками, составляющими категорию определенности и неопределенности. Так, выясняется, что, кроме вполне ожидаемых грамматических признаков специфичности, таких как артикли, посессивные местоимения, имена собственные, местоимения второго лица, важным

фактором оказывается зависимость имени от предлога *from*. С другой стороны, именные группы, зависящие от прилагательных в сравнительной степени, почти всегда имеют характеристику неспецифичности. Выдвигая еще несколько неожиданных гипотез, авторы признают, что не могут точно сказать, насколько они действительно отражают общую тенденцию или же связаны с отклонениями в тренировочном корпусе. Для того, чтобы это проверить, нужны дополнительные, более обширные данные.

Наконец, интересным результатом работы предсказательной модели является эксперимент по сокращению обучающих характеристик (перцептов). Оказывается, например, что устранение из моделей артиклей не снижает существенным образом результатов предсказаний. Авторы делают вывод о том, что категория коммуникативной определенности в английском языке на самом деле гораздо богаче ее грамматического выражения.

Рассматриваемая работа является, по сути, первым шагом к анализу весьма сложной семантической категории определенности с помощью методов машинного обучения. Авторы считают своим важным достижением то, что им удалось показать многофакторность этой категории. В то же время заметим, что, в отличие от работ Дж. Бреснан и ее коллег, рассматриваемая работа все-таки ближе к инженерной модели машинного обучения, нежели к лингвистическому исследованию. Тем не менее, она дает представление о том, каким образом может быть продолжено изучение связанности семантических параметров определенности и морфосинтаксических характеристик имени.

Работа [Кибрик и др. 2010] посвящена применению машинного обучения для моделирования референциального выбора. Авторы указывают, что предложенная модель продолжает модели, которые были сделаны раньше [Kibrik 1996; 1999; Grüning, Kibrik 2003; 2005], однако ее отличие в том, что она построена на данных существенно большего объема. Корпус, положенный в основу исследования, имеет сложную разметку, включающую в себя разметку риторической структуры в рамках формализма, предложенного в работе [Mann, Thompson 1988], разметку референциальных выражений, используемых в анафорической функции, и их свойств, а также разметку именных или предложных групп, выполняющих функцию антецедента, и их характеристик. Между маркушками — аннотируемыми элементами — определяются отношения кореферентности. Каждое такое отношение соединяет два аннотируемых элемента — анафор и его антецедент. Задачей предсказательной модели являлось определение формального выражения анафора: полной именной группы или же местоимения. Обучение модели происходило с помощью наборов распределений признаков, извлеченных из корпуса. Признаки включали в себя, во-первых, общие свойства референта — первое или не первое упоминание в дискурсе, одушевленность и протагонизм, во-вторых, грамматические и позиционные признаки антецедента и анафора: входит ли антецедент в состав прямой речи, тип синтаксической фразы, грамматическая роль, также отдельно для антецедента указывалась референциальная форма (например, определенность). Наконец, последним типом признаков были свойства кореферентной связи: расстояние в словах, расстояние в маркушках между анафором и антецедентом, линейное расстояние в клаузах, риторическое расстояние в элементарных дискурсивных единицах по Манну и Томпсон. Для машинного обучения были выбраны логические алгоритмы классификации, позволяющие интерпретировать получаемые классы признаков, и логистическая регрессия. Как уже говорилось выше, преимущество логистической регрессии состоит в том, что она позволяет увидеть значимость отдельных факторов. Оценка качества предсказания модели показывает уровень в 85 %. Авторы сравнивают результаты работы модели с анализом выбора, совершаемого носителями, и приходят к выводу, что существует класс случаев, в котором выбор между местоимением и именной группой равновероятен. В этом случае предсказательный потенциал системы упирается в потолок. По аналогии с инженерными компьютерными лингвистическими моделями можно сказать, что точность оценки вероятности того или иного лингвистического явления (в нашем случае референциального выбора) не может быть выше уровня согласия носителей языка в том, к какому классу это явление относится (так называемый параметр *interannotator agreement*). В нашем случае это значит,

что при определенных условиях говорящий имеет более одной референциальной опции. Основной вывод авторов работы согласуется с выводом, сделанным в исследованиях, рассмотренных выше: оценка вероятности использования местоимения является аналогом когнитивного по своей природе коэффициента активации — «интегрального показателя, представляющего собой равнодействующую всех одновременно действующих факторов активации» [Кибрик и др. 2010: 179].

Итак, мы рассмотрели три работы, в которых были использованы алгоритмы машинного обучения для анализа многофакторных языковых явлений. Основные тенденции этого подхода, которые, очевидно, получат в ближайшем будущем широкое развитие, состоят в том, что классификатор, обученный на статистике распределения лингвистических признаков, используется для **предсказания**. В рассмотренных нами работах предсказание строилось от семантических признаков к ограниченному выбору формального выражения. Интуитивно такой тип предсказания наиболее близок к выбору лингвистического выражения, который делает говорящий. Для того чтобы поддержать это содержательное сходство, авторы использовали результаты дополнительных экспериментальных данных, полученных при работе с носителями языка. Такая параллель чрезвычайно важна, поскольку дает возможность рассматривать исследование не как инженерную конструкцию, пусть и отличающуюся высоким качеством, но как экспериментальное исследование, позволяющее получить новые знания о когнитивных процессах. Собственно, на сегодняшний момент мы можем видеть три области, которые могут быть исследованы в полной мере только с помощью предсказывающих технологий. Это, во-первых, **взвешивание признаков** при их взаимодействии и связь этих весов с результирующим предсказанием. Логистическая модель на сегодняшний день не считается самой эффективной с точки зрения достижения оптимального результата, однако это модель, дающая исследователю доступ в «черный ящик». Во-вторых, это **оценка значимости признаков** для предсказания результирующего выбора: появилась возможность измерить, насколько ухудшится предсказательная сила модели, если устранить тот или иной признак. Представляется, что именно у этого экспериментального метода очень большое будущее в области типологических исследований. Нельзя исключить, что модели, обученные на одинаковых мультиязыковых корпусах, будут показывать разные результаты при устранении того или иного признака. Иными словами, давно наблюдаемый факт того, что разные языки по-разному определяют важность или же несуществование тех или иных семантических параметров, получит не только объективное подтверждение, но и вполне конкретные измерители. Именно с **измерителями** связано, на мой взгляд, третье направление развития предсказательного подхода. В работе [Bresnan, Ford 2010] было показано, как одна и та же модель, натренированная на ответах носителей разных вариантов языка, давала разные результаты. Что принципиально важно, модель позволяет чрезвычайно точно определить, чем и насколько эти результаты отличаются. Иными словами, открывается возможность точного описания и содержательного сравнения всего многообразия языковой вариативности — форм, стилей, диалектов и идиолектов, причем именно в областях синтаксиса, семантики и прагматики, которые при традиционном подходе чрезвычайно трудно уловить и перевести в исчисляемые параметры.

3. Большие данные и ранжирование языков

Три работы, рассмотренные выше в части 2, различаются источниками данных, которые используются в исследовании. В работе [Bresnan, Ford 2010] речь идет фактически о базе данных, в которой каждый вход (предложение) снабжен определенным дескриптором. Модель, предложенная в [Кибрик и др. 2010], использует аннотированный вручную корпус с разметкой весьма сложной структуры. Наконец, в наиболее инженерно ориентированной работе [Bhatia et al. 2014] для построения модели используются автоматически размеченные корпуса. Именно источникам данных и возможности применения для получения лингвистических выводов автоматически размеченных корпусов будет посвящен настоящий раздел.

Развитие статистического направления в компьютерной лингвистике было бы невозможно без постоянного производства массивов данных — обучающих корпусов. Как правило, тексты для обучающих корпусов берутся из уже имеющихся корпусов, так например, самый известный корпус синтаксической разметки Пенсильванского университета Penn TreeBank использует для разметки не менее известный Brown corpus и корпус телефонных разговоров Switchboard. Однако очень часто в качестве материала разметки берется архив новостных сообщений или газетных статей, например, корпус Wall Street Journal, который был использован и в рассмотренной выше работе [Кибрик и др. 2010]. В определенный момент возникает практика выкладывания обучающих корпусов в открытый доступ, в частности благодаря распространению так называемых форматов Shared Tasks на конференциях, посвященных технологиям автоматической обработки языка. Shared Tasks представляют собой соревнования, к участию в которых приглашаются команды, разработавшие технологии по тематике объявленного задания. Задания могут быть самые разнообразные, и, надо сказать, с каждым годом они связываются со все более сложными лингвистическими явлениями и классификациями. Так, если первыми соревнованиями еще в 90-х годах были соревнования по автоматическому морфологическому анализу (см. например, краткий обзор таких соревнований в [Ляшевская и др. 2010]), далее весьма популярны были соревнования по автоматическому разрешению лексической многозначности (см., например, историю форумов Senseval и впоследствии Semeval в [Agirre, Edmonds 2007]), лингвистические темы в соревнованиях последних лет связаны с семантикой, грамматикой и синтаксисом. Так, в 2006—2009 гг. на конференции CoNLL (Natural language learning) проходили соревнования по автоматическому распознаванию синтаксических, а затем и семантических зависимостей, причем особенностью этих соревнований с 2007 г. стал мультязычный обучающий корпус [Nilsson et al. 2007; Surdeanu et al. 2008; Hajič et al. 2009]. В результате участники, используя обучающие корпуса соревнований, должны были выдать размеченные тестовые корпуса на нескольких десятках языков, а эксперты имели возможность оценить в том числе и то, какие языки в среднем лучше поддаются автоматическому анализу в рамках предложенной задачи, а какие хуже, что само по себе является небезынтересным лингвистическим фактом. Соревнования форума CoNLL в 2010 г. были связаны с автоматическим определением эпистемической модальности [Farkas et al. 2010], в 2011 и 2012 гг. — с автоматическим моделированием кореферентных связей [Pradhan et al. 2011; Pradhan et al. 2012], в 2013 г. Shared Task был посвящен автоматическому исправлению грамматических ошибок [Ng et al. 2013]. Тематика соревнований форума Semeval в последние годы тоже исключительно разнообразна: объектом автоматического моделирования стали такие неэлементарные лингвистические явления, как семантические роли, метонимия, временная референция, пространственные отношения и др. Причем для большинства этих явлений соревнования проводились на мультязычных данных. Наконец, нельзя не отметить, что с 2010 г. соревнования парсеров проводятся и в России на материале русского языка как часть программы международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог». Так, были проведены соревнования по морфологическому, синтаксическому анализу, по задачам разрешения референциальной неоднозначности, по лексической близости [Ляшевская и др. 2010; Толдова и др. 2012; Toldova et al. 2014]. Принципиально важно для темы настоящего обзора, что основным продуктом всех подобных мероприятий являются корпуса с разметкой, соответствующей тематике соревнования, находящиеся в открытом доступе. Эти корпуса используются в дальнейшем для обучения автоматических систем, но, как представляется, их потенциал в теоретических лингвистических исследованиях остается пока чрезвычайно мало оцененным. Фактически на сегодняшний день уже имеется огромный мультязычный массив данных, связанных с самыми разными лингвистическими объектами и явлениями. Корпуса с разметкой могут быть использованы и непосредственно как источник статистических данных о тех или иных явлениях, и как тренажер для обучения классификатора, которым исследователь впоследствии мог бы обработать тот корпус текстов, который его интересует. Ниже я чуть подробнее рассмотрю две работы, в которых

теоретические импликации базируются на корпусных данных, «оставшихся» от обучения автоматических модулей.

Работа [Futrell et al. 2014] была представлена на конференции AMLaP (“Architecture and Mechanisms for Language Processing”) в 2014 г. в Эдинбурге. Авторы поставили перед собой задачу, используя материал мультязыковых корпусов соревнования CoNLL 2007, проверить взаимосвязь между некоторыми синтаксическими характеристиками разных языков, а именно свободным порядком слов и длиной зависимостей. Принципиально отличает эту работу от работ по количественным типологическим исследованиям то, что использование корпусов дает возможность использовать не бинарные меры (свободный/несвободный порядок слов), а градуальные. Используя корпуса с размеченными деревьями зависимостей, можно подсчитать в числовом выражении длины зависимостей и уровни свободы порядка слов (в данном случае энтропию отклонения от нейтрального порядка слов). Такие подсчеты дают возможность представлять полученные данные в виде шкал и считать более сложные корреляции.

Авторы работы отталкиваются от двух гипотез, которые были сформулированы ранее в теоретических исследованиях. Во-первых, считается, что имеется корреляция между свободным порядком слов и наличием в языке падежей. Вопрос, который ставится в данном случае, звучит так: связана ли большая свобода порядка слов с большим количеством падежей? Во-вторых, исследуется длина зависимостной цепочки. Опять же опираясь на предшествующие теоретические работы, исследователи проверяют гипотезу о том, что по причинам, связанным с обработкой высказываний, развитие языков характеризуется постепенным уменьшением линейной длины зависимостной цепочки (длины от вершины к ее зависимому). Таким образом, второй задачей является определить среднюю длину зависимости. И наконец, итоговая цель исследования — посмотреть, насколько велика связь между свободой порядка слов в языке и увеличенной длиной зависимости. В таблице 2 представлен список из 34 языков, на данные которых опиралось исследование. Как мы видим, корпуса имеют неравномерный размер, однако в основном они превышают объем в сто тысяч словоформ. Поскольку исследуются явления, которые есть в каждом предложении, то такой объем представляется достаточным.

Таблица 2

Языковые корпуса, использованные в работе [Futrell et al. 2014]

Language	# Tokens	Source	Family / Region
English	470 367	HamleDT	IE / West Germanic
Dutch	214 389	HamleDT	IE / West Germanic
German	929 454	HamleDT	IE / West Germanic
Swedish	208 554	HamleDT	IE / North Germanic
Danish	105 750	HamleDT	IE / North Germanic
Spanish	493 794	HamleDT	IE / Romance
Catalan	458 241	HamleDT	IE / Romance
Portuguese	221 904	HamleDT	IE / Romance
French	412 933	UDT	IE / Romance
Italian	79 654	UDT	IE / Romance
Romanian	40 192	HamleDT	IE / Romance
Latin	56 616	HamleDT	IE / Classical
Ancient Greek	330 255	HamleDT	IE / Classical
Modern Greek	73 125	HamleDT	IE / Greek
Czech	1 591 651	HamleDT	IE / West Slavic

Продолжение табл. см. на с. 114

Продолжение табл. со с. 113

Language	# Tokens	Source	Family / Region
Slovak	958 706	HamleDT	IE / West Slavic
Slovenian	38 552	HamleDT	IE / South Slavic
Bulgarian	209 372	HamleDT	IE / South Slavic
Russian	532 360	HamleDT	IE / East Slavic
Persian	202 027	HamleDT	IE / Iranian
Hindi	307 783	HamleDT	IE / Indic
Bengali	8 381	HamleDT	IE / Indic
Basque	162 818	HamleDT	Isolate
Finnish	62 883	HamleDT	Finno-Ugric / Finnic
Estonian	10 806	HamleDT	Finno-Ugric / Finnic
Hungarian	145 567	HamleDT	Finno-Ugric / Ugric
Turkish	70 677	HamleDT	Turkic
Hebrew	162 500	HamleDT	West Semitic
Arabic	284 970	HamleDT	West Semitic
Tamil	10 181	HamleDT	Dravidian
Telugu	7 172	HamleDT	Dravidian
Indonesian	127 516	UDT	Austronesian
Japanese	174 925	UDT	East Asian / Isolate
Korean	76 029	HamleDT	East Asian / Isolate

Авторы используют формулу условной энтропии для того, чтобы подсчитать вариативность порядка слов, обусловленного типом синтаксических отношений. Фактически это вычисление можно интерпретировать как уровень неуверенности того, каким является порядок внутри зависимостного отношения. Первая, чрезвычайно интересная, диаграмма отражает энтропию ветвления: измеряется то, насколько легко предсказать позицию вершины, т. е., по сути, насколько позиция вершины следует правилам нейтрального порядка слов, см. рисунок 5 (с. 115).

Мы видим, что верхние и нижние строки списка выглядят совершенно ожидаемо: японский и корейский максимально предсказуемы с точки зрения положения вершины, а латынь и древнегреческий максимально свободны в смысле порядка слов. Наиболее информативна и интересна средняя часть списка, которая может быть получена только с помощью применения количественных методов к синтаксически размеченным корпусам.

На второй диаграмме отражена степень энтропии для порядка подлежащего и прямого дополнения, см. рисунок 6 (с. 115). Заметим, что для составления такой диаграммы не требуются сведения о том, каков порядок этих синтаксических элементов в языке. Источником данных здесь является стабильность и предсказуемость для любого порядка.

На диаграмму также нанесено деление языков на группы по количеству падежей (для этого использовалась информация из грамматики). Делается вывод о том, что языки со свободным порядком слов обязательно имеют богатую падежную систему, но в то же время многие языки, имеющие падежи, демонстрируют низкую вариативность порядка слов.

Результатом исследования является график, показывающий слабую позитивную корреляцию между длиной зависимости и свободным порядком слов (из графика исключены латынь и древнегреческий). Для сравнения данных авторы работы используют технику минимизации длины зависимости, предложенную в [Gildea, Temperley 2007], — алгоритм линеаризации зависимостей, суть которого заключается в том, что по определенным правилам сложные зависимостные деревья представляются как сумма небольших деревьев с минимальными расстояниями от главного слова к зависимому. Алгоритм линеаризации

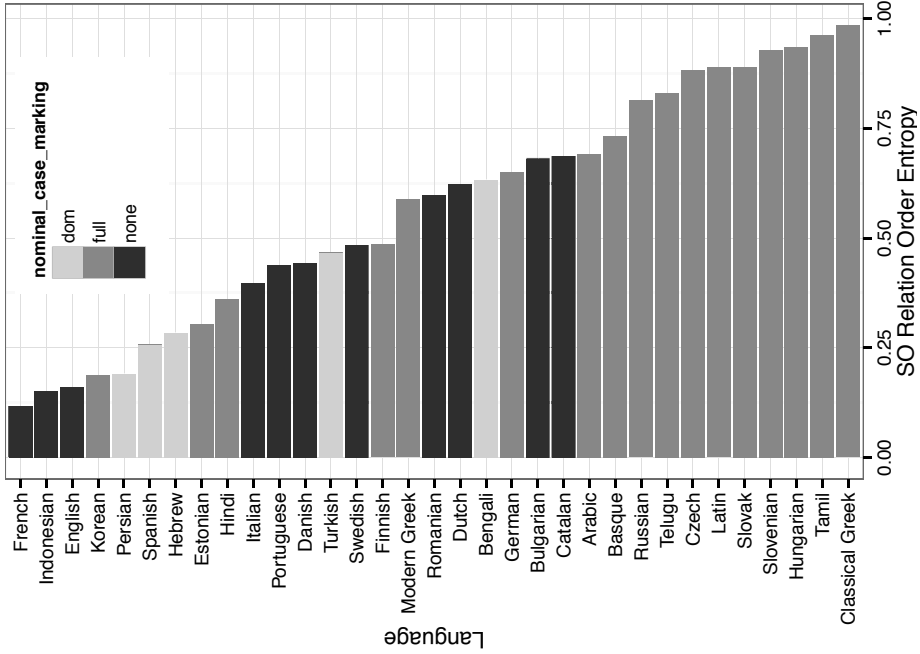

Рис. 6. Шкала языков по уровню варьирования порядка слов для подлежащего и прямого дополнения [Futrell et al. 2014]

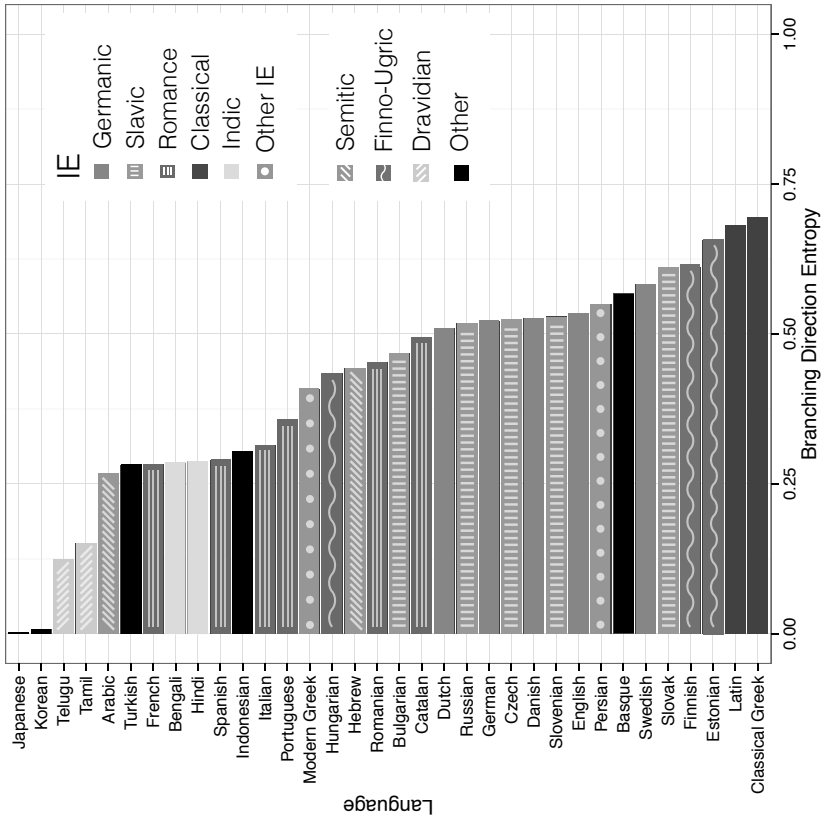
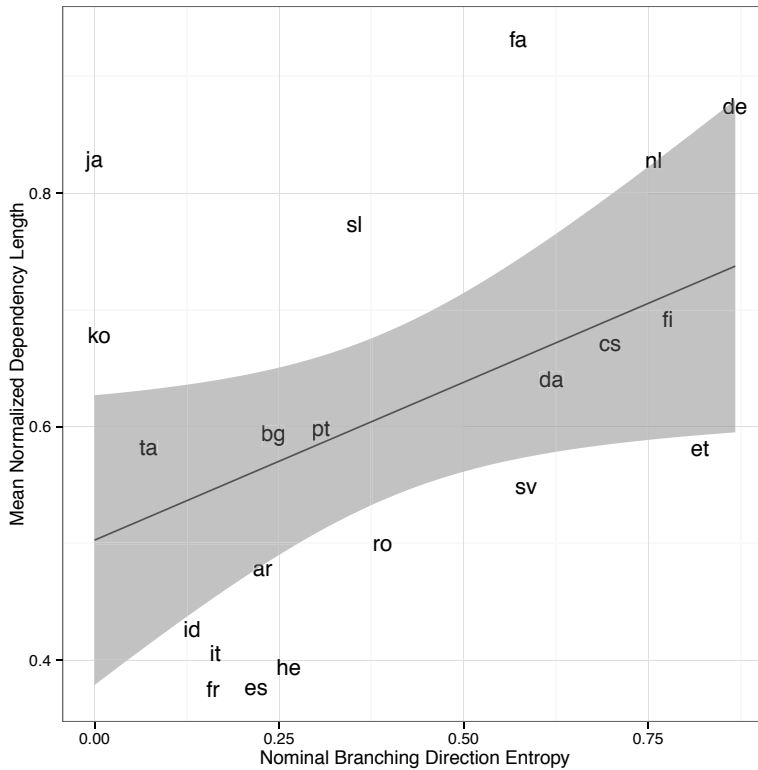

Рис. 5. Шкала языков по уровню варьирования направления ветвления [Futrell et al. 2014]

Рис. 7. График соотношения энтропии направления ветвления и средней нормализованной длины зависимости [Futrell et al. 2014]

позволяет представить данные каждого языка в трех графиках: средней длины зависимости, минимальной длины линеаризованной зависимости и случайной длины линеаризованной зависимости. Такое сравнение задает своего рода шкалу, распределение по которой различает языки. Эта шкала сопоставляется со шкалой варьирования порядка слов.

На графике (см. рисунок 7) оси абсцисс соответствует возрастание показателя уровня энтропии, отражающего уровень варьирования порядка слов, а ось ординат отражает шкалу трех длин зависимостей, полученных для каждого языка, которая нормирована до диапазона между 0 и 1. Авторы замечают, что слабая положительная корреляция не совсем соответствует концепции о том, что длина зависимости должна со временем стремиться к уменьшению: у языков со свободным порядком слов имеется склонность к увеличению длины зависимости.

Предварительные наблюдения, сделанные в работе [Futrell et al. 2014], безусловно ценны методологической новизной. Авторам удалось показать новый метод, дающий возможность построения языковых шкал типологических признаков, позволяющий также оценить взаимосвязь этих признаков между собой. Особо интересным в предложенном методе является то, что он дает континуальный способ представления типологических данных, не противопоставляя жестко языки по наличию того или иного признака, но лишь ранжируя их. Можно предположить, что при таком подходе менее остро стоит проблема адекватности языковой выборки для типологического исследования. При традиционном делении языков на две или несколько групп по наличию некоторого параметра (например, жесткого или свободного порядка слов) добавление новых языков в выборку меняет отношение между объемами групп в целом. В случае ранжирования на плавно возрастающей кривой каждый из языков является в некотором смысле отдельной группой. Добавление нового языка меняет изгиб кривой только в области ближайших соседей, не затрагивая другие части списка.

Еще один интересный опыт использования эталонного тестового корпуса в академическом исследовательском проекте представлен в работе [Nedoluzhko et al. 2015], посвященной сравнительному исследованию кореферентных цепочек в трех языках — английском, чешском и русском. Авторы используют материалы Пражского чешско-английского параллельного корпуса (Prague Czech-English Treebank (PCEDT)), имеющего три уровня разметки, в том числе и разметку кореферентных связей, а также корпус текстов с разметкой анафоры, созданный для проведения соревнования по автоматическому разрешению кореферентной неоднозначности в 2014 г. [Toldova et al. 2014]. Для исследования было взято примерно одинаковое количество новостных текстов на каждом из трех языков. Авторы сравнили частотность длин и структурных элементов кореферентных цепочек в текстах и показали, что за различиями в выборе оформления кореферентных связей стоят различия в предпочтениях тех или иных синтаксических структур в рассматриваемых языках. Оказалось, что три языка незначительно различаются по параметру длины цепочки: доли коротких и длинных цепочек примерно одинаковы в английском, чешском и русском. В то же время сравнение структурного состава цепочек обнаружило интересные особенности. Так, например, сравнительный анализ представленности разных типов маркабул — размеченных элементов кореферентных цепочек — показал, что в английском языке анафорические местоимения в позиции подлежащего составляют 8,6% от общего числа маркабул, в русском языке — 3,8%, а в чешском только 0,1% от всех маркабул. И русский, и чешский языки позволяют subject pro-drop — опущение местоименного подлежащего, однако для чешского языка такая стратегия является основной, а в русском эта синтаксическая возможность оказывается менее частотной. Как замечают авторы, можно сказать, что русский менее pro-drop-язык, чем чешский. Развивая этот подход, можно было бы, расширив языковую выборку, построить ранжирование языков по степени свободы опущения местоимения по аналогии с рассмотренной выше иерархией языков по варьированию порядка слов.

Другой интересный вывод из результатов сравнения кореферентных цепочек связан с использованием релятивного местоимения (для русского языка это *который*). Выясняется, что ранжирование языков по этому параметру устроено следующим образом. Наиболее часто релятивная анафора употребляется в чешском языке (8,5%), следующим за ним идет английский язык (6,9%), в русском языке кореферентные цепочки с *который* встречаются лишь в 4,1% случаев. Иначе говоря, мы видим, что два родственные языка ведут себя по-разному. Авторы предполагают, что такое расхождение связано с различиями в структуре клауз в рассматриваемых языках. Русский язык предпочитает релятивным оборотам нефинитные формы глагола, в то время как в чешском чаще встречаются относительные предложения. Эта гипотеза подтверждается при сопоставлении частотностей цепочек, включающих в себя инфинитивные конструкции с кореферентным, но не восстановимым на поверхностном уровне синтаксическим нулем (PRO) — см. таблицу 3, в которой иллюстрируется соотношение между финитными и нефинитными клаузами в английском, русском и чешском языках.

Таблица 3

Сравнение частотных характеристик финитных и нефинитных конструкций в трех языках [Nedoluzhko et al. 2015]

	Czech	English	Russian
number of finite clauses	1166	1005	663
number of nonfinite clauses	97	200	379

Как видно из таблицы 3, в этой мини-иерархии чешский является наиболее «финитным» языком, а русский наиболее «нефинитным». При этом авторы указывают на некоторую смещенность данных, поскольку имеют дело с параллельным корпусом, в котором тексты переводились с английского на чешский: возможно, структура предложения языка оригинала могла влиять на структуру переведенного предложения. Иначе говоря, при сравнении

самостоятельных текстов можно ожидать от чешского еще большей частотности финитных клауз.

Рассматриваемое исследование является пока только пилотным, однако в нем сделан очень важный шаг к выработке новых инструментов и методов лингвистических измерений. Распространение корпусов с глубоким аннотированием, включающим в себя не только морфологическую, но и синтаксическую, семантическую и анафорическую разметку, позволяет продвинуть методы корпусной лингвистики от лексического и морфологического уровня к изучению явлений более абстрактных уровней. Появление достаточного количества мультиязычных размеченных корпусов дает возможность использовать новые методы для сравнения языков: кроме деления языков на классы по наличию или отсутствию определенного грамматического признака (ср. принцип языковых карт и описаний в атласе WALS [Dryer, Haspelmath 2013]) появляется возможность определить степень выраженности этого признака с помощью числовой величины и упорядочить языковую выборку относительно этой величины.

4. Заключение

В обзоре ставилась задача показать на примере нескольких работ новые методы и подходы к исследованию теоретических вопросов лингвистики. Эти методы успешно применяются для решения задач компьютерной лингвистики, более того, они постоянно развиваются и совершенствуются. Одним из преимуществ их распространения является их доступность. Уже сейчас существует достаточно много пакетов и сред, позволяющих использовать методы машинного обучения, не владея специальным языком программирования³. С каждым годом в открытый доступ выкладывается все больше корпусов на разных языках, снабженных лингвистической разметкой, а также инструменты (парсеры), с помощью которых исследователь может разметить собственный корпус текстов. Так, например, в рассмотренной выше работе [Bhatia et al. 2014] экспериментальное исследование строилось на разметке, полученной в результате автоматического синтаксического и анафорического анализа собственного корпуса. Использование ресурсов и алгоритмов компьютерной лингвистики дает возможность получить количественные измерители «скрытых» явлений, таких, которые не могут быть получены с помощью прямого запроса к корпусу. Представляется, что принципиально новым свойством этих измерителей является их относительность: их суть состоит в том, что они количественно оценивают (предсказывают) роль отдельных факторов в сложных многофакторных процессах, обуславливающих то или иное поверхностное формальное выражение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кибрик и др. 2010 — Кибрик А. А., Добров Г. Б., Залманов Д. А., Линник А. С., Лукашевич Н. В. Референциальный выбор как многофакторный вероятностный процесс // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2010. Т. 9 (16). С. 173—179. [Kibrik A. A., Dobrov G. B., Zalmanov D. A., Linnik A. S., Lukashovich N. V. Referential choice as multifactorial probabilistic process. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2010. Vol. 9 (16). Pp. 173—179.]
- Ляшевская и др. 2010 — Ляшевская О. Н., Астафьева И., Бонч-Осмоловская А., Гарейшина А., Гришина Ю., Дьячков В., Ионов М., Королева А., Кудринский М., Литягина А., Лучина Е., Сидорова Е., Толдова С., Савчук С., Коваль С. Оценка методов автоматического анализа текста: морфологические парсеры русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2010. Т. 9 (16). С. 318—326. [Lyashevskaya O. N., Astaf'eva I., Bonch-Osmolovskaya A., Gareishina A.,

³ См., например, среду weka (<http://www.cs.waikato.ac.nz/ml/weka/>) или rapidminer (<https://rapidminer.com/>). Обе среды приспособлены для проведения экспериментов, имеют графические интерфейсы и очень подробные описания.

- Grishina Yu., D'yachkov V., Ionov M., Koroleva A., Kudrinskii M., Lityagina A., Luchina E., Sidorova E., Toldova S., Savchuk S., Koval' S. Assessment of methods of text automatic analysis: Morphological parsers of the Russian language. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2010. Vol. 9 (16). Pp. 318—326.]
- Толдова и др. 2012 — Толдова С. Ю., Соколова Е. Г., Астафьева И., Гарейшина А., Королева А. Н., Привознов Д., Сидорова Е., Тупикина Л., Ляшевская О. Н. Оценка методов автоматического анализа текста 2011—2012: синтаксические парсеры русского языка // Вестник компьютерных и информационных технологий. 2012. № 8. С. 14—19. [Toldova S. Yu., Sokolova E. G., Astaf'eva I., Gareishina A., Koroleva A. N., Privoznov D., Sidorova E., Tupikina L., Lyashevskaya O. N. Assessment of methods of text automatic analysis: Syntactic parsers of the Russian language. *Vestnik komp'yuternykh i informatsionnykh tekhnologii*. 2012. No. 8. Pp. 14—19.]
- Толдова, Ляшевская 2014 — Толдова С. Ю., Ляшевская О. Н. Современные проблемы и тенденции компьютерной лингвистики // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 120—145. [Toldova S. Yu., Lyashevskaya O. N. Contemporary issues and trends in computational linguistics. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 1. Pp. 120—145.]
- Agirre, Edmonds 2007 — Agirre E., Edmonds P. G. (eds). *Word sense disambiguation: Algorithms and applications (Text, speech and language technology*. Vol. 33). Dordrecht: Springer Science & Business Media, 2007.
- Bhatia et al. 2014 — Bhatia A., Lin Ch., Schneider N., Tsvetkov Yu., Talib Al-Raisi F., Roostapour L., Bender J., Kumar A., Levin L., Simons M., Dyer Ch. Automatic classification of communicative functions of definiteness. *Proceedings of the 25th International conference on computational linguistics*. Dublin City University and Association for Computational Linguistics, 2014. Pp. 1059—1070.
- Bresnan 2007 — Bresnan J. Is knowledge of syntax probabilistic? Experiments with the English dative alternation. *Linguistics in search of its evidential base, series: Studies in generative grammar*. Featherston S., Sternefeld W. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. Pp. 75—96.
- Bresnan et al. 2007 — Bresnan J., Cueni A., Nikitina T., Baayen R. H. Predicting the dative alternation. *Cognitive foundations of interpretation*. Boume G., Krämer I., Zwarts J. (eds). Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Science, 2007. Pp. 69—94.
- Bresnan, Ford 2010 — Bresnan J., Ford M. Predicting syntax: Processing dative constructions in American and Australian varieties of English. *Language*. 2010. Vol. 86. No. 1. Pp. 168—213.
- Bresnan, Nikitina 2009 — Bresnan J., Nikitina T. The gradience of the dative alternation. *Reality exploration and discovery. Pattern interaction in language and life*. Uyechi L., Wee L.-H. (eds). Stanford: Center for the Study of Language and Information, 2009. Pp. 161—184.
- Daume III, Campbell 2007 — Daume III, H. Campbell L. A Bayesian model for discovering typological implications. *Proceedings of the 45th annual meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL)*. Prague, June 23—30, 2007. Association for Computational Linguistics, 2007. Pp. 65—72.
- Dryer, Haspelmath 2013 — Dryer M. S., Haspelmath M. (eds). *The world atlas of language structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info>. Accessed on 2015-04-10.
- Farkas et al. 2010 — Farkas R., Vincze V., Móra G., Csirik J., Szarvas G. The CoNLL-2010 shared task: Learning to detect hedges and their scope in natural language text. *Proceedings of the Fourteenth conference on computational natural language learning: Shared task*. Association for Computational Linguistics, 2010. Pp. 1—12.
- Futrell et al. 2014 — Futrell, Mahowald K., Gibson E. *CLIQS: Crosslinguistic investigations in quantitative syntax*. Poster presented at AMLaP 2014.
- Gibson, Fedorenko 2013 — Gibson E., Fedorenko E. The need for quantitative methods in syntax and semantics research. *Language and Cognitive Processes*. 2013. Vol. 28. № 1—2. Pp. 88—124.
- Gibson et al. 2012 — Gibson E., Piantadosi S. T., Fedorenko E. Quantitative methods in syntax/semantics research: A response to Sprouse and Almeida. *Language and cognitive processes*. 2012. Vol. 28. No. 3. Pp. 229—240.
- Gildea, Temperley 2007 — Gildea D., Temperley D. Optimizing grammars for minimum dependency length. *Proceedings of the 45th annual meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL)*. Prague, June 23—30, 2007. Association for Computational Linguistics, 2007. Pp. 184—191.
- Green 1971 — Green G. Some implications of an interaction among constraints. *Papers from the Seventh regional meeting, Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society, The University of Chicago, 1971. Pp. 85—100.

- Green 1974 — Green G. *Semantics and syntactic regularity*. Bloomington: Indiana University Press, 1974.
- Grüning, Kibrik 2003 — Grüning A., Kibrik A. A. A neural network approach to referential choice. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2003»*. Moscow: Nauka, 2003. Pp. 260—266. [Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог-2003». М.: Наука, 2003. С. 260—266.]
- Grüning, Kibrik 2005 — Grüning A., Kibrik A. A. Modeling referential choice in discourse: A cognitive calculative approach and a Neural Networks approach. *Anaphora processing: Linguistic, cognitive and computational modelling*. Branco A., McEnery T., Mitkov R. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2005. Pp. 163—198.
- Hajič et al. 2009 — Hajič J., Ciaramita M., Johansson R., Kawahara D., Martí M. A., Márquez L., Meyers A., Nivre J., Padó S., Štěpánek J., Straňák P., Surdeanu M., Xue N., Zhang Y. The CoNLL-2009 shared task: Syntactic and semantic dependencies in multiple languages. *Proceedings of the Thirteenth conference on computational natural language learning: Shared task*. Association for Computational Linguistics, 2009. Pp. 1—18.
- Kibrik 1996 — Kibrik A. A. Anaphora in Russian narrative discourse: A cognitive calculative account. *Studies in anaphora*. Fox B. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1996. Pp. 255—304.
- Kibrik 1999 — Kibrik A. A. Reference and working memory: Cognitive inferences from discourse observation. *Discourse studies in cognitive linguistics*. Van Hoek K., Kibrik A. A., Noordman L. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 1999. Pp. 29—52.
- Mann, Thompson 1988 — Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization. *Text*. 1988. Vol. 8 (3). Pp. 243—281.
- Nedoluzhko et al. 2015 — Nedoluzhko A., Toldova S., Novák M. Coreference chains in Czech, English and Russian: Preliminary findings. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2015. Vol. 14 (21). Pp. 474—486. [Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27—30 мая 2015 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2015. Т. 14 (21). С. 474—486.]
- Ng et al. 2013 — Ng H. T., Wu S. M., Wu Y., Hadiwinoto C., Tetreault J. The CoNLL 2013 shared task on grammatical error correction. *Proceedings of the Seventeenth conference on computational natural language learning*. Association for Computational Linguistics, 2013. Pp. 1—24.
- Nilsson et al. 2007 — Nilsson J., Riedel S., Yuret D. The CoNLL 2007 shared task on dependency parsing. *Proceedings of the CoNLL shared task session of EMNLP-CoNLL*. Association for Computational Linguistics, 2007. Pp. 915—932.
- Pinker 1989 — Pinker S. *Learnability and cognition: The acquisition of argument structure*. Cambridge: MIT Press, 1989.
- Pradhan et al. 2011 — Pradhan S., Ramshaw L., Marcus M., Palmer M., Weischedel R., Xue N. CoNLL 2011 shared task: Modeling unrestricted coreference in ontonotes. *Proceedings of the Fifteenth conference on computational natural language learning: shared task*. Association for Computational Linguistics, 2011. Pp. 1—27.
- Pradhan et al. 2012 — Pradhan S., Moschitti A., Xue N., Uryupina O., Zhang Y. CoNLL-2012 shared task: Modeling multilingual unrestricted coreference in OntoNotes. *Joint conference on EMNLP and CoNLL-shared task*. Association for Computational Linguistics, 2012. Pp. 1—40.
- Surdeanu et al. 2008 — Surdeanu M., Johansson R., Meyers A., Márquez L., Nivre J. The CoNLL-2008 shared task on joint parsing of syntactic and semantic dependencies. *Proceedings of the Twelfth conference on computational natural language learning*. Association for Computational Linguistics, 2008. Pp. 159—177.
- Toldova et al. 2014 — Toldova S., Roytberg A., Ladygina A., Vasilyeva M., Azerkovich I., Kurzukov M., Sim G., Gorshkov D., Ivanova A., Nedoluzhko A., Grishina Y. RU-EVAL-2014: Evaluating anaphora and coreference resolution for Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2014. Vol. 13 (20). Pp. 77—90. [Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2014. Т. 13 (20). С. 77—90.]
- Wintner 2009 — Wintner S. What science underlies natural language engineering? *Computational Linguistics*. 2009. Vol. 35. No. 4. Pp. 641—644.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Е. В. Падучева. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. 304 с. [E. V. Paducheva. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. 304 p.] (Studia philologica.) ISBN 978-5-9551-0675-1.

Игорь Михайлович Богуславский

Igor M. Boguslavsky

Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН, Москва, 127051, Российская Федерация; Мадридский политехнический университет, Мадрид, 28040, Испания
bogus@iitp.ru

Kharkevich Institute for Information Transmission Problems, Russian Academy of Sciences, Moscow, 127051, Russian Federation; Universidad Politécnica de Madrid, Madrid, 28040, Spain
bogus@iitp.ru

В творчестве Елены Викторовны Падучевой тема отрицания занимает почетное место. Первая ее работа на эту тему, «Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке», вышла еще в 1969 г. в сборнике «Машинный перевод и прикладная лингвистика» [Падучева 1969]. Затем последовала книга «О семантике синтаксиса» [Падучева 1974], которая заложила основу изучения отрицательных предложений на много лет вперед. В ней было детально описано то, что теперь принято называть стандартным отрицанием. С тех пор Елена Викторовна много раз вплоть до самого последнего времени обращалась к тематике отрицания как в книгах, так и в нескольких десятках статей. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что отрицание является одной из тем, которые не отпускают Елену Викторовну на протяжении нескольких десятилетий и над которыми она продолжает размышлять. Поэтому неудивительно, что в своей книге 2013 г. «Русское отрицательное предложение» она предприняла попытку обобщить, систематизировать и осмыслить с единых позиций основные результаты, которые на сегодняшний день имеются в области русского отрицания и большая часть которых получена ею самой.

«Русское отрицательное предложение» по праву может считаться энциклопедией русского отрицания. Здесь представлен обширный, если не исчерпывающий, список специфических конструкций и явлений, возникающих в русском языке в контексте отрицания. Идиоматичность (значение отрицательного элемента, отличное от 'неверно, что'), способность отрицания по-разному взаимодействовать с различными элементами предложения, отрицание и генитив, отрицание и имперфектив, отрицательная поляризация, внутрисловное отрицание, подъем отрицания, отрицание и малый синтаксис — вот неполный список тем, обсуждаемых в книге. Надо сказать, что разные темы изложены с разной степенью подробности. Некоторые аспекты, которые нельзя обойти в монографическом описании, но по поводу которых автор не собирается сообщать читателю принципиально новых сведений, изложены конспективно. Так, первые три главы, которые можно считать вступительными и которые называются «Отрицание в логике и в лингвистике», «Средства выражения отрицания в русском языке» и «Семантические типы отрицательных предложений: общее и частное отрицание» соответственно, содержат от одной до трех (sic!) страниц каждая. Зато глава 6 «Генитив отрицания» вместе с примыкающими к ней экскурсами изложена на 82 страницах.

Перейдем к основному содержанию книги. Глава 4 «Сфера действия отрицания. Презумпция и ассерция. Снятая утвердительность» посвящена наведению порядка в понятийном аппарате, используемом для описания предложений с отрицательными элементами.

В ней дается обзор взглядов на ключевое понятие, необходимое для анализа отрицательных предложений, — понятие презумпции (имеющее более привычный для многих терминологический вариант «пресуппозиция»). Важность этого понятия для семантики отрицательных предложений трудно переоценить: пресуппозиция — это тот компонент значения, на который не может воздействовать отрицание, в отличие от противопоставленной ей ассерции, непосредственно подвергающейся отрицанию. Хорошо известно, что у понятия пресуппозиции есть не только семантический, но и прагматический аспект: если в предложении ложная ассерция, то такое предложение само является ложным, однако если ложной оказывается пресуппозиция, то предложение становится бессмысленным и вызывает коммуникативный провал. Хуже известно восходящее к У. Вайнрайху важное понятие контекста снятой утвердительности — такого, где пропозиция имеет нейтральную модальность и говорящий не несет ответственности за истинность пропозиции. Контекст снятой утвердительности создают номинализация, инфинитив, будущее время, косвенные наклонения, модальные слова, отрицание, вопрос, дизъюнкция, целевые и условные союзы, а также некоторые другие единицы. В книге показывается, что контекст снятой утвердительности играет важную роль при описании нереперентных неопределенных местоимений типа *какой-нибудь*, отрицания в глагольно-адвербиальных комплексах и предложений с кванторными словами.

Глава 5 описывает синтаксические типы общеотрицательных предложений. Здесь проводится строгое различие между семантическими и синтаксическими понятиями. Семантическое противопоставление — общее vs. частное отрицание — касается сферы действия отрицания независимо от позиции отрицательного слова в предложении. В общеотрицательных предложениях нет ни одного фрагмента смысла, который не входил бы в сферу действия отрицания. Напротив, в частноотрицательных предложениях такие фрагменты, естественно, есть. Синтаксическое противопоставление — предикатное отрицание (при финитном глаголе) vs. присловное отрицание (при прочих словах) — относится к позиции отрицания в предложении независимо от его сферы действия. Долгое время считалось, что эти противопоставления совпадают: в общеотрицательных предложениях отрицание стоит при сказуемом, а в частноотрицательных — при других словах. Однако этого совпадения нет, и возможны все четыре варианта: общеотрицательные предложения с предикатным отрицанием (*Петя не приехал* ‘неверно, что Петя приехал’), частноотрицательные предложения с предикатным отрицанием (*Почему Петя не приехал?* ‘почему неверно, что Петя приехал?’), общеотрицательные предложения с присловным отрицанием (*Петя не всегда приезжает* ‘неверно, что Петя приезжает всегда’) и частноотрицательные предложения с присловным отрицанием (*Почему Петя не всегда приезжает?* ‘почему неверно, что Петя приезжает всегда?’).

Базовое правило построения русского общеотрицательного предложения состоит в том, что «отрицание присоединяется к слову, которое соответствует **семантической вершине** исходного предложения, т. е. главному синтаксическому оператору, который участвует в его построении» (с. 43). В обычном случае таким оператором является личный глагол или предикатив, поэтому отрицание присоединяется к нему. Однако имеется несколько других классов слов, которые могут быть семантической вершиной предложения и, следовательно, могут присоединять к себе отрицательную частицу; в частности, таковы многие адвербиалы. Е. В. Падучева опирается здесь на то обстоятельство, что направление семантической связи между глаголом и адвербиалом противоположно направлению синтаксической связи между ними. Если синтаксически адвербиал подчиняется глаголу, то семантически он занимает более высокую позицию. Так, в предложении *Иван звонил не вчера* положение отрицательной частицы при адвербиале *вчера* объясняется тем, что в исходном утвердительном предложении *вчера* является предикатом второго порядка, актантом которого является предикация *Иван звонил*.

Мне кажется, что увязывание постановки отрицательной частицы при адвербиале с его более высокой семантической позицией относительно глагола — подход уязвимый. Дело в том, что в предложениях с адвербиалом в теме отрицание стоит все же при глаголе: *Вчера*

Иван не позвонил. Это заставляет автора постулировать в подобных предложениях специальную синтаксическую перестройку, в ходе которой «адвербиал может как бы перейти из сирконстантов в актанты глагола» (с. 45) и благодаря этому перестать семантически подчинять глагол. На мой взгляд, для такой перестройки нет оснований. Даже когда адвербиал *вчера* находится в позиции темы, он не перестает характеризовать время пропозиции ‘Иван не позвонил’, а у глагола *звонить* не увеличивается количество валентностей. Более простое объяснение фактов состоит в том, что отрицательную частицу притягивает к себе рематический компонент предложения. Отрицание стоит при адвербиале, когда именно он является ремой (*Иван звонил не вчера*), и при глаголе — когда в реме глагольная группа (*Вчера Иван не позвонил*).

В главе 5 рассматривается несколько видов нестандартного отрицания. Глобальное отрицание глагольно-адвербиального комплекса (в другой терминологии — отрицание с расширенной сферой действия) возникает, когда в сферу действия отрицания входит не только глагольная предикация, но и адвербиал. Это часто происходит в контексте снятой утвердительности, например, *Он обещал резко не тормозить*, и в контексте с семантикой ожидания, как в предложении *Трамвай не остановился, чтобы высадить пассажиров*. Смещенное предикатное отрицание в предложениях с глагольно-адвербиальным комплексом можно видеть тогда, когда отрицание стоит при глаголе, а в действительности воздействует на адвербиал, который при этом находится в позиции контрастной темы и маркируется интонационно: *План ↑полностью не продуман*. К ситуациям смещения, отмеченным в «Русском отрицательном предложении», хотелось бы добавить обязательное смещение отрицания к предлогу:

- (1) *Сел не в свой автомобиль* (‘сел в не-свой автомобиль’).
 (2) *Это предназначено не для тебя* (ср. *Это предназначено не тебе*).

Одна из самых интересных разновидностей нестандартного отрицания — это отрицание, которое Е. В. Падучева называет радикальным и которому в книге уделяется значительное внимание. Оно выступает во фразах типа (3), имеющих значение ‘не вернулся и тем самым не порадовал’:

- (3) *Иван не порадовал нас своим возвращением.*

Интересная особенность таких фраз состоит в их необычном соотношении с предложением без отрицательной частицы. В самом деле, в предложении (4) предикация ‘Иван вернулся’ является пресуппозицией, поскольку истинна как в утвердительном, так и в стандартном отрицательном предложении:

- (4) *Иван порадовал нас своим возвращением.*

При радикальной интерпретации отрицания отрицается не только ассерция этого утвердительного предложения (‘порадовал’), но и его пресуппозиция (‘вернулся’), что само по себе весьма необычно. В книге предлагается весьма изощренное объяснение этого явления, складывающееся из коммуникативной перестройки исходного утвердительного предложения и действия контекстной идентифицирующей импликатуры (‘вернуться — значит порадовать’). За счет коммуникативной перестройки происходит изменение статуса пропозиционального актанта с презумптивного на ассертивный, а идентифицирующая импликация приводит к изменению статуса пропозиции каузативного глагола с презумптивного на импликативный. Такая конструкция позволяет обойтись без неприятной необходимости признать, что в подобных предложениях отрицается пресуппозиция. Пресуппозиция здесь не отрицается, поскольку она уже превратилась в ассерцию: «в предложении, которое является исходным утвердительным при радикальном отрицании, не только пропозициональный актант Р [‘вернулся’ — *И. Б.*] меняет статус презумпции на статус ассерции, но и компонент Q [‘порадовал’ — *И. Б.*] меняет статус презумпции, который был бы положен ему при чисто коммуникативной перестройке, и становится **импликативом** <...>: *Иван не порадовал нас*

своим ↓возвращением = НЕВЕРНО, что (Иван вернулся, тем самым нас порадовал) = Иван не вернулся, тем самым нас не порадовал» (с. 63).

При всей привлекательности такого объяснения оно вызывает следующее сомнение. За исходный пункт принимается утвердительное предложение (4), отличающееся от предложения (3) с радикальным отрицанием тем, что в нем нет отрицательной частицы. Именно это предложение подвергается коммуникативной перестройке и превращается в предложение (5).

(5) *Иван вернулся, тем самым нас порадовал.*

Между тем (4) является исходным для радикально отрицательного предложения (3) только внешне (в одном из них есть отрицательная частица, а в другом нет). Семантически исходным утвердительным предложением для (3) является (5), и именно соотношение (5) → (3) составляет естественный предмет лингвистических правил. Иными словами, остается непонятым, почему и в рамках какой задачи необходимо соотносить (3) именно с (4) и тем самым постулировать коммуникативную перестройку, приводящую к превращению (4) в (5).

Взаимодействию отрицания с морфологической семантикой посвящена глава 6 «Генитив отрицания» и примыкающие к ней три экскурса. Это самая насыщенная материалом часть книги. В нее вошли в переработанном виде семь журнальных статей Е. В. Падучевой разных лет, а в приложении дается представительный список из более трехсот генитивных глаголов. Родительному падежу на месте именительного и винительного посвящена огромная литература. Отталкиваясь от нее, автор предлагает и тщательно обосновывает цельную концепцию генитива при отрицании, основные положения которой таковы.

1. Генитивная конструкция при отрицании имеет отчетливый семантический инвариант: «X-а нет в мире / в поле зрения наблюдателя / в личной сфере субъекта сознания или восприятия». «Наблюдаемое отсутствие» — один из важнейших концептов, значимых для русской картины мира. Условия употребления этой конструкции могут быть описаны в семантических терминах.
2. Все глаголы, допускающие генитивную конструкцию, объединяются тем, что в их состав входит один из двух семантических компонентов: экзистенциальный или перцептивный. Этот компонент должен обладать таким коммуникативным статусом, который допускает отрицание (ассерция или импликация).
3. В контексте глагола существования генитив субъекта выражает несуществование, а номинатив — конкретную референцию субъекта. В контексте предиката восприятия генитив может выражать не только несуществование, но и отсутствие в поле зрения. Благодаря включению в рассмотрение глаголов со значением восприятия оказалось возможным ослабить ограничение на статус именной группы субъекта. Предикат восприятия совместим с конкретно-референтным статусом (*Маши дома не оказалось*). В случае генитива объекта общая идея остается той же, но правило выбора падежа зависит от большего количества условий.
4. Генитивная конструкция может иметь форсированные употребления под давлением контекста и при негенитивном глаголе. С другой стороны, имеются факторы, препятствующие употреблению генитива и при генитивном глаголе.
5. В семантике конструкции с генитивным субъектом глагола *быть* в локативном значении имеется наблюдатель — субъект восприятия, занимающий определенное место в пространстве ситуации. Это является редким проявлением прямой эвиденциальности в русском языке: отсутствие объекта засвидетельствовано наблюдателем, находящимся в том же месте.
6. Выбор падежа (номинатив или генитив) в ряде случаев определяется концептуализацией ситуации со стороны говорящего, касающейся положения наблюдателя. Тем самым, оказалась разорвана казавшаяся незыблемой связь отрицательных предложений с трансформацией отрицания: в отрицательном предложении есть смысл, которого не было в исходном утвердительном (не считая самого отрицания).

Преодоление трансформационного подхода к отрицанию уже на другом материале демонстрируется и в главе 7 «Имперфектив отрицания», тоже связанной с морфологической тематикой. В рамках этого подхода считается, что переход от утвердительного предложения к отрицательному сопровождается (обязательно или факультативно) заменой совершенного вида глагола на несовершенный, так же, как и именительного / винительного падежа имени на родительный. Недостаток этого подхода состоит в том, что он не позволяет описать и объяснить особенности семантики видовых форм. А такое описание должно опираться на номенклатуру частных видовых значений. В «Русском отрицательном предложении» излагается многокомпонентная концепция вида, согласно которой частные видовые значения имеют несколько источников: собственное грамматическое значение, лексически обусловленное значение, синтаксически обусловленное значение, значение, обусловленное режимом интерпретации (нарративом) и дискурсивной функцией. Эта разветвленная система значений в сочетании с классификацией самих глаголов позволяет на новом уровне ответить на вопрос о том, в каких частных видовых значениях выступает имперфектив под отрицанием и в каких условиях он взаимозаменяем с перфективом. Например, в предельных конативах совершенного вида компонент 'действовал с целью' находится в пресуппозиции, в то время как в несовершенном виде он составляет ассерцию. Поэтому такие аспектуальные пары всегда противопоставлены, см. *не решил ≠ не решил*. При этом в предельных неконативных глаголах в совершенном виде отрицается не только результат, но и само действие, что порождает возможность синонимии с несовершенным видом, см. *не читал ≈ не прочитал*.

Красивое соотношение перфектива и имперфектива наблюдается в отрицательном модальном контексте. Рассматриваются две основных модальности — возможность и необходимость, у каждой из которых есть четыре разновидности: внутренняя, внешняя, деонтическая и эпистемическая. Все эти модальности ставятся в одни и те же условия: в утвердительном предложении подчиненный модальному слову инфинитив стоит в совершенном виде (например, *Ты должен уйти*). Задается вопрос: что происходит с видом этого инфинитива при отрицании модальности? Корпусные данные показывают, что модальности возможности и необходимости с этой точки зрения ведут себя существенно по-разному. В случае модальности возможности совершенный вид переходит в несовершенный только в деонтической разновидности (*Здесь можно перейти улицу — Здесь нельзя переходить улицу*). Остальные три разновидности возможности сохраняют при отрицании совершенный вид инфинитива. При модальности долженствования картина обратная: в трех разновидностях долженствования происходит переход совершенного вида в несовершенный, и только в одной (эпистемической) совершенный вид остается неизменным (*Иван мог ошибиться — Иван не мог ошибиться*).

Глава 8 посвящена соотношению отрицания и лексической семантики. Здесь сводятся воедино несколько классов ситуаций, когда для понимания функции отрицания приходится принимать во внимание те или иные компоненты лексического значения. Обсуждаются такие явления, как воздействие отрицания на актантную структуру глагола (*не доехал двух километров*), отрицательная поляризация в связи с местоимениями на *бы то ни было*, внутрисловное отрицание, подъем отрицания, частицы-двойственники (типа *еще / уже*) и отрицание с нестандартной сферой действия. По каждой из этих тем читателю предлагается не только краткий обзор имеющихся результатов, но и нередко некоторое продвижение вперед. Выскажем несколько мелких замечаний.

Внутрисловным называется такое отрицание, которое входит в толкование какого-либо слова. Среди приводимых примеров есть вполне прозрачные (типа *отказаться* или *прекратить*), но есть и такие, в которых наличие компонента 'неверно' не совсем очевидно, например, наречие *вдали*, которое означает 'на большом расстоянии от чего-то'. На с. 226 сообщается, что «контрарное отрицание не является синтаксически автономным, и поэтому не удивительна невозможность употребления отрицательного местоимения *никакой* [в его контексте]». Здесь явно пропущено какое-то уточнение, поскольку стандартным примером контрарного отрицания является именно синтаксически автономное отрицание: *Альфред не любит современную музыку <никаких новшеств>* (с. 19). Наконец, в связи с проблемой

добавления новой валентности под воздействием отрицания (*не доехал двух километров*) хотелось бы обратить внимание на недавнюю работу [Л. Иомдин, Б. Иомдин 2013], в которой приводится новый разнообразный материал по этой теме.

Последняя, 9-я, глава обсуждает поведение отрицания в конструкциях малого синтаксиса: в противопоставительной конструкции, в вопросительном предложении и в конструкции с имплицитным отрицанием. Мне ближе всего первая из этих тем, и поэтому я остановлюсь на ней подробнее.

Противопоставительная конструкция — это конструкция, в которой наряду с отрицательной частицей присутствует или подразумевается союз *а*: *Нет, не тебя так пылко я люблю*. Давно замечено, что многие эффекты, свойственные отрицательным конструкциям, в контексте противопоставления ослабевают или полностью снимаются. Например, замена слова с отрицанием на антоним допустима только вне противопоставительного контекста, см. *Ваня не спит* ≈ *Ваня бодрствует*, но *Ваня не спит, а притворяется* (**Ваня бодрствует, а притворяется*). В книге перечисляются многие из этих эффектов. Стоило бы добавить, что это разрушительное воздействие противопоставительного контекста имеет простое объяснение: дело в том, что различия между противопоставительным и непротивопоставительным (нейтральным) отрицанием в значительной мере сводятся к различиям в их сфере действия [Богуславский 1985: 61—82]. Огрубляя их можно сформулировать так. Эксплицируем актуальное членение предложения посредством расщепленной конструкции с предикатом идентификации: *Ваня уснул* ‘то, что сделал Ваня (тема), есть уснул (рема)’, ср. *Уснул Ваня* ‘тот, кто уснул (тема), есть Ваня (рема)’. В этом случае можно сказать, что сфера действия нейтрального отрицания лежит внутри либо тематического, либо рематического компонента значения, в то время как противопоставительное отрицание воздействует непосредственно на предикат идентификации, соединяющий тему и рему, например:

- (6) *Ваня не уснул* ‘то, что сделал Ваня, есть не уснул’ (отрицание в составе ремы; противопоставления нет),
- (7) *Не уснул Ваня* ‘тот, кто не уснул, есть Ваня’ (отрицание в составе темы; противопоставления нет),
- (8) *Уснул не Ваня* ‘тот, кто уснул, не есть Ваня’ (отрицается предикат идентификации; есть противопоставление).

Отсюда ясно, почему в случаях (6) и (7) замена *не уснул* на *бодрствует* возможна, а в случае (8) — нет: в нейтральном контексте в сферу действия отрицания входит предикат ‘уснул’, а в противопоставительном — утверждение об идентичности того, кто уснул, и Вани. Аналогичные рассуждения объясняют и остальные различия в поведении нейтрального и противопоставительного отрицания.

Любопытно, что в некоторых противопоставительных предложениях отрицается не просто идентификация, а метаязыковой предикат названия. Например, фраза *Мы не пьем, а дезинфицируем душевные раны* говорит не о том, что имеет место не одно действие, а другое (как в случае *Не спим, а работаем*), а о том, что данное действие правильно называть не одним способом, а другим.

Работы Е. В. Падучевой играют для меня особую роль. Не могу сказать, что я всегда соглашусь со всеми утверждениями, которые в них содержатся. Конечно, в них всегда немало точных наблюдений и бесспорных утверждений, которые можно только с удовольствием заносить в копилку новых знаний. Но не меньшую ценность имеют для меня и те фрагменты сочинений Е. В. Падучевой, которые «царапают» — вызывают несогласие (или неполное согласие) и приглашают к спору. Размышления над такими фрагментами, бывает, приводят к тому, что вещи, о которых я и не подозревал, что они мне непонятны, становятся яснее. А бывает, что орешек оказывается слишком крепким и вопрос так и остается открытым и продолжает манить. Однако в любом случае каждая работа Е. В. Падучевой — это свежий и часто неожиданный взгляд на проблему, выводящий наши знания на новый уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богуславский 1985 — Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М.: Наука, 1985. [Boguslavsky I. M. *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike: sfery deistviya logicheskikh slov* [Studies in syntactic semantics: Spheres of logical words]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Л. Иомдин, Б. Иомдин 2013 — Иомдин Л. Л, Иомдин. Б. Л. Отрицание и валентности в русском языке (по корпусным данным) // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2013». СПб: Издательство СПбГУ, 2013. С. 281—291. [Iomdin L. L, Iomdin. B. L. Negation and valencies in Russian (a corpus-based study). *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika — 2013»*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2013. Pp. 281—291.]
- Падучева 1969 — Падучева Е. В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1969. Вып. 12. С. 5—35. [Paducheva E. V. Semantic analysis of negative sentences in Russian. *Mashinnyi perevod i prikladnaya lingvistika*. 1969. No. 12. Pp. 5—35.]
- Падучева 1974 — Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. [Paducheva E. V. *O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka* [On the semantics of syntax. Materials for a transformational grammar of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1974.]

F. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze (eds). Borrowed morphology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. vi + 310 p. (Language contact and bilingualism. Vol. 8.) ISBN 978-1-61451-556-2.

Наталья Марковна Стойнова

Natal'ya M. Stoinova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, 119019, Российская Федерация

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation

stoinova@yandex.ru

stoinova@yandex.ru

Рецензируемый сборник посвящен проблематике морфологических заимствований: известно, что если лексика (по крайней мере, некоторая ее часть) заимствуется из языка в язык легко и повсеместно, то заимствования в области деривационных показателей и особенно словоизменения — явление более редкое и требующее особого объяснения. Примеры подобных заимствований и стоящие за ними механизмы с разных точек зрения обсуждаются в настоящем сборнике.

Открывает его большая вводная статья, написанная редакторами сборника. Статья содержит, в частности, подробнейший обзор работ о морфологических заимствованиях, а также о заимствованиях и языковых контактах в целом. Библиографический список к ней включает около ста пунктов — от общих исследований классиков, таких как Боас, Сепир, Мейе, Якобсон, Трубецкой, до очень частных работ, описывающих конкретные случаи морфологического заимствования, опубликованных в труднодоступных изданиях. В начале статьи редакторы формулируют основные задачи, стоявшие перед ними при подготовке сборника. Они отмечают, что к настоящему моменту накоплено достаточно много разрозненных эмпирических наблюдений о заимствованиях в области морфологии, при этом глобальных обобщений, позволяющих объединить все эти наблюдения в стройную систему, по-прежнему недостает.

Основной своей целью редакторы и авторы сборника видят, таким образом, интеграцию имеющихся эмпирических данных и их глобальную ревизию с общетеоретических позиций. Формат сборника самодостаточных статей отчасти упрощает эту задачу. В частности, он позволяет привлечь максимум разнообразных методов, точек зрения и подходов к одному и тому же или сопоставимым предметам. Соответственно, сборник содержит статьи

более абстрактного характера и анализ конкретного материала; статьи в жанре «case study» и обобщающие типологические статьи; статьи, привлекающие в качестве вспомогательных экстралингвистические данные (социокультурную информацию, результаты генетических исследований), и статьи, апеллирующие в большей степени к структурным свойствам контактирующих языков. С другой стороны, тот же формат отдельных статей задачу отчасти и усложняет, так как создает опасность не достичь желаемого уровня единого теоретического обобщения, оставшись на уровне несвязанных ярких наблюдений.

В данном случае этого, однако, не происходит, во многом как раз благодаря вводной статье, создающей единую теоретическую канву, в которую встраиваются отдельные статьи сборника, в том числе и самые эмпирически ориентированные. Редакторы последовательно перечисляют все самые глобальные вопросы, возникающие при исследовании морфологических заимствований: чем они отличаются от лексических и чем различаются между собой; предполагают ли какие-то особые социолингвистические условия; есть ли структурные предпосылки, облегчающие или усложняющие морфологическое заимствование; какого рода морфологический материал заимствуется легче (и чаще), а какой сложнее (и реже), и под. После этого читателю предлагается краткое изложение тех ответов, которые на данный момент имеются у разных лингвистов. Обсуждается, в частности, общее представление о морфологических заимствованиях, введенное У. Вайнрайхом, а также базовое разделение морфологических заимствований на *matter-borrowing* (MAT-borrowing) (заимствование формы) vs. *pattern-borrowing* (PAT-borrowing) (заимствование модели, кальки), в терминологии Я. Матраса и Ж. Сакель. В рамках PAT-borrowing упоминается также так называемая *gripica grammaticalization* (или контактно-обусловленная грамматикализация), обсуждаемая в рамках понятийного аппарата теории грамматикализации, например, Б. Хайне и Т. Кутевой. Отдельно рассматриваются теории Ф. Гардани, К. Майерс-Скоттон и Я. Матраса, описывающие и объясняющие разную степень «доступности для заимствования» в разных фрагментах морфологии — в частности, словоизменения / словообразования и семантических / синтаксических словоизменительных категорий (*inherent / contextual inflection*). Обсуждается также граница между «радикальным заимствованием» и образованием нового языка, а также принципы, разработанные специалистами по контактному языку, которые могут быть обобщены и на случаи заимствования (например, понятие *relabelling*, применяемое в креолистике К. Лефевр). Отдельно упоминается проблема интерпретации эмпирических наблюдений о морфологическом сходстве двух языков: в каком случае можно предполагать заимствование, а в каком генетическое родство. Все эти вопросы под разными углами и на разном материале ставятся и в остальных статьях, входящих в настоящий сборник.

Сборник состоит из трех разделов. В первом разделе рассматриваются теоретические проблемы, связанные с морфологическими заимствованиями, второй посвящен заимствованиям в области деривационной морфологии, третий — заимствованиям в области словоизменения.

Первый раздел сборника, теоретический, составляют две статьи. Цель статьи С. Томасон («When is the diffusion of inflectional morphology not dispreferred?») — подвергнуть сомнению представление о том, что заимствование словоизменительной морфологии относится к разряду экзотических явлений. В статье обсуждаются социолингвистические ситуации, при которых контактно-обусловленное изменение в морфологической системе не только не редкость, но и вполне ожидаемое событие. Это, в первую очередь, ситуация интенсивного контакта между двумя близкородственными языками или диалектами одного языка. В статье обсуждаются также случаи, когда языки не родственны, но обладают достаточной «типологической близостью», чтобы с легкостью допускать заимствование морфологии. Другой случай (который, впрочем, по замечанию автора, нельзя назвать заимствованием в узком смысле слова) — ситуация языкового сдвига, когда носители, переходя на новый язык, добавляют в него некоторые черты прежнего, в том числе морфологические, так называемая «интерференция, обусловленная языковым сдвигом». Наконец, самый

необычный и редкий, но тем не менее зафиксированный в языках мира случай — это случай «сознательного морфологического изменения», в ситуации, например, когда у языкового сообщества есть цель намеренно противопоставить свой идиом некоторому близкородственному. Во всех перечисленных ситуациях может заимствоваться как сам языковой материал (MAT-borrowing по [Sakel 2007]), так и только соответствующая «модель» (PAT-borrowing).

Статья Я. Матраса (с симметричным предыдущей названием «Why is the borrowing of inflectional morphology dispreferred?») отвечает на отчасти противоположный вопрос: почему, тем не менее, заимствование словоизменения встречается значительно реже, чем заимствование словообразования и тем более лексем. Автор подходит к этому вопросу не с точки зрения языковой структуры, а с точки зрения употребления: такой подход к заимствованиям он называет ориентированным на говорящего. Суть подхода в том, что заимствование для говорящего-билингва свидетельствует о его готовности в определенном месте стереть границу между кодами (которые в принципе используются им в разных ситуациях, связаны с разным опытом и в норме не должны смешиваться), см. [Matras 2009]. При этом морфологию, и в особенности словоизменение, которое организует всю структуру предложения, по мнению автора, говорящий в большей степени считает принадлежностью того или иного языка, чем лексику, то есть в этом месте граница оказывается менее «проходимой». При этом, как и С. Томасон, Я. Матрас рассматривает условия, позволяющие обойти эту границу, — также апеллирующие к позиции говорящего-билингва. Так, он приводит примеры заимствования словоизменительной морфологии, при котором исходно словоизменительный показатель реинтерпретируется как деривационный (и, таким образом, соответствующее ограничение с него снимается), а также предсказывает (ср. с предыдущей статьёй), что с большей легкостью должно происходить заимствование модели (PAT-borrowing), чем заимствование собственно языкового материала, поскольку такое заимствование не осознается говорящими как нарушающее межъязыковую границу. Облегчается заимствование и в случаях, когда в языке-реципиенте уже есть морфологический показатель, формально схожий с заимствуемым и близкий по значению (так называемая «межъязыковая морфологическая аналогия»). Кроме того, ограничения на заимствования не действуют, если заимствованная морфология оформляет заимствованные же основы (это тоже объясняется через употребление: так называемое «морфологическое обособление»).

Второй раздел сборника, в котором рассматриваются случаи заимствования деривационных показателей, включает три статьи. Заимствование деривационной морфологии — наиболее частотный и наиболее исследованный тип морфологического заимствования. Вследствие этого данный раздел сборника посвящен не просто частным случаям заимствования деривации, а самым необычным из них или представляющим интерес в более широкой перспективе.

В статье Э. Когил («Borrowing of verbal derivational morphology between Semitic languages: The case of Arabic verb derivations in Neo-Aramaic») опыт исследования заимствования показателей «европейского типа» переносится на материал семитских языков, в которых деривационная морфология представлена не аффиксами, а разными огласовками корня: автор рассматривает судьбу арабских деривационных морфем в ново-арамейских языках.

В статье М. Багриачика, А. Ралли и Д. Мелисаропулу («Borrowing verbs from Oghuz Turkic: Two linguistic areas») стратегия оформления тюркских (огузских) глагольных заимствований рассматривается как диагностический признак, позволяющий противопоставить два лингвистических ареала — Балканы и запад Малой Азии vs. восток Малой Азии, Кавказ и Средняя Азия. В первом тюркский глагол оформляется тюркским же суффиксом прошедшего времени (indirect insertion по [Wohlgemuth 2008]), а во втором — эвиденциальным суффиксом и вспомогательным глаголом (indirect insertion + light verb по [Wohlgemuth 2008]).

М. Роббетс в своей статье («Common denominal verbalizers in the Transeurasian languages: Borrowed or inherited?») ищет разумный компромисс между двумя крайними позициями: всякое видимое сходство морфологического материала считать поводом для установления языкового родства или, наоборот, на волне увлечения темой морфологических

заимствований видеть их там, где для этого нет реальных оснований. Проблема исследуется на материале вербализаторов в алтайских (или трансевразийских в терминологии автора) языках — макрообъединении языков, о взаимном родстве которых до сих пор идут споры. Автор рассматривает целый ряд разного рода критериев, по которым можно оценить, имеем ли мы дело с заимствованием, и приходит к выводу о большей вероятности наследования соответствующих морфем из общего языка-предка, нежели их заимствования.

Третий раздел сборника, посвященный заимствованию словоизменения, по объему превосходит два предыдущих: он состоит из пяти статей. Это само по себе примечательно, поскольку словоизменительная морфология подвергается заимствованию с большим трудом, чем деривационная. Видимо, поэтому как раз такие, наиболее экзотические, случаи привлекают особое внимание авторов сборника. Также бросается в глаза и кажется неслучайным тот факт, что в четырех статьях из пяти описываются языки с очень нетривиальным социолингвистическим статусом. Ламунхинский говор эвенского языка, рассматриваемый в статье Б. Пакендорф, подвергался и подвергается сильному влиянию якутского языка, причем привлекаемые автором генетические данные свидетельствуют о длительной традиции браков между эвенскими женщинами и якутскими мужчинами (но не наоборот). Австралийский язык криол-гуринди характеризуется в статье Ф. Микинз как смешанный язык на основе гуринди (пама-ньюнга), откуда берется большая часть именной морфологии, и криола (креол на основе английского языка), откуда берется большая часть глагольной морфологии. В статье Дж. Клэнси Клементса и А. Луиш описывается креольский язык — индо-португальский креол дер. Корлаи, интересный, помимо прочего, еще и долгой социолингвистической изоляцией, обусловленной причинами религиозного и географического характера. Аравакский язык мохеньо из статьи Ф. Роз использовался в XVII—XVIII вв. как лингва франка (*lingua general*) иезуитских миссий.

Сквозной темой «словоизменительного» раздела сборника оказывается, таким образом, вопрос о роли структурных vs. социолингвистических факторов при заимствовании морфологии (см. [Field 2002]).

Б. Пакендорф (статья «A comparison of copied morphemes in Sakha (Yakut) and Even») сопоставляет две ситуации заимствования: 1) из монгольских языков в якутский и 2) из якутского в эвенский (ламунхинский говор). С точки зрения структурных предпосылок ситуации характеризуются автором как практически эквивалентные: в обоих случаях речь идет о паре агглютинативных, схожих по структуре языков. С социолингвистической точки зрения, напротив, ситуации разнятся (что подтверждается проведенными автором генетическими исследованиями): контакт якутов с монголами не был интенсивным, контакт эвенов с якутами — очень интенсивный, причем с жесткой системой «однонаправленных» браков. С этим Б. Пакендорф связывает разницу, наблюдаемую в области морфологических заимствований: в якутский из монгольских языков заимствуются практически исключительно деривационные показатели (что ожидаемо), в эвенский из якутского — словоизменительные, причем глагольные, что типологически наиболее редко.

В статье Ф. Микинз («From absolutely optional to only nominally ergative: The life cycle of Gurindji ergative suffix») показано, как на саму по себе очень нетривиальную ситуацию смешанного языка со значительной межпоколенческой разницей и непосредственным контактом с обоими языками-источниками накладывается необычная со структурной точки зрения ситуация интеграции эргативного суффикса языка гуринди в аккузативную систему языка криол (унаследованную из английского). Для криол-гуринди постулируется целый цикл диахронических сдвигов в функционировании эргативного суффикса: от дискурсивного маркера внутри аккузативной системы к факультативному эргативу (со сдвигом системы в сторону эргативной) и далее — с распространением на субъект непереходного глагола — опять к дискурсивному маркеру (со сдвигом в систему с немаркированным объектом и факультативно маркированным номинативом).

В статье Дж. Клэнси Клементса и А. Луиш («Contact intensity and the borrowing of bound morphology in Korlai Indo-Portuguese») описывается случай контакта структурно очень

далеких языков — языка маратхи с сильной фузией и индо-португальского креола дер-Корлаи с тенденцией к изолирующей стратегии. Несмотря на такие различия, индо-португальский креол в ходе языкового контакта формирует новый словоизменительный класс для заимствований из маратхи, оформленный тематическим гласным, реинтерпретированным из показателя императива в маратхи (не очень понятно, впрочем, имеет ли смысл относить такое заимствование к области словоизменения, а не деривации). Авторы связывают наблюдаемую ситуацию, в частности, с социолингвистическими факторами: очень интенсивным языковым контактом, внезапно возникшим в XX в. после нескольких веков изоляции.

Ф. Роз («Innovative complexity in the pronominal paradigm of Mojeño: A result of contact?») исследует прономинальную систему языка мохеньо, отличающуюся особенной сложностью и несходную с системами других аравакских языков: она включает, в частности, экзотическое противопоставление по полу говорящего. Если в предыдущих статьях мы имели дело с заимствованием, происходящим «на глазах», то здесь, наоборот, сам факт заимствования требует отдельного доказательства. Ф. Роз рассматривает целый ряд гипотез о возможном заимствовании разных прономинальных показателей из разных языков (испанского, соседних — родственных и неродственных — аборигенных языков), соотносит их со сложной социолингвистической ситуацией, наблюдаемой для мохеньо в разные периоды, и приходит к выводу о том, что ни одна из высказанных гипотез не может быть с уверенностью принята.

Особняком в третьем разделе сборника стоит статья Т. Штольца о влиянии языковых контактов на системы согласования в именной группе («Adjective-noun agreement in language contact: Loss, realignment and innovation»). Она отличается, во-первых, тем, что представляет собой не детальное описание частных случаев, как все остальные статьи третьего раздела, а, наоборот, типологический обзор самого общего характера. Во-вторых, отличен сам материал исследования: если прочие авторы рассматривают преимущественно заимствование формы (MAT-borrowing), то Т. Штольц — заимствование модели (PAT-borrowing). Это позволяет автору коснуться проблемы, которой не возникает при исследовании «заимствования формы»: как в каждом конкретном случае отличить контактно-обусловленное изменение системы (заимствование) от независимого ее развития по внутренним причинам. Случаи контактно-обусловленного изменения в системе согласования прилагательного с существительным Т. Штольц делит на три класса: а) утрата согласования, б) изменение системы согласования под влиянием системы, построенной на иных основаниях, и в) возникновение согласования в ходе языкового контакта. На каждый класс приводятся и разбираются по несколько конкретных примеров.

В статьях настоящего сборника упоминается, не становясь, тем не менее, предметом отдельного исследования, множество других интересных проблем разного масштаба, связанных с морфологическим заимствованием. Приведем примеры только из одной статьи Б. Пакендорф, рассматривающей, напомним, материал эвенского и якутского языков. Как отличить заимствование лексемы вместе с оформляющим ее морфологическим маркером от простого переключения кодов (в ситуации, когда все носители — билингвы)? Как интерпретировать копирование цепочки морфологических показателей (например, аспектуального суффикса в сочетании с лично-числовым) — как два независимых заимствования или заимствование всего комплекса морфем целиком? Как расценивать случай, когда в язык заимствуется некоторый морфологический показатель, употребляющийся, однако, не автономно, а в сочетании с синонимичным ему исконным?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Field 2002 — Field F. W. *Linguistic borrowing in bilingual context*. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
Matras 2009 — Matras J. *Language contact*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.
Sakel 2007 — Sakel J. Types of loan. Matter and pattern. *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Matras J. and Sakel J. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 15—29.
Wohlgemuth 2008 — Wohlgemuth J. *A typology of verbal borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.

A. Bartolotta (ed.). **The Greek verb. Morphology, syntax, and semantics.** Proceedings of the 8th International meeting on Greek linguistics. Agrigento, October 1—3, 2009. Lovain-la-Neuve: Peeters, 2014. X, 342 p. (= BCLL 128.)* ISBN 978-90-429-2722-3.

Николай Николаевич Казанский

Nikolai N. Kazansky

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, 199053, Россия
nkazansky@iling.spb.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russia
nkazansky@iling.spb.ru

Рецензируемый сборник посвящен спорным вопросам интерпретации древнегреческой глагольной системы. Эта тема тем более актуальна, что древнегреческий относится к числу наиболее исследованных языков, следовательно интерпретация примеров (массовых благодаря значительному корпусу дошедших до нас текстов) не вызывает серьезных споров, поскольку основывается на многовековой непрерывной традиции толкования и комментирования текстов. Подобного рода исследования полезны для типологов, так как в них представлено не только определенное состояние греческого языка, но и разнонаправленные изменения, которые глагольная система претерпела на протяжении своей истории. Исследуемые тексты охватывают период от Гомера (и даже ранее — там, где имеется соответствующий микенский материал) до текстов, относящихся к поздней античности, по крайней мере, до Плутарха.

Изучение глагольных категорий в диахронии демонстрирует изменение в самой системе глагола, так что речь в статьях сборника не идет об отдельных глагольных формах и их историческом развитии, даже когда анализируется отдельная глагольная основа: во всех случаях подразумевается определенный семантический и грамматический класс глаголов. Тем самым соблюдается системный подход к фактам, что противостоит вновь получающему распространение в современной компаративистике «атомарному» подходу, сводящемуся к реконструкции и описанию истории отдельных форм.

Предлагаемый обзор касается статей, написанных учеными, для которых объединяющим стимулом, как можно думать, явилась статья редактора данного тома [Bartolotta 2009]. Фактически во всех статьях анализ представляет собой тот удачный случай, когда грамматика исследуется с учетом лексических особенностей, а лингвистическая мысль последовательно опирается на филологический анализ.

За пределами этих общих установок авторы сохраняют свободу исследовательских подходов, объединяя методы современной синхронной лингвистики и традиционные методы исследования истории языка. Эти подходы многообразны — от опоры на прагматику, синтаксис, формальную морфологию и функциональную грамматику до генеративизма. Такая кажущаяся пестрота оправдана самим предметом исследования, для которого начиная с XIX в. существуют подробные грамматические описания, а для каждого из использованных примеров достаточно подробные комментарии. Все статьи объединяет желание авторов посмотреть на особенности греческой грамматики через достижения современной лингвистической мысли. Приходится только сожалеть о том, что в России такого рода исследования представляют собой редкое явление.

Сборник открывает статья М. Бенедетти, посвященная греческому глаголу κλύειν в значении ‘быть известным как’ («Perception verbs and ‘reputation’ in Ancient Greek», с. 1—8). Автор сопоставляет греческие примеры, преимущественно взятые из трагедии, с латинским и ведийским употреблением однокоренного глагола, и приходит к выводу, что для праиндоевропейского времени можно восстанавливать при активной форме корня *k^hlew- два значения — ‘слышать’ и ‘быть известным как’. Уже в этом разделе просматривается проблема, которая проходит через все статьи сборника — взаимодействие грамматической и лексической семантики.

* Рецензия написана в ходе исследований в рамках гранта РНФ, проект № 14-18-03585 «Праиндоевропейский корень и основообразующие форманты».

Несколько иначе та же проблема предстает в статье Н. Бертрана, посвященной особенностям отделения приставки в гомеровских глаголах («On tmesis, word order and noun incorporation in Homeric Greek», с. 11—29). Автор выделяет *внутренний тмезис*, когда частица или именная часть помещается между приставкой и корнем, и *случай*, когда именная группа помещается в начало предложения — *внешний тмезис*. Бертран использует модель, разработанную Дивайном и Стивенсом, для случаев гипербатона в древнегреческом языке [Divine, Stephens 2000].

Аспекту в древнегреческом языке посвящена статья Р. Бланкенборга «The grammarized suggestion of proximity or distance: Aspect in Ancient Greek». Автор делает попытку рассматривать аспектуальность безотносительно к темпоральным характеристикам, выбрав для анализа формы, отличные от индикатива. На основании распределения форм императива и инфинитива высказывается предположение о возможной вовлеченности субъекта действия в само действие, если оно выражено имперфективными формами, в то время как формы аориста такой вовлеченности в действие не обнаруживают. Разбор всего нескольких примеров (ἐλέμψε и ἐλέμπε в Herodot. 8, 136) и непростая задача выбора между μὴ δρᾷ и μὴ δρᾶν (Sophocl. Oedip. Rex 1064), как и серия императивов у Аристофана κῶσον με, δός, εἰπέ, λιθοῦ, ἔκτρεψον (Aristoph. Nub. 81—112) приводят автора к мысли о том, что в основе выбора той или иной формы может лежать прагматика и противопоставление ситуации, когда сам говорящий вовлечен в действие, взгляду со стороны, когда говорящий дистанцируется от соответствующего действия.

Карла Бруно рассматривает с диахронической точки зрения аналитические формы перфекта с глаголом ἔχω («Eχω-perfects in Greek: A diachronic view», с. 43—52). Эта конструкция типологически широко представлена в разных языках и связана с «посессивностью» вспомогательного глагола при нефинитной форме основного глагола. В греческом языке подобные конструкции наблюдаются начиная с V в. до н. э. и во многом связаны с перестройкой глагольной системы в целом, что не может относиться к праиндоевропейской эпохе не только потому, что разграничение вспомогательного глагола ‘быть’ и ‘иметь’, как показал Бенвенист, является относительно поздним, но и потому, что само значение ‘иметь’ появляется в индоевропейских языках независимо, т. е., вероятно, уже после разделения на отдельные семьи [Казанский 2012: 260—270].

Ч. Читраро («Compound verbs’ meaning in Homer: The case for ἀνά / ἐπί / (ὕπερ)», с. 53—70) исследует глаголы с приставками ἀνά / ἐπί / (ὕπερ) с точки зрения их семантики в языке Гомера (такого рода исследования осуществлялись на материале русского языка с упором на когнитивные подходы). Для древнегреческого языка использование проверенной на практике и теоретически выверенной методики работы с закрытыми классами приставочных глаголов имеет все шансы оказаться успешным, а соединение временной и пространственной семантики способно также дать представление о семантическом переносе и даже о метафоричности употребления.

Э. Креспо («A rule for the choice of aorist and imperfect», с. 71—82) обсуждает правило выбора между формами имперфекта и аориста в «Илиаде» Гомера и отмечает, что имперфект везде сохраняет связанное с основой презенса значение дуративности, но после формы аориста того же глагола может выступать со значением, неотличимым от аористного. Креспо отмечает также роль презенса как категории, относящейся к моменту повествования, при том, что действие, относящееся к прошлому, обычно обозначается формой аориста и лишь после нее может быть употреблен имперфект:

ἦ δ' ἔτεκε τρία τέκνα δαίφρονι Βελλεροφόντῃ
 Ἴσανδρόν τε καὶ Ἴπλόλοχον καὶ Λαοδάμειαν.
 Λαοδάμειῃ μὲν παρελέξατο μητίετα Ζεὺς,
 ἦ δ' ἔτεκε ἄντιθεον Σαρπηδόνα χαλκοκορυστήν.

.....
 Ἴπλόλοχος δὲ μ' ἔτικτε, καὶ ἐκ τοῦ φημι γενέσθαι.

Трое родилося чад от премудрого Беллерофонта:
 Мужи Исандр, Гипполох и прекрасная Лаодамия.
 С Лаодамией прекрасной почил громовержец Кронион,
 И она Сарпедона, подобного богу, родила.

.....
 Жил Гипполох, от него я рожден и горжуся сим родом.

(Пер. Н. И. Гнедича)

Такой имперфект называют нарративным, однако его появление в текстах Гомера и Геродота остается без объяснения, хотя первые диссертации на эту тему были защищены еще в XIX в. Креспо предлагает видеть здесь повторяющееся распределенное действие, которое встречается и за пределами ионийского диалекта, например в «Анабасисе» Ксенофонта (3.2.11—13). Общее правило формулируется так: в нарративном контексте, относящемся к прошлому, если говорящий повторяет один и тот же глагол при разных агенсах, все эти глаголы стоят в аористе, за исключением последнего из них, который может стоять и в имперфекте, и в аористе.

А. де Анжелис («Ancient Greek verbs ending in -σσω: A case of paradigm reorganization?», с. 83—112) рассматривает греческие глаголы на -σσω с точки зрения их происхождения и ставит важный вопрос о реорганизации парадигмы древнегреческого глагола, где закономерные формы на -ζω в определенных условиях испытали аналогическое влияние со стороны глаголов на -σσω. Часть этих глаголов имеет хорошую этимологию: глагол *ράσσω*, который по мысли де Анжелиса имеет исконную огласовку -η- (ср.: *ρήνυμι* < **wreH₁ǵ-*), представленную в ион. *ρήσσω* и замененную по аналогии в аттическом диалекте; глаголы *τάσσω* и *σφάττω*, для которых ожидался бы исход на -ζω. Автор обращает внимание на общий исход основы на -άσσω и разбирает далее глаголы *μάσσω*, *πράσσω*, *σάσσω* и глаголы с неясной этимологией *βράσσω*, *δράσσω*, *νάσσω*, *χάζω* (*ἐγχατείν*), а также глаголы, где закономерное -ζω сохраняется без изменений (*βάζω*, *κλάζω*, *κράζω*, *πλάζω* *σκάζω*, *σχαζω* и *φράζω*). В этих случаях речь идет о лексической близости (семантической или формальной), причем исследователь приводит как ряд интересных параллелей из области форм сильного претерита в английском, так и сходные примеры из романских языков, где вульг.-лат. *respondedi* (вместо класс. лат. *respondi*) отражается в итало-романском как *rispondiedi* и по аналогии распространяется на дентальные исходы других основ: *sentiedi*, *potiedi*. Такого же рода изменение, связанное с морфологической аналогией, постулируется для греческих глаголов на -σσω.

С. Конти рассматривает императивные формы греческого глагола с точки зрения аспектуальных значений, свойственных временным формам («The Greek imperative mood: Analysis of the aspectual values of the tenses», с. 113—129), отметив помимо известного противопоставления совершенного и несовершенного вида также более частотное употребление презентного императива в случаях, когда объект или субъект не обозначены¹.

Р. Фор в статье «The oblique optative, a case of narrative tense. The example of the future optative» (с. 131—146) исследует употребление форм опатива будущего времени и строит противопоставление на материале аттических прозаических текстов V—IV вв. до н. э. Вывод автора, согласно которому optativus futuri более частотен в текстах, нежели индикатив, связан, вероятно, с литературным характером текстов. Общее соотношение разобранных автором примеров таково: 52 примера в опативе (67%) и 42 примера с индикативом (33%). Между тем опатив будущего времени в последующие эпохи почти выходит из употребления, и это может наводить на мысль об искусственной норме, соблюдавшейся в определенный и относительно короткий период истории классического древнегреческого языка [Меликова-Толстая 1952]. В классических аттических текстах опатив футурума особенно

¹ В библиографическом списке использованных работ рецензенту хотелось бы видеть труды не только А. Л. Мальчукова, но и В. С. Храковского и А. П. Володина [Храковский, Володин 1976].

частотен в придаточных цели, имеющих соотносительность с будущим. Автор отмечает, что формы индикатива «более маркированы» (с. 145), а также предлагает связать употребление формы с присутствием/отсутствием повествователя (narrator).

Х. Гарсия Рамон («From *Aktionsart* to aspect and voice: on the morphosyntax of the Greek aorists with -η- and -θη-», с. 149—182) исследует значение суффиксов пассивного аориста и отмечает их разнообразные значения, включая способность обозначать спонтанный процесс, ментальные процессы, движение и пассивность в неаккузативных и пассивных конструкциях [Allan 2003: 128 сл.]. Стативное значение **-eh₁-* переходит в неагентивное, причем первоначален статив (прим. 4, с. 151). Связь со стативными презенсами в латинском языке и суффицированными в греческом предполагает корневой аорист, ср. в классическом греческом ἐμίγη ‘прийти в неистовство’ (: μιίνεται), в ведийском корневом аористе с медиальной флексией *áma-ta* (: *mányate*), в авест. *manīā* ‘мысль’ (: *manīia-*); этот же тип образования претерита представлен в литовском *minėjau* ‘я упомянул’ (-ē-, форма на -ėjau) :: презенс *miniù* (*miné-ti*). Презентная основа реконструируется в форме **mṇ-yó/e-*: μιίνεται, вед. *mányate*, литов. *miniù*, явно унаследованной во всех перечисленных языках.

В глаголах ἐμίγη, ἐλάγη, ἐδάη, ἐχολώθη, ἐάλη, ἐκ ρύη, ἐδάμη, ἐτύπη *-ε*-аорист сосуществует с интранзитивным корневым аористом и демонстрирует высокую степень воздействия на субъект (subject-affectedness): присоединение маркера -(θ)η- показывает достижение состояния. Предельные глаголы в этих случаях передают моментальное действие и образуются от корневого аориста (т. е. морфологически не маркированной формы), но не от корневого презенса: формы презенса содержат суффикс и выражают прогрессив при достижении состояния или дистрибутивную множественность, ср. имперфект ἐτήκετο ‘молот’ и аорист ἐτάκη ‘смолото’. Изначально факультативная морфема *-ē-* добавляется не к презенсу, а только к аористной основе.

Значение *-ē-* хорошо вписывается в предельность и характеризует совершенный вид действия — грамматические значения, которые связаны в рамках теории Хоппера — Томсон [Hoppe, Thompson 1980] и Гивона [Givón 1984]. Аористная основа сама уже выражает целеполагание и настрой на завершенность действия с высокой степенью воздействия на объект. Презентная основа, напротив, характеризуется отсутствием целеполагания и пониженной транзитивностью, т. е. меньшей затронутостью объекта действием, причем субъект не является прототипически агенсом, т. е. интранзитивные презентные формы соответствуют низкой степени вовлеченности субъекта в действие.

Со стативными лексемами показатель *-ē-* в аористе передает переход к состоянию: ἐφάνη при φαίναται. Здесь много сомнений в интерпретации текста, поскольку Од. 6 135—7 понимается как «вхождение в состояние ‘быть видимым’», но возможно и иное понимание — ‘предстал’. Особенно показательна интерпретация сцены, где Посейдон (Ил. 13. 11) сидит на Фракийском Самосе, откуда ему были видны Ида, город Приама и корабли ахейцев. Рецензенту представляется заслуживающим внимания тот факт, что глагол здесь повторен несколько раз, что может дополнительно свидетельствовать в пользу сингулятивного и дистрибутивного действия, а не состояния. Начиная с того, что имперфектная форма (ἐ) φαίνετο по невнимательности названа презентной (с. 172, начало § 10.1), вся интерпретация употребления глагола, форма которого лучше всего может быть понята как имперфект, выражающий начало действия (imperfectum de sonatu), выглядит предельно странной. «[T]hat ἐφαίνετο espresses a state is evident», — пишет Гарсия Рамон, аргументируя свою позицию тем, что Посейдон уже сидит (ἦστο) наверху горы. Против такой интерпретации говорит указание, что Посейдон сидит, а не глядит, хотя ἔνθεν γὰρ ἐφαίνετο πῶσα μὲν Ἴδην, φαίνετο δὲ Πριάμοιο πόλις... Частицы μὲν и δὲ указывают на противопоставление, подчеркнутое повторным употреблением глагола в имперфекте. Естественнее всего понять это как сосредоточенность взгляда, перед которым последовательно предстают гора Ида и Троя с лагерем ахейцев под ее стенами². Состояние, когда видно, и состояние, когда что-либо

² Так понимается это место и в новейшем комментарии Р. Янко: «Poseidon focuses with increasing precision on Ida, Troy and the ships» [Janko 1992: 44].

показывается, — два разных состояния. Вообще ἐφάινετο ‘явился перед взором’ и ‘виден’ обозначает отсутствие объективных препятствий, чтобы увидеть. То, что Посейдону стала видна Ида, связано с тем, что он переводит взгляд с предмета на предмет, так что сперва ему явился вид горы, а потом города. Никакого выраженного **состояния** здесь просто нет.

Нет также и неразличения презенса и перфекта, поскольку примеры с перфектными формами относятся к результату: конец дела еще не явлен (τέλος δ' οὐ πῶς τι λέφανται), с горы Ида Зевсу открывается вид на все (τὰ δὲ προτέφανται ἄπαντα), в то время как Афина для поэта существует здесь и сейчас, но просто не открылась Одиссею — это два совершенно разных значения, у которых общее лишь то, что они содержат результат ‘явиться’, ‘быть явленным’.

Я не уверен, что ‘быть видимым’ передает состояние, а не действие, поскольку значение ‘явиться пред взором’ может пониматься и как моментальное действие: ‘возник’. Оттенок субъективности в этом случае не имеет значения: речь идет об объективном описании того, что появляется перед глазами, так что причислять глагол φαίνω к стативным глаголам я бы не решился.

Очень интересны рассуждения о глаголе χαίρω, для которого с равным успехом могут восстанавливаться сигматический аорист χήρατο (< *^harsa-to) и, возможно, атематический *χάρτο (*^gh-r-tó, *^gh-er-t), и даже *χάρε (*^gh-r(H)-). Данные Ригведы (RV), где глагол употребляется с дополнением *vácas* ‘слово’, *yajñá-* ‘жертва’ вполне согласуются с употреблением корня *^gh-er- ‘радоваться чему-то (Acc.), находить удовольствие в X (Loc.)’ в других индоевропейских языках (ср. хетт. *kargaranti* ‘охотно’, гот. *gairnjan* ‘желать’):

idám sú me maruto haryatā váco (RV 5, 54, 15)

Оцените же, о Маруты, это слово мое

(Пер. Т. Я. Елизаренковой)

píbā yát^hā prátib^htasya mádhvo háryan yajñám ... (RV 10, 96, 12)

Чтобы ты испил предложенного меду / Желающий жертву...

(Пер. Т. Я. Елизаренковой)

Стативные лексемы, имевшие первоначально только основу презенса, могли расширить парадигму, создав из ничего морфологически маркированный аорист на -η- для выражения вхождения в состояние, выраженное основной презенса. Этому полностью соответствует ἐφάνη, ἐχάρη и, возможно, классич. греч. ἐμάνη, что полностью укладывается в продуктивную модель «аорист на *-ē- : презенс на *-yo/e-».

В качестве конкретной формы, из которой возникают аористы на *-ē-, предлагается рассматривать прилагательные, основанные на показателе инструменталиса *-eH₁-, давшие также причастия с исходом на *-ēnt- (ἀγείς, ἀγέντος < *wag^h-éH₁-nt-).

Предложенная в статье Гарсия Рамона схема представляет собой важный шаг в поисках того, как складывалась греческая глагольная система в целом. Постулируется изначальное противопоставление двух классов лексем: **трансформативных** предельных (telic-transformative) и **стативных** (stative), изначальное не имевших аориста.

Дальнейшее развитие от интранзитивных трансформативных лексем предполагает при обозначении смены состояния добавление *-ē- для обозначения статива ἐμίγη ‘смешан’, ἐπάγη ‘ударен’, ἐδάγη ‘научен’, (ἐ)χολώθη ‘рассердился’, ἐκ ... ρύη ‘унесен потоком’. Здесь недлительное действие, выраженное аористом, превращается в терминатив и обозначает уже достигнутое состояние. Для этих значений свойственны формы интранзитивного корневого (морфологически немаркированного) аориста, добавляющего указание на то, что субъект достиг состояния. Также возможно и сочетание маркера -η- с основой перфекта, но не с основой презенса, поскольку последняя выражает дуративность, противоречащую результату — достижению состояния.

При предельных транзитивных лексемах маркер -η- приобретает пассивное значение: ἐδάγη ‘усмирен’, ἐτύπη ‘ударен’. Эти формы, как правило, противопоставлены прототипически агентивным формам аориста на -σα. При стативных лексемах тот же самый показатель

указывает на вхождение в состояние: ἐφάνη ‘стал видимым’. В этом случае уже для прагреческого есть основания восстанавливать оппозицию презенса на **-nyo/e-* и форм на **-ē-*.

И. Кавич в статье «Notes on the transitivity of the aorist and the perfect in classical Greek» (с. 183—200) анализирует на примере глагола διαφθείρω транзитивность глагольных форм перфекта и аориста. Автор использует скалярную теорию транзитивности (по Хопперу — Томпсон), исходящую из предположения, что глаголы со значением ‘бить’, ‘убивать’ обладают более высокой степенью транзитивности, нежели ‘слышать’ или ‘иметь’. Подсчеты показали, что, как это и ожидалось, неодушевленный субъект при одушевленном объекте встречается едва ли не в пятьсот раз реже, чем одушевленный субъект при неодушевленном объекте.

Любопытно наблюдение, что перфект глагола διαφθείρω часто обозначает моральное разложение, соблазнение, причем нередко в качестве объекта выступает ψυχή ‘душа’, в то время как аорист чаще говорит о полном физическом разрушении объекта. Это позволяет думать о противопоставлении видимого действия (аорист) и действия, которое можно предполагать на основании видимого результата (перфект).

Р. Лаццерони в статье «The Greek imperative between comparison and sociolinguistics» (с. 201—208) предлагает новую интерпретацию формы, засвидетельствованной в граффити на вазах и, безусловно, относящейся к низкому стилю или даже к аттическому просторечию. Форму τίει автор интерпретирует как /rjē/ с ложным дифтонгом и предполагает прямую связь с новогреческим τίει(ς).

В статье Л. Мелаццо «Homeric κ-aorists and/or κ-perfects?» (с. 209—225) принимается идея о том, что -κ- восходит, как это предположил еще Э. Сепир, которого поддержал О. Карруба, к сочетанию двух ларингалных в 1 л. ед. ч. (например, **dheH₁-H₂e* > θήκα), а не является самостоятельным суффиксом или расширителем корня. При этом предполагается передача показателя от перфекта к аористу с развитием отглагольной формы от перфектного значения к аористному, чему могло способствовать и появление аугмента в перфектных формах (ἔγυοκα, ἔστρωκα etc.).

П. Поччетти обращается к исследованию делокутивных глаголов в древнегреческом языке («Some thoughts about ‘delocutive’ verbs in Greek: Functions and semantics», с. 227—252), выделенных в отдельную группу Э. Бенвенистом. Интересен разбор форм глагола ἡμί ‘говорить’, форма имперфекта которого восходит к и.-е. **ēg-t* < **H₂eg-t*, ср. перфект ἄνωγα и лат. *aīdō*, но который представлен и частицей ἦ, употребительной в приказах, требованиях и клятвах (ἦ ῥα, ἦ καί, ἦ ῥα καί). Автор сопоставляет значение ‘говорить’ с лат. *autumari* ‘требовать’, букв. ‘говорить autem’. Подробно рассматриваются глаголы σκωρακάζω ‘послать к черту’ и βαρβαρίζω, представляющий собой пейоративное изображение чужих языков ‘говорить бар-бар’, а также звукоподражательные λαάζω, βάζω и βήζει φωνεῖ (Hesych.). Этот список может быть сильно расширен за счет звукоподражательных междометий, входящих в идиоматику, типа русск. *ни бе, ни ме*, подробно исследованных С. Я. Лурье [1958: 63—72]. Исследуется целый ряд глаголов, образованных от междометия, как русск. *ойкнуть* (φεύζω, αἰάζω, οἰζω, οἰώζω, ὄζω). Употребление этих глаголов часто следует за соответствующим междометием. В отдельный класс Поччетти выделяет глаголы, образованные от терминов родства: если гомеровское παπλάζειν = πάπλαν καλεῖν ‘звать отцом’, то Аристофан образует делокутивный глагол παπλίζειν ‘называть папочкой’, где смена исхода основы по типу πατερίζω ‘молить бога’ создает во многих языках комический эффект, ср. также делокутивные ἀδελφίζω, θυγατρίζω (θυγατέρα καλεῖν), ταταλίζω, ср. τάτα (АР XI 67,4) в обращении к отцу ‘тятя’. Далее рассматриваются глаголы μακαρίζω, какιώζω, ὀλβίζω, образованные от прилагательных μάκαρ, μακάριος и т. д. Мофологически все эти глаголы относятся к продуктивным моделям, ср. латинские *graecissare, atticissare, sicilissare* (Plaut. Men. 10—12) при греч. ἀττικίζω, σικελίζω. Завершается статья предположением, что лат. *triumphare, triumphus* представляет собой древнее заимствование из греч. θριάμβος, а возглас *triumpe, triumph* мог бы дать делокутивный глагол *triumphare*.

А. Помпеи («Verb-particle constructions and preverbs in Homeric Greek between telicization, incorporation and valency change», с. 253—276) анализирует сочетание глагола с наречиями

и частицами, выделяя значения, связанные с целеположением, инкорпорацией и сменой валентностных характеристик. В основе исследования лежит материал, известный с античного времени как тмесис, но автор предлагает изучать его поэтапно от спорадически встречающегося соположения частиц до полной универбации наречного элемента с глагольной основой. Выводы Помпеи об общем направлении, путях и этапах универбации можно подкрепить тем, что в микенских текстах представлено раздельное написание *a-pu* ‘*ke-ka-ute-no*’ (‘треножник’ отожженный (относительно ножек)’) (PY Ta 641).

В статье «A distributed morphology analysis of tense and aspect in Greek» (с. 277—290) С. Рид исследует греческую глагольную морфологию в рамках концепции М. Халле и А. Марантца [Halle, Marantz 1993], причем поморфемное сопоставление и распределение позволяет, согласно мнению автора, выявить также семантический изоморфизм. Эта смелая попытка не затрагивает спряжение на -μι, которое Рид оставляет для будущего исследования (с. 278, прим. 1), и ограничивается глаголом λύω. Предлагается следующая таблица, конкретизирующая грамматическую семантику и распределение морфем:

1	2	3	4	5	традиционное название
λε	λυ	κ	α	μεν	индикатив перфекта
λε	λυ	κ	ω	μεν	конъюнктив перфекта
λε	λυ	κ	οι	μεν	оптатив перфекта

А. Ревуэлга Пуйгдоллерс («Some verbs prefixed by *περι-* in Ancient Greek», с. 291—310) исследует приставку *περι-*, показывая, что даже при глаголах движения значение далеко не всегда соответствует круговому движению, но может передавать ряд сходных значений, что существенно, поскольку не все аргументы при глаголе бывают выражены в рамках одного предложения.

Интересная статья М. Вернет («Gr. βάλλω ‘I throw’, OIr. *a-t:bail* ‘he/she dies’, Lat. *ualleō* ‘to die’: Some considerations on the reconstruction of the PIE verbal root **g^welh₁-* ‘to pass away, to die; to throw’», с. 311—316) предлагает сопоставление греч. βάλλω не только с др.-ирл. *bail* ‘умирает’, но и с лат. *ualleō*, глаголом, засвидетельствованным только дважды у поэта Акция и в глоссе Павла Диакона. Предложенное сопоставление позволяет объединить два корня, представленные как самостоятельные в [LIV] **g^welh₁-* и **g^welh-* с первоначальным значением ‘умирать’ и с производным в греческом ‘бросать’.

Завершает сборник статья М. Цинци, посвященная формам так называемого «дорийского» будущего в аттической прозе («Doric future in Attic prose», с. 317—327), причем автор специально отмечает деонтическую модальность в значении анализируемых форм и предполагает, что мы имеем дело с архаическими формами, сохранившимися в аттическом диалекте в разговорном варианте.

Сборник включает также указатель греческих глаголов и указатель контекстов.

Помещение древнегреческого материала в достаточно широкий типологический контекст можно только приветствовать: книга будет полезна не только для филологов-классиков, но и для всех, кто интересуется лингвистической типологией. Можно сожалеть, что представленное направление недостаточно развивается в России, и порадоваться, что оно развивается гораздо активнее в Италии и других европейских странах. Для публикации сборника был выбран английский язык, и с этим по преимуществу связаны немногочисленные опечатки: недопереведенными с итальянского оказались *by Pindaro*, в сокращении эолийского диалекта *Eol. = Aeol.* (с. 203), *sscr. = Skr.* и с французского — *on considération de l’objet* (с. 183); отметим также загадочную русскую форму *tézat* (с. 87) без обозначения мягкости.

Рецензенту кажется необходимым также упомянуть о не вошедших в круг цитируемых авторов работах И. А. Перельмутера [Перельмутер 1974; 1977; 1995], К. Х. Шмидта, Е. Курцовой и др., где затрагиваются многие из рассмотренных в сборнике проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Казанский 2012 — Казанский Н. Н. Категории индоевропейского глагола. Проблемы реконструкции // Воейкова М. Д. (отв. ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия чл.-корр. РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 260—270. [Kazansky N. N. Categories of Indo-European verbs. Problems of reconstruction. Voeikova M. D. (ed.). *Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu. Sbornik statei v chest' 80-letiya A. V. Bondarko* [From Meaning to Form, from Form to Meaning. Papers in Honor of Alexandr Vladimirovich Bondarko on the Occasion of his 80th Birthday]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2012. Pp. 260—270.]
- Лурье 1958 — Лурье С. Я. ОУДЕ ЭΥ, ΟΥΔΕ ΚΝΥ // Исследования в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80-годишната му. София: Изд. на БАН, 1958. С. 63—72. [Lurie S. Ya. OUDE KSU, OUDE KNU. *Izledovaniya v chest akad. Dimiter Dechev po sluchay 80-godishnata mu* [Papers in honor of akad. Dimiter Dechev on the occasion of his 80th birthday]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publishing House, 1958. Pp. 63—72.]
- Меликова-Толстая 1952 — Меликова-Толстая С. В. Будущее время в греческом языке // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. Вып. 15. 1952. С. 219—246. [Melikova-Tolstaya S. V. Future tense in Greek. *Uchonye zapiski leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk* [Proceedings of the Leningrad State University. Philological series]. 1952. No. 15. Pp. 219—246.]
- Перельмутер 1974 — Перельмутер И. А. Пассив в древнегреческом языке (язык аттической прозы) // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог. Л., 1974. С. 120—138. [Perelmutter I. A. Passive in Ancient Greek (the language of the Attic prose). *Tipologiya passivnyh konstruktsiy. Diatesy i zalogi* [Typology of passive constructions. Diatheses and voices]. Leningrad, 1974. Pp. 120—138.]
- Перельмутер 1977 — Перельмутер И. А. Общинеоевропейский и греческий глагол. Видовременные и залоговые категории. Л.: Наука, 1977. [Perelmutter I. A. *Obscheindoeuropeyskiy i grecheskiy glagol. Vidovremennye i zalogovye kategorii* [Proto-Indo-European and Greek verb. Categories of aspect, time, and voice]. Leningrad: Nauka, 1977.]
- Перельмутер 1995 — Перельмутер И. А. Залог древнегреческого глагола: теория, генезис, история. СПб.: Ноах, 1995. [Perelmutter I. A. *Zalog drevnegrecheskogo glagola: teoriya, genezis, istoriya* [Voice of Ancient Greek verb: Theory, genesis, history]. St. Petersburg: Noah, 1995.]
- Храковский, Володин 1976 — Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1976. [Khrakovsky V. S., Volodin A. P. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkiy imperativ* [Semantics and typology of imperative. Russian imperative]. Leningrad, 1976.]
- Allan 2003 — Allan R. J. *The middle voice in Ancient Greek. A study on polysemy*. Amsterdam, 2003.
- Bartolotta 2009 — Bartolotta A. M. Root lexical features and inflectional marking of tense in Proto-Indo-European. *Journal of Linguistics*. 2009. Vol. 45. Pp. 505—532.
- Divine, Stephens 2000 — Divine A. M., Stephens L. D. *Discontinuous syntax: Hyperbaton in Greek*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Givón 1984 — Givón T. *Syntax. A functional typological introduction*. Т. 1. Amsterdam, 1984.
- Janko 1992 — Janko R. *The Iliad: A commentary*. Vol. IV: books 13—16. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
- Halle, Marantz 1993 — Halle M., Marantz A. Distributed morphology and the pieces of inflection. *The view from Building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger*. Halle R., Keyser S. (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 1993. Pp. 111—176.
- Hopper, Thompson 1980 — Hopper P. J., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse. *Language*. 1980. Vol. 56. Pp. 251—299.
- LIV — Rix H., Kümmel M., Zehnder Th., Lipp R., Schirmer B. *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. 2. Aufl. Wiesbaden: Reichert, 2001.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

**Международная конференция
«Проблемы онтолингвистики —
2015: механизмы усвоения
языка и становление
речевой компетенции»*****Кира Александровна Иванова®,
Софья Викторовна Краснощекова**

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация
®kira.ivanova@gmail.com

18—20 мая 2015 г. в Санкт-Петербурге состоялась конференция «Проблемы онтолингвистики — 2015: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции». Институт лингвистических исследований РАН совместно с Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена собрал лингвистов, логопедов, психологов, чтобы обратиться к проблемам развития речи у детей раннего возраста, вопросам логопатологии и билингвизма.

ИЛИ РАН принял в своих стенах более 60 ученых из Болгарии, Казахстана, Литвы, Норвегии, Польши, Финляндии, а также многих городов России от Санкт-Петербурга до Владивостока. Опубликован сборник материалов конференции.

Ежегодные конференции по онтолингвистике (разделу лингвистики, рассматриваемому процесс усвоения языка ребенком) проходят в Петербурге с 1994 г. на базе кафедры детской речи, организованной в РГПУ им. А. И. Герцена профессором С. Н. Цейтлин. Круг проблем, рассматриваемых на конференции, расширяется, как и растущее с каждым годом исследовательское сообщество, сложившееся на ее базе. Название конференции этого года связано с темой работы научной группы отдела теории грамматики, объединяющей исследователей детской речи ИЛИ РАН, РГПУ им. А. И. Герцена и СПбГУ.

**International conference
«Problems of ontolinguistics —
2015: Mechanisms of language
acquisition and development
of speech competence»****Kira A. Ivanova®,
Sofia V. Krasnoshchekova**

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Federation
®kira.ivanova@gmail.com

Конференцию открыл директор ИЛИ РАН Н. Н. Казанский. Первое пленарное заседание было посвящено **теории и методологии онтолингвистики на современном этапе ее развития.**

Первым прозвучал доклад В. М. Алпатова (Москва) «Языковая рефлексия у детей». Дети начинают раздумывать о языке с того времени, когда у них уже сформировались основные характеристики языкового механизма и наступает этап его отладки, параллельно с которой идет пополнение словарного запаса, то есть примерно с трех-четырёх лет. По мнению В. М. Алпатова, представления детей отражают «наивное сознание», которое свойственно и народам на определенной стадии их развития, и рассуждающим о языке дилетантам; одно из его проявлений — народные этимологии, особенно характерные для детей дошкольного возраста, когда идет быстрое расширение лексического запаса. Очевидны принципы создания таких «этимологий»: объяснение неизвестного через уже известное и через фонетическое сходство, какая-либо регулярность не предполагается.

В докладе М. Д. Воейковой (Санкт-Петербург) «Функции высказываний с компонентом *давай* в речи взрослых и детей» был представлен анализ употребления частицы *давай* в русском литературном языке, в речи, обращенной

* Конференция проводилась при финансовой поддержке РФФ, грант № 14-18-03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка» (рук. М. Д. Воейкова).

к ребенку, и в спонтанной речи самих детей. В речи детей *давай* встречается поздно (после 2,4—2,6¹) и со значительно меньшей частотой, чем в речи, обращенной к ребенку. Здесь, как и в других случаях, усвоение языковых единиц детьми оказывается не результатом повтора частотных элементов речи взрослого — детской речи свойственна высокая степень избирательности по отношению к инпуту. Намечаются и функциональные расхождения: разное соотношение функций *давай* наблюдается не только в речи детей, но и в речи детей по сравнению со взрослыми. Это говорит о креативном усвоении языка ребенком.

В выступлении С. Н. Цейтлин (Санкт-Петербург) «Лексико-морфологическая координация на разных этапах освоения языка ребенком» анализировался процесс поиска соответствия между элементами лексического и морфологического уровня, характерный для индивидуальной языковой системы ребенка. Он находит свое проявление в приобретении каждой лексемой обязательных морфологических характеристик, а также в специализации правил выбора граммы и конструирования словоформ применительно к осваиваемой лексике. При этом различаются наиболее общие (прототипические) правила, касающиеся различных частей речи, и частные правила, регулирующие поведение лексико-грамматических разрядов и отдельных лексем.

Е. Ю. Протасова и М. Мяки (Финляндия) совместно с Н. Родиной (Москва) представили доклад «Освоение русской падежной системы детьми-билингвами в Финляндии», в котором речь шла о выявлении особенностей овладения детьми русским языком в окружении финского языка в сравнении с тем, как это происходит в монолингвальной русскоязычной среде. В результате эксперимента было выявлено, что дети в Финляндии несколько отстают от детей в России по усвоению падежных окончаний в количественном отношении, но довольно близки в качественном. Ошибки допускались в постановке ударения, отсутствии чередований, выборе окончания. В то же время среди испытуемых были и такие дети, кто почти полностью справился с заданием.

В докладе В. В. Казакowsкой (Санкт-Петербург) «Эпистемическая модальность в русской детской речи (опыт корпусного анализа)» обсуждалась проблема усвоения семантики уверенности / неуверенности и основных средств ее языкового выражения на ранних этапах речевого

онтогенеза. Впервые на материале записей спонтанной речи рассматривались системно-языковые и собственно коммуникативные факторы, способствующие развитию механизмов эпистемического маркирования. К анализу привлекались данные Национального корпуса русского языка. Результаты сопоставлялись с данными других языков.

В докладе М. Б. Елсеевой (Санкт-Петербург) «Первые прилагательные и наречия в речи русскоязычных детей в сопоставлении с корпусом CLEX» для анализа и сопоставления использованы материалы десяти языков, представленные на сайте CLEX: списки прилагательных и наречий («Descriptive words») и нормы речевого развития русскоязычных детей, полученные с помощью адаптированного для разных языков американского опросника MacArthur — Bates Communicative Development Inventories (CDIs). Анализ позволил выделить следующие типы слов: 1) универсальные признаки, характерные для большинства языков (красивый, горячий, холодный, большой, маленький); 2) значимые для нескольких языков (испуганный, липкий, последний, соленый); 3) редкие, типичные только для одного-двух языков (похожий, теплый, настоящий, игрушечный есть лишь в русском, фиолетовый — в турецком и испанском); 4) индивидуальные, отсутствующие в опросниках, обусловленные частотностью в инпуте.

В пленарном докладе Ю. П. Князева (Санкт-Петербург) «Прилагательные цвета в ранней детской речи» говорилось о том, что установление соотношения между известными ребенку прилагательными цвета и реальной окраской предметов для многих детей является сложной проблемой. Ю. П. Князев выделяет несколько типичных отклонений в использовании прилагательных цвета (ПЦ) детьми, по сравнению с конвенциональным «языком взрослых»: а) употребление разных ПЦ по отношению к одному и тому же предмету; б) существование у многих детей «основного» ПЦ, предпочитаемого всем остальным, независимо от реальной окраски предмета; в) отклоняющееся от нормативного расширение денотативной отнесенности отдельных ПЦ; г) использование некоторых ПЦ только для характеристики одного конкретного предмета.

В рамках конференции прошли секционные заседания. Секция «**Особенности коммуникации на ранних этапах усвоения языка ребенком**» была открыта докладом Е. И. Исеиной

¹ Возраст детей представлен следующим образом: цифра до запятой указывает на количество полных лет, после запятой — на количество месяцев.

(Иваново) «Влияние экологии семьи в трудной жизненной ситуации на общение матери со своим ребенком младенческого и раннего возраста», посвященным исследованию в области «психологии среды» (Дж. Гибсон и др.). Исследование было проведено с помощью анкетирования, опросника Кеттла и наблюдения за общением матери и ребенка. Анализировались экологические характеристики жизни пяти молодых матерей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и их влияния на общение с ребенком. Результаты исследования дают возможность сделать вывод, что многослойное социальное окружение матери — экология — играет значимую роль в отношениях матери с ребенком. Экология влияет на личность, но сама личность может изменять свое окружение.

Т. А. Ушакова (Иваново) в сообщении «Развитие речи и коммуникации годовалого ребенка в период преодоления депривационного синдрома» изложила результаты наблюдений над развитием речи и коммуникации ребенка, который с рождения воспитывался в госучреждении и был усыновлен в 1,4. Среди особенностей развития рассматривались такие, как резкое появление попыток коммуникации сразу после усыновления, относительно автономное развитие речи и коммуникации, табуирование слова «мама» и сложное формирование навыка подзвания взрослого.

Также на этой секции прозвучали выступления С. М. Еврафовой (Москва) «Мышление, коммуникация, речь: начало начал», в котором рассматривались взаимоотношения процессов мышления, развивающейся системы коммуникации и собственно начальной речевой продукции у ребенка с долгим периодом латентного развития речи, и Т. В. Кузьминой (Санкт-Петербург) «Особенности коммуникативного поведения ребенка первого года жизни», где был представлен анализ ситуаций, в которых ребенок выступает как коммуникант в доречевой период развития.

В первой части секции «**Детский билингвизм**» был представлен доклад А. К. Арзуманяна (Саратов) «Частный случай развития детского трехязычия в доминантной русскоязычной среде», в котором подробно рассматривались проблемы поддержания трех языков (армянского, английского и русского) в одной семье. Е. А. Жеймо (Польша) в выступлении «К вопросу о межязыковой интерференции в условиях близкородственных славянских языков (на примере польско-русских контактов при употреблении глаголов)» представила исчисление ошибок польскоязычных учащихся при усвоении русских глаголов.

В сообщении Т. В. Тимошиной (Воронеж) «Псевдоэтимология в детской речи как разновидность индивидуального словоупотребления» рассматривались механизмы формирования индивидуальных значений общеупотребительных слов, основным из которых является *псевдоэтимология*, что дает возможность определить, как происходит осмысление ребенком новых объектов и явлений.

Доклад Н. Н. Колодиной (США) «Восприятие иноязычными детьми языковых игр» обобщил результаты экспериментального исследования восприятия языковых игр на материале художественной литературы русско-английскими билингвами, школьниками, проживающими в США. Удалось установить, что языковые игры воспринимаются билингвами старше шести лет. Игры, характерные только для русского языка, не привлекли внимания участников-билингвов. Всё, что требует большого лексического запаса, понимания внутренних закономерностей языка (игры с внутренней формой, оксюмороны и др.), осталось незамеченным.

Во второй части секции Е. В. Хачатурян (Норвегия) в докладе «Усвоение глагольной системы ребенком-трилингвом в первые годы жизни» рассмотрела особенности и этапы усвоения глагольной системы русского языка двумя трехязычными сестрами (от 2,3 до 3,3), живущими в г. Осло. Процесс усвоения и наиболее типичные ошибки каждой из сестер существенно отличаются. В докладе, в частности, проанализированы ошибки в употреблении глагольного вида младшей сестрой, которую можно охарактеризовать как экспрессивного ребенка, более внимательного к синтаксису. Делается попытка обосновать подобные ошибки с точки зрения современных исследований, посвященных семантике вида.

В выступлении А. Шаяхмет (Казахстан) были представлены различные подходы к пониманию терминологии переключения и смешения языковых кодов в современной лингвистической литературе в целом и в онтолингвистике в частности. Докладчик привела примеры различных типов переключения и смешения языковых кодов на материале устной речи казахско-русского двуязычия детей, обучающихся в начальной школе г. Алматы, Казахстан. На основе этих сведений можно было выяснить доминирующий язык того или иного ребенка на данном этапе языкового развития. Переключение языковых кодов использовалось двуязычными детьми нарочно, в то время как смешение языковых кодов возникало спонтанно для замены языковых единиц одного языка соответствующими, с точки зрения ребенка-билингва, лингвистическими средствами другого языка.

Основной целью доклада В. В. Казакова (Санкт-Петербург) и Е. В. Хачатурян (Норвегия) «Коммуникативные стратегии взрослых в диалоге с моно- и полилингвальными детьми» был сравнительный анализ речеведческой тактики взрослых при общении с детьми в ситуации усвоения ими одного (русского) или нескольких (русского, итальянского и норвежского) языков. Коммуникативная стратегия взрослого рассматривалась в той мере, в которой она связана с наибольшей частью его речевой продукции — реактивным инпуту. Обсуждались наиболее эффективные для усвоения языка стратегии взрослых в моно- и полилингвальном контекстах.

В сообщении М. С. Юровой (Санкт-Петербург) рассматривались коммуникативные тактики маленьких азербайджанских детей, посещающих российский детский сад. Дети компенсируют недостаток языковых средств жестами, вокализациями, пантомимами и т. д. Чрезвычайно высока степень аграмматичности речи, абсолютно не характерная для русского ребенка.

На секции «**Освоение лексикона**» прозвучал доклад М. Л. Кусовой (Екатеринбург) «Словарные дефиниции в детской речи», в котором рассматривалось освоение детьми семантики слова в контексте толкования значений в разном возрасте. Были выявлены способы описания значения слова детьми разного возраста, факторы, определяющие использование ребенком различных способов объяснения значения. Был уточнен круг лексических единиц, к определению значения которых дети обращаются в первую очередь.

С. В. Плотникова (Екатеринбург) посвятила выступление «Идентификация слова в речи младших школьников» проблеме выявления функциональных ориентиров при идентификации слова. Были проанализированы детские ошибки при восприятии речи (неверное установление границ, фонемного состава, графические подмены, неверное соотношение воспринятого слова с определенным значением). Наиболее частотны случаи опоры на форму идентифицируемого слова, которые проявляются в ошибках распознавания, ложной мотивации по начальным фрагментам слова или его морфемной структуре, реже в качестве опоры выступает внешний контекст употребления нового слова.

В докладе А. П. Сдобновой (Саратов) «К вопросу о периферийной зоне лексикона в позднем онтогенезе» были рассмотрены отказы от реагирования (нулевые реакции) школьников в ситуации ассоциативного эксперимента на материале базы данных Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области (испытуемые — школьники 1–11 классов). Отмечено, что отказы от реагирования, их количественные показатели

содержат информацию о степени освоенности школьниками лексической единицы, о сформированности ассоциативно-вербальных связей слова-стимула в ассоциативно-вербальной сети.

В. Попова (Болгария) в выступлении «Лексическая концептуализация категории “время” в языке болгарского ребенка» исследовала проблемы усвоения языкового концепта времени в дошкольном возрасте. Была сделана попытка представления его конкретных параметров на базе эмпирических данных специально запланированного психолингвистического эксперимента в сравнении с данными спонтанной речи болгарских детей. Обсуждения результатов лонгитюдных наблюдений и психолингвистического эксперимента демонстрируют, что представление о времени до конца дошкольного возраста остается диффузным. Свидетельством этого являются случаи «обратной временной перспективы» (термин Р. Якобсона), косвенной локализации и сверхгенерализации.

На секции «**Исследования речевого инпута**» первым был представлен доклад О. В. Астафьевой (Санкт-Петербург) «Метафора в детской поэзии», посвященный усвоению полисемии и механизма метафорического переноса. Наиболее распространенная в детской поэзии разновидность метафоры — олицетворение. Однако ребенок не воспринимает его как троп: то, что взрослый читатель воспринимает как метафору-олицетворение, ребенок понимает буквально. Внимание к многозначности слова привлекает игровая поэзия: каламбуры Заходера, Шибаева, Усачева, основанные на полисемии. Используя прием реализации метафоры, обная механизм переноса значения, поэты помогают осознать метафору именно как троп. Разнообразные поэтико-лингвистические игры стимулируют языковую рефлексию у ребенка-читателя.

В докладе В. С. Зубаревой (Санкт-Петербург) «Азбука как учебник природоведения: опыт прочтения» рассматривалась эволюция образа представителей животного мира на материале детских азбук, изданных с 1900 по 1938 г. Анализ азбук позволяет утверждать, что знакомство детей с миром природы выстраивалось авторами в соответствии с четкими представлениями о нормах и ценностях общества.

В. Н. Карпухина (Барнаул) в выступлении «Расширение коммуникативной аудитории детских текстов: интертекстуальность современной детской литературы» исследовала тексты новейшей детской литературы в коммуникативном аспекте и с точки зрения теории интертекстуальности. Изучалось изменение аксиологических приоритетов у персонажей романов Бориса Акунина и Глории Му, выявляемое в ходе анализа

интертекстуальных отсылок к произведениям русской и зарубежной литературы.

Доклад С. Е. То к м а к о в о й (Воронеж) «Аксиологическая и эмоциональная направленность русской литературной сказки» был посвящен категориям оценочности и эмотивности на протяжении всего периода существования названного жанра. Анализ материала позволил выявить несколько периодов развития литературной сказки, что отчетливо проявляется в постепенном, но последовательном вытеснении из аксиологической картины мира явлений идеального порядка и концентрации внимания на вещественных, сугубо материальных явлениях.

Предметом доклада И. С. В е с е л о в о й и Л. Ф. М а т в и е в с к о й (Санкт-Петербург) «Колористика для детей: освоение когнитивных навыков цветоразличения в деревенской культуре» были вербальные и невербальные коммуникации в фольклорных речевых жанрах, влияющие на освоение цветообозначений. Основное внимание уделялось освоению навыка цветоразличения, который развивается у ребенка в том числе в процессе игры в куклы, при создании кукольного костюма из ярких тканей. На уровне практики, в частности создания женского праздничного костюма, в деревенской традиции существовала культура сложной колористической комбинаторики.

В сообщении В. П р о к о ф ь е в о й (Санкт-Петербург) «Стратегии коммуникативного поведения матери в семье с низким социально-экономическим статусом» описывались данные спонтанной речи матери и ребенка из бедной многодетной семьи. Были обнаружены элементы всех трех основных стратегий: стратегии контроля (директивы, запреты), стратегии отрицательного контроля (угрозы, резкая критика, агрессивный тон) и стратегии руководства (уговоры, предложение помощи, поиск компромисса).

В докладе С. О. К у п р и я н о в о й (Санкт-Петербург) «Номинации коммуникативного адресата в колыбельных песнях» были рассмотрены способы обращения к ребенку в колыбельных песнях: личное имя или имя нарицательное; 2-е или 3-е лицо. В текстах, где одновременно встречается обращение к адресату и его именование в 3-м лице, возможны два типа соотношений: 1) в обоих случаях используется имя собственное; 2) имя нарицательное при 2-м лице и имя собственное при 3-м лице. Колыбельная как формульный текст, близкий к заговору, предполагает обязательное произнесение имени адресата в определенной позиции.

Выступление О. В. М у р а ш о в о й и С. А. С о л о в ь е в о й (Череповец) «Коммуникативные компетенции школьников

и виртуальная коммуникация» было посвящено интернет-коммуникации школьников 9—12 лет. Закономерности речевого поведения обнаруживаются как непосредственно в коммуникации, так и в самоинициации в рамках примитивного или ролевого типов общения. Коммуникативное поведение чаще ориентировано на некооперативные стратегии: приспособление, избегание и соперничество или агрессия, часто противоречащие этикетным и моральным нормам. По мере взросления детей эти тенденции усиливаются.

В докладе А. Р. П о п о в о й (Орел) «Формирование системы сравнений разных типов в речи ребенка раннего возраста» рассматривались такие типы сравнений, как (1) скрытое сравнение, основанное на окказиональном метафорическом значении известного ребенку литературного слова, и (2) сравнение, выраженное лексическими и грамматическими средствами. Сравнения типа (1) возникают, когда ребенку незнакомо необходимое обозначение и когда он считает, что метафорическая номинация подходит для описания понятия или ситуации лучше, чем известное литературное слово. Для образования сравнений типа (2) ребенок последовательно осваивает следующие языковые средства: союзы *как* и *как будто*, конструкцию *похож на*, замену лексемы, перифрастическое описание, синтаксический параллелизм.

На секционном заседании «**Формирование морфологического компонента языковой системы. Усвоение семантических категорий в онтогенезе**» первым прозвучал доклад О. Б. С и з о в о й (Санкт-Петербург) «Стратегии освоения языка: к вопросу о критериях дифференциации», посвященный проблеме поиска критериев, различающих стратегии освоения языка при нормальном и отклоняющемся речевом развитии. Предлагаемая в качестве критериев дихотомия «программирование — выбор» связана с нейролингвистическими механизмами, обуславливающими путь «вхождения в язык», и согласуется с критериями, дифференцирующими способы обработки информации. Предложена модель, связывающая особенности моторного уровня порождения высказывания с формированием абстрактных категорий и функционированием языковых процессов.

В выступлении Г. Р. Д о б р о в о й (Санкт-Петербург) «О построении ребенком временной окказиональной системы глагольных форм» рассматривались случаи использования детьми форм типа *буду нарисовать*, представляющих собой не ошибки в выборе глагольного вида, как это трактуется чаще всего, а не соответствующие узловой формы будущего времени. На примере

временной окказиональной системы детских глагольных форм, включающей будущее аналитическое для глаголов совершенного вида, прошедшее аналитическое для глагола (типа *было не хватает*) и аналогичный аналитический императив (*будь дружи*), автор попытался доказать, что такие примеры целесообразнее трактовать не как ошибки, а как «скрепы» сконструированной ребенком системы глагольных форм.

И. В. Яковлева (Ульяновск) («Усвоение детьми системы предлогов русского языка») анализировала речь детей раннего и младшего дошкольного возраста. Выяснилось, что на порядок усвоения предлогов русскоязычными детьми оказывают влияние не только собственно лингвистические факторы, такие как частотность предлогов в современном русском языке, но и когнитивная значимость для детей раннего возраста тех или иных пространственных и временных понятий.

В докладе С. В. Краснощековой (Санкт-Петербург) «Ранние этапы освоения анафорического механизма и предпосылки к развитию анафоры» рассматривались детские высказывания с местоимениями, согласованными по роду и числу с нулевым antecedентом. Такие высказывания возникают за 2-3 месяца до появления первых анафорических конструкций (с местоимением *он*) и обычно кончают местоимением *этом*.

В докладе К. А. Ивановой (Санкт-Петербург) «Высказывания с частицей *давай* в одной детско-родительской диаде» были представлены результаты корпусного исследования конструкций с частицей *давай* на материале записей детей в возрасте до трех лет и их родителей. В фокусе исследования оказались конструкции с эллипсисом глагола. Было установлено, что частота использования взрослым высказываний с эллипсисом не зависит от уровня речевого развития ребенка и является устойчивой. Дети также используют побудительные высказывания с эллипсисом, однако в детской речи частица *давай* не является частотной.

В выступлении Е. Н. Бекасовой (Оренбург) «Динамика появления и использования протослов в идиолекте ребенка» основное внимание уделялось инновациям, которые замечают в речи детей и запоминают родители-специалисты. Как правило, такие слова не имеют внятной мотивации для окружающих и обладают стабильной воспроизводимостью, а также нерасчлененностью семантического значения. Вероятно, подобные слова являются результатом речевого экспромта и свидетельствуют о потребности ребенка реализовать свою речевую активность в условиях ограниченности рамок его речемыслительной деятельности.

Сообщение Е. В. Галкиной (Санкт-Петербург) «Освоение маркирования одушевленности — неодушевленности русскоязычным ребенком раннего возраста» было посвящено особенностям усвоения надежного маркирования одушевленных и неодушевленных существительных в речи двух русских детей. Исследование показало, что в речи детей, так же как и в речи взрослых, значительно преобладает упоминание «неживых объектов»; различие между одушевленными и неодушевленными существительными обозначается раньше, чем у местоимений, при этом дети почти не делают ошибок. В течение рассматриваемого возрастного периода (от 1,5 до 4 лет) у обоих детей прослеживается тенденция преимущественно маркировать объекты по определенному (одушевленному либо неодушевленному) типу.

Доклад Т. А. Кругляковой (Санкт-Петербург) «Слово- и формообразовательные инновации в идиолекте трехлетнего ребенка (по данным лонгитюдного видеонаблюдения)» был посвящен инновациям в речи двух детей в возрасте 3 лет. Небольшое количество инноваций (ошибок) свидетельствует о том, что дети обычно не конструировали формы заново, а извлекали их из памяти готовыми. Первый ребенок пользуется ограниченным набором словообразовательных моделей (диминутивы, женский коррелят, наречия от прилагательных), второй — более широким, но оба используют только продуктивные модели и допускают как ошибки конструирования, так и ошибки выбора.

На секции «**Становление коммуникативной и текстовой компетенции ребенка**» первым прозвучал доклад А. А. Осиповой (Владивосток) «Манипулирование в детской речи: защита или нападение?», в котором была представлена попытка выделения видов речевого манипулирования, в том числе и для детской речи. На основании анализа фактов речевого манипулирования в диалогах детей и родителей (283 факта) получены данные о возрастном распределении манипулятивных приемов в речевом поведении дошкольников. В работе продемонстрированы также способы защиты от манипулятивных атак взрослых («отзеркаливание слов собеседника» и «отказ от похвалы»).

В выступлении М. С. Костюхиной (Санкт-Петербург) «Дети рассказывают сказки. К проблеме усвоения языка и алгоритма сказочного текста сельскими школьниками» были представлены материалы, собранные в сельской школе в Архангельской области. Анализ данных позволил установить, что деревенские дети более успешно, чем городские, сохраняют «память» об устной фольклорной традиции: они

используют фольклорные словесные формулы, дают пояснения поговоркам и присловьям, понимают устаревшую лексику. Подобные же вопросы в среде петербургских младших школьников натолкнулись на полное непонимание.

Доклад П. М. Эйсмонта (Санкт-Петербург) «Развитие навыков построения связного монологического текста в возрасте от 4 до 7 лет» был посвящен результатам эксперимента, заключавшегося в попытке комментария к мультфильму. Анализ полученного материала позволил проследить развитие у дошкольников коммуникативных навыков построения монологического текста от ситуативного диалога до связного рассказа.

В сообщении А. В. Павлова и О. В. Федоровой (Москва) «“Фильм о грушах” У. Чейфа в пересказах детей с расстройствами аутистического спектра: результаты психолингвистического исследования» были представлены результаты исследования, заключающиеся в ряде различий, установленных между пересказами детей-аутистов и контрольной группы. Исследование показало высокую эффективность примененного стимульного материала, который дал возможность получить пересказы, позволившие проанализировать не только специфику речи детей с РАС, но и их мировосприятие.

На секционном заседании «**Речь ребенка со специфическим языковым развитием**» был представлен доклад В. В. Казаковской и О. Б. Сизовой (Санкт-Петербург) «Сложные слова в онтогенезе и дизонтогенезе: корпусные и экспериментальные исследования», посвященный тому, как усваиваются композиты в норме и при речевой патологии (ТНР — тяжелые нарушения речи). Материалом для анализа послужило сравнение данных лонгитюдных наблюдений (CHILDES) и материалов эксперимента с 27 информантами. Рассматривались факторы, способствующие возникновению и развитию первых сложных слов в речи русскоязычных детей — их системно-языковые особенности, в частности морфосемантическая прозрачность, частотность и продуктивность моделей. Целью экспериментальной части исследования было обнаружение условий, при которых становится возможным продуктивное функционирование композитов.

В выступлении Т. А. Бочкаревой (Саратов) «Особенности сформированности системы словоизменения у детей старшего дошкольного возраста (билингвов и монолингвов) с ОНР III уровня» исследовалось развитие речевой компетенции детей в ситуации моно- и двуязычия с диагнозом «общее недоразвитие речи» и нормальным речевым развитием. Были рассмотрены особенности сформированности системы словоизменения у дошкольников-монолингвов

(русских) и билингвов (курдов) без речевой патологии и с ОНР III уровня. Проведенное исследование выявило у дошкольников с ОНР несформированность системы словоизменения по всем обследуемым показателям. Преобладающая частотность ряда ошибок у билингвов как с ОНР III уровня, так и у билингвов без речевых нарушений позволяет предположить существенное влияние процессов интерференции на ряд обследуемых показателей.

Доклад И. В. Крыловой (Санкт-Петербург) «Состояние речевой функции у детей с агнозией» был посвящен результатам диагностического исследования пациентки, девочки в возрасте от 8 до 15 лет, с диагнозом «зрительная агнозия» и нарушением номинации. Типичными проявлениями нарушения номинационной функции являются расстройство поиска слов, трудности выбора слова и актуализации высказывания. Для расширения возможностей обучения таких пациентов требуется подбор индивидуальной программы с опорой на зрительный и слуховой анализатор, глобальное чтение.

Выступление Н. В. Павловой (Саратов) «Морфологические и словообразовательные особенности номинаций с качественным значением (на примере речи школьников в норме и с интеллектуальной недостаточностью)» было посвящено экспериментальному исследованию возможностей речевого творчества у детей с нарушениями развития (с интеллектуальной недостаточностью), в том числе словотворчества. Эти процессы у детей с ограниченными возможностями здоровья не возникают спонтанно — их речь «изломана», аморфна, формируется замедленно, с большими трудностями, но все-таки у некоторых из них имеются определенные задатки к творчеству. Поэтому при условии специального подготовительного этапа работы, например, на основе какой-либо деятельности детей (художественно-изобразительной), дети данной категории способны частично справиться с речевыми заданиями, включающими элементы творчества.

На секционном заседании «**Освоение звуковой стороны языка. Освоение письменной формы речи**» первым прозвучал доклад Е. Ф. Кирова «Принципы формирования письменной компетенции у детей». По мнению докладчика, эта проблема касается и детей дошкольного возраста, которые уже в той или иной мере умеют писать на специфическом доорфографическом варианте русского языка. Е. Ф. Киров основывается на взглядах Г. М. Богомазова, который считал, что первая доорфографическая компетенция владения письмом у детей связана с актуализацией фонологического механизма языка, описанного в рамках Санкт-Петербургской

фонологической школы, а последующее овладение орфографически-ориентированной компетенцией основывается на формировании фонологического механизма онтоязыковой личности, описанного в теории Московской фонологической школы. Самые первые опыты письма у детей дошкольного возраста демонстрируют некую инкорпорирующую стадию сформированности фонологического, а также фонемно-графемного механизма, который характеризуется отсутствием дифференциации слога и звука.

Сообщение Н. А. Ежковой «Диагностика и совершенствование фонетического компонента языковой системы у дошкольников с общим недоразвитием речи с использованием аппаратных методов» было посвящено обзору возможностей применения компьютерных технологий в практике логопедии. Одной из таких программ является Wave Assistant Pro. Эта программа позволяет получать объективные данные о состоянии звукопроизношения исследуемых. В докладе описаны результаты использования данной программы при работе с дошкольниками с общим недоразвитием речи. Проведено исследование, в котором участвовали четыре группы: одна экспериментальная (дошкольники с ОНР) и три контрольные. Результаты констатирующего эксперимента помогли разработать варианты специальной логопедической программы, благодаря которой большинство детей заметно улучшили свои результаты.

В докладе А. Н. Корнева и С. Р. Оганова (Санкт-Петербург) «Стратегии анализа текста при чтении: влияние типа задачи и уровня навыка чтения» были представлены результаты эксперимента, проведенного по методике регистрации движений взора при чтении (eye tracking). В результате были получены первичные данные о фиксации взора на элементах текста (количество, продолжительность) и о саккадах — быстрых скачкообразных движениях глаз, при перемещении от одной фиксации к другой (направление, количество, амплитуда). Полученные данные свидетельствуют о значительных индивидуальных и групповых различиях в стратегиях чтения у испытуемых. Значимым фактором, влияющим на этот показатель, является уровень владения чтением и способ предъявления задания. Представители сильной подгруппы используют более эффективные стратегии анализа текста.

Выступление Л. С. Сильченковой (Москва) «Овладение старшими дошкольниками предметным действием чтения на полной ориентировочной основе» было посвящено новым подходам к обучению чтению. С опорой на функциональное значение букв русского алфавита, синтагматические (сочетаемые) отношения

русской графики был представлен алгоритм чтения русского слова и разработаны учебные материалы, основанные на группировке букв по структурному принципу. В ходе выступления были представлены учебные материалы, разработанные для экспериментального обучения чтению.

Конференция завершилась **заключительным пленарным заседанием**, в котором приняли участие Т. А. Гридина, В. и Д. Поповы, Т. А. Слабодкина и О. В. Федорова, Н. Г. Мальцева и Т. И. Петрова.

В докладе Т. А. Гридиной (Екатеринбург) «Экспериментальный ресурс диагностики и тренинга вербальной креативности» было показано, что способность к языковой игре развивается постепенно и имеет свою индивидуальную доминанту. Возможность тренинга вербальной креативности заключена в том, что компенсаторные речевые эвристики ребенка (связанные с дефицитом языкового и когнитивного опыта) и осознаваемая языковая игра — коррелирующие векторы проявления вербальной креативности. Можно констатировать, что игровое конструирование является продуктивной диагностической процедурой, обнаруживающей способность ребенка к считыванию и репродуцированию доступных ему алгоритмов и кодов языковой игры и предполагающей разнообразные модификации («творения слова») в процессе текстопорождения.

Выступление Т. А. Слабодкиной и О. В. Федоровой (Москва) «Моделирование диалога подростками: стратегии описания объектов действительности» было основано на экспериментальном исследовании, в котором испытуемые (взрослые и подростки 11–12 лет) должны были описать расположение фигурок в головоломке-танграмме своему напарнику, который не видел стимульного материала. Были обнаружены следующие различия между взрослыми и детьми: 1) взрослые редко испытывают трудности с выбором номинации при описании расположения фигурок в сложных танграммах; 2) взрослые справляются с этими трудностями уже ко второй попытке, тогда как дети в наиболее сложных коммуникативных ситуациях демонстрируют недостаточные коммуникативно-дискурсивные навыки ведения диалога. Это согласуется с гипотезой позднего дискурсивного развития детей.

Доклад Н. Г. Мальцевой (Саратов) «Онтолингвистика и усвоение второго языка: вопросы взаимодействия» представлял собой обзор основных теорий овладения первым и вторым языком. Сферы, где взаимодействие двух теорий имеет большое значение, — логопедия (первичное недоразвитие речи и неспособность усвоить

иностранного языка), теория индивидуальных различий при овладении языком (стратегии освоения родного языка и индивидуальные стили обучения) и методология обучения иностранным языкам.

В выступлении В. и Д. Поповых (Болгария) «“Наивная” стилистика детского языка» когнитивные метафоры интерпретируются как устойчивые и неотделимые части нашего обиходного языка, в рамках которого они продуцируются по преимуществу неосознанно. В этом аспекте интересно не их эстетическое или риторическое воздействие (которое важнее всего для поэтических метафор), а отражение в них элементарных когнитивных процессов. Авторы старались соотнести общие когнитивные способности говорящего ребенка, т. е. структуру мышления, характеристики его наивно-реалистической памяти и познавательные способности, с языковыми явлениями. Таким образом, языковые явления могут рассматриваться не только как следствие определенных мыслительных структур, но также и как свидетельство креативности говорящего в рамках его языковой компетенции.

Доклад Т. И. Петровой (Владивосток) «Позиционные роли в коммуникативно-речевой деятельности ребенка» был посвящен проявлению в коммуникативно-речевой деятельности ребенка позиционных ролей, предполагающих владение особыми знаниями и умениями, обусловленными статусом взрослого. Речевая деятельность ребенка рассматривалась в ситуации одиночной ролевой игры и в ситуации реальной коммуникации. Было высказано предположение об особом «детском варианте» позиционной роли, который основан на имитации речевого поведения взрослых и создается при помощи ситуативно обусловленных стереотипных маркеров

роли (вербальных и невербальных). В реальной коммуникации выделены три проявления позиционных ролей, отражающие детские представления о них: соблюдение ролевого сценария, ролевое цитирование, следование коммуникативному коду позиционной роли.

Во второй день конференции прошел **круглый стол** (организатор — С. Н. Цейтлин), призванный ответить на вопрос «Зачем лингвисты изучают детскую речь?». В ходе дискуссии прозвучали сообщения Ю. П. Князева «От первого класса до...: переход от онтолингвистики к просто лингвистике», С. Н. Цейтлин «Русское словозменение в зеркале детской речи», Г. Р. Добровой «Роль детской речи в изучении шифтеров», О. Б. Сизовой «Лонгитюд вместо диахронии: речевой онтогенез как модель диахронических изменений языка», Т. В. Кузьминой «Освоение ребенком правил письма: путь от ЛФШ к МФШ?»; В. Н. Карпухиной «Детская речь в текстах художественной литературы: когнитивно-прагматический аспект».

Также в рамках конференции прошел симпозиум «**Естественнонаучные методы исследования в лингвистике**», организатором которого выступил А. Н. Корнев. На симпозиуме речь шла об использовании методов функциональной магнитно-резонансной томографии (доклады Е. Г. Гальперинной и В. В. Новикова, Санкт-Петербург), электроэнцефалографии (доклад Н. В. Шемякиной и Ж. В. Нагорновой, Санкт-Петербург), отслеживания движений глаз (eye tracking) (доклад А. Н. Корнева и С. Р. Оганова, Санкт-Петербург) в исследовании когнитивных механизмов языка и речи и о корректном применении статистических методов в корпусных исследованиях (И. Балчуниене, Санкт-Петербург / Литва).

Международная конференция «Язык. Общество. История науки. К 70-летию чл.-корр. РАН В. М. Алпатова»

Антон Ильич Коган

Институт востоковедения РАН, Москва, 107031,
Российская Федерация
kogan_anton@yahoo.com

22—23 апреля 2015 г. в Институте востоковедения РАН состоялась международная конференция «Язык.

International conference «Language. Society. History of science. On the 70th anniversary of V. M. Alpatov, corresponding member of the RAS»

Anton I. Kogan

Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, 107031, Russian Federation
kogan_anton@yahoo.com

Общество. История науки», приуроченная к 70-летию выдающегося российского лингвиста, члена-корреспондента РАН Владимира

Михайловича Алпатова. В ней принимали участие ученые, представлявшие различные научные центры России, Белоруссии, Армении, Киргизии, Узбекистана, Болгарии, Германии, Республики Корея, Новой Зеландии. Общее число участников составило более 100 человек. В докладах был затронут широкий круг проблем общего и японского языкознания, лингвистической типологии, социолингвистики, истории науки о языке.

На торжественной церемонии открытия было зачитано приветственное слово директора Института востоковедения РАН В. В. Наумкина и состоялось вручение юбиляру медали И. Ю. Крачковского. Затем сам юбиляр выступил с пленарным докладом «Что и как изучает языкознание?». В докладе подробно анализировалась эволюция европейской лингвистики в течение двух последних столетий, а также ее современное состояние. Были выделены два различных подхода к языку — антропоцентрический и системоцентрический — и убедительно показано, что на протяжении всей истории языкознания эти подходы периодически сменяли друг друга в качестве господствующих. После доклада прозвучали приветствия юбиляру. Выступили: Г. Г. Молчанова (Москва), С. А. Быкова (Москва), З. К. Дербишева (Киргизия), Н. М. Хрящева (Москва), Е. А. Фомичева (Москва), а также выпускники японской группы ОСиПЛ филологического факультета МГУ выпуска 1968 г. Т. М. Гуревич (Москва), Л. Т. Нечаева (Москва), Е. В. Анохина (Москва), Т. И. Корчагина (Москва).

Дальнейшая работа конференции проходила по секциям. В первый день конференции доклады делались в рамках пяти секционных заседаний: «История языкознания и языковедов», «Социолингвистика. Языки России и ближнего зарубежья», «Теория и методология лингвистики. Антропоцентризм и системоцентризм», «Исследование отдельных языковых уровней. Морфология и части речи» и «Социолингвистика. Языки и культура различных народов».

Секция **«История языкознания и языковедов»** была открыта докладом В. Я. Порхомовского (Москва) «Исторические и культурные стереотипы в сравнительном языкознании». В докладе рассматривался ряд лингвистических и экстралингвистических (историко-культурных) факторов, определивших специфику эволюции сравнительно-исторического изучения семитских (и шире — афразийских языков). Возможно, именно действием некоторых из этих факторов объясняется, по мнению докладчика, то обстоятельство, что научная парадигма современной лингвистической компаративистики возникла в рамках индоевропейского, а не семитского языкознания, хотя последнее появилось существенно

раньше индоевропеистики и предоставило лингвистам богатый материал, вполне подходящий для сравнительных построений.

Ряд проблем преподавания истории лингвистических учений был затронут в выступлении П. Б. Паршина (Москва) «Нарратив и аналитика, или что изучает история языкознания».

С. А. Бурлак (Москва) в докладе «Особенности современного этапа в развитии науки о происхождении языка» показала, что начиная со второй половины XX в. исследование глотогенеза резко поменяли направление: если прежде рассуждения на данную тему фактически сводились к попыткам построения умозрительных концепций, то в настоящее время ученые стараются отследить доступные для наблюдения закономерности, которые можно было бы спроецировать на времена появления человеческого языка. При этом можно выделить две тенденции: с одной стороны, идет накопление данных из разных областей знания, с другой — делаются попытки обобщить эти данные и свести их в единую картину.

В докладе А. Д. Кошелева (Москва) «Об эволюционных закономерностях смены лингвистических парадигм (от античности до XXI века)» были предложены две альтернативные гипотезы эволюции языковых учений: бинарная и тернарная. Согласно первой гипотезе, различаются две парадигмы: универсальная и лингвоспецифичная. Докладчик, проследив их эволюционную последовательность, пришел к выводу, что регулярность в их чередовании отсутствует. Этот факт, по его мнению, является основанием для замены бинарной гипотезы тернарной, в которую помимо лингвоспецифичной и универсальной включена также синтетическая парадигма, представляющая собой синтез первых двух парадигм. В рамках тернарной гипотезы чередование парадигм становится регулярным, что делает возможным прогноз развития языкознания в XXI в. Предполагается, что господствующей парадигмой в текущем столетии станет синтетическая. Доклад вызвал оживленную дискуссию.

Библиографический обзор типов и жанров недавних публикаций по истории языкознания был дан в докладе С. Ю. Семеновой (Москва) «Публикации по истории языкознания в современных отечественных периодических и продолжающихся изданиях». Два доклада были посвящены научному наследию выдающихся лингвистов: Ф. де Соссюра (С. В. Кирилеико (Москва) «Значимость научного наследия Ф. де Соссюра для социальной лингвистики») и В. Н. Волошинова (Н. Л. Васильев (Саранск) «К научной биографии В. Н. Волошинова: участие в проекте “Рабфак на дому”»).

Секция «Социолингвистика. Языки России и ближнего зарубежья» открылась выступлением М. А. Горячевой (Москва) «“150 языков и политика”: история и современность», в котором был предложен ряд идей, касающихся периодизации языковой политики в нашей стране с XVIII в. до настоящего времени. Особенности современной языковой политики в различных субъектах РФ были детально рассмотрены в докладе В. Ю. Михальченко (Москва) «Региональные модели языковой политики в Российской Федерации». В выступлении Е. Г. Борисовой (Москва) «Становление политической лингвистики в постсоветской России» обсуждались некоторые результаты исследований политического дискурса, активно ведущихся в нашей стране начиная с 90-х гг. Был особо отмечен важный вклад в эти исследования В. М. Алпатова. М. Я. Голык (Москва) в докладе «Законодательный аспект языковой политики в отношении языков этносов, проживающих на территории России и Китая» провела сравнительный анализ политики по отношению к языковым меньшинствам РФ и КНР, показав, что наряду с общими чертами языковая политика двух государств обнаруживает и некоторые различия. В частности, различным образом трактуется термин «национальное меньшинство». Два выступления касались проблем развития конкретных языков Российской Федерации: вымирающего водского (Т. Б. Агранат, Москва) и обладающего статусом государственного на республиканском уровне марийского (Р. А. Кудрявцева и В. И. Шабывков, Йошкар-Ола). Завершилась секция докладом Д. И. Эдельман (Москва) «Фрагменты “картины мира” в иранских языках», в котором проблемы изучения некоторых аспектов языковой картины мира рассматривались в свете новейших идей В. М. Алпатова.

Заседание секции «Теория и методология лингвистики. Антропоцентризм и системноцентризм» началось с выступления С. Т. Золяна (Армения / Москва) «О словоцентричных и текстоцентричных лингвистических описаниях». Докладчик подробно проанализировал предложенную В. М. Алпатовым дихотомию словоцентричного и несловоцентричного подходов к описанию языка и продемонстрировал, что *несловоцентричность* может в действительности пониматься по-разному: как выделение иного, нежели лексический, уровня в качестве исходного или как отведение ведущей роли в понимании организации языка межуровневым связям. Примером синтеза обоих подходов является текстоцентричная теория языка, в рамках которой текст выступает как целостность, включающая собственную многомерную смысловую структуру,

множество языков порождения и интерпретации и контекстно обусловленные коммуникативные характеристики.

В докладе И. А. Зюбиной и Г. Г. Матвеевой (Ростов-на-Дону) «Антропоцентричный подход в исследовании прагматической лингвистики» была продемонстрирована возможность диагностировать некоторые личностные свойства говорящего / пишущего на основании привычного выбора им определенных языковых средств.

Выступление В. И. Гавриловой (Москва) «Антропоцентрические аспекты категории залога русского глагола» представляло собой один из редких примеров антропоцентрического подхода к анализу морфологии. Было показано, что категория вида осознается носителями русского языка в большей степени, чем категория залога, и предложено объяснение этого факта.

С. А. Крылов и А. В. Дыбо (Москва) в докладе «Теория металингвистической относительности в применении к проблеме проведения границ между грамматикой и лексикой», используя некоторые походы, предложенные В. М. Алпатовым, выдвинули ряд идей, касающихся преодоления евроцентризма и «флективоцентризма» в общем и сравнительно-историческом языкознании.

На секции «Исследование отдельных языковых уровней. Морфология и части речи» активно обсуждались проблемы морфологической типологии. З. К. Дербшева (Киргизия) в выступлении «Типологический аспект флективной и агглютинативной морфологии» провела сопоставительный анализ морфологической системы русского и турецкого языков, затронув, в частности, такие вопросы, как статус словоформы и природа грамматических категорий. Проблеме выделения слова в ряде языков были посвящены доклады С. Э. Талыбовой (Москва) «Разграничение сложных слов и словосочетаний в персидском языке» и З. М. Шалляпиной (Москва) «Еще раз о границах слов в японских глагольных образованиях». З. М. Шалляпина, применяя рекурсивный критерий выделения слова, продемонстрировала, что японские показатели отрицания, побудительности, желательности, условия, а также страдательного залога следует рассматривать не как суффиксы, а как отдельные служебные слова. Вопросу о границе между аффиксами и служебными словами в японском языке было посвящено также выступление А. С. Паниной (Москва) «Уже не словообразование: японские адъективные показатели *-ppoi* и *-teki*». В докладе Р. О. Муталова (Москва) «Опыт системного исследования категории вида русского глагола» видовой система русского языка

рассматривалась в рамках системноцентрического подхода, основные положения которого были сформулированы В. М. Алпатовым.

Секция **«Социоллингвистика. Языки и культура различных народов»** была посвящена языковой ситуации и различным аспектам языковой политики в некоторых регионах России и ряде зарубежных стран. Роль персидского языка в жизни иранского общества и влияние политических и идеологических факторов на языковую ситуацию в Исламской Республике Иран подробно анализировалась в выступлении М. С. Камеиевой (Москва) «Персидский язык в Исламской Республике Иран: состояние и тенденции развития (конец XX — начало XXI в.)». В докладах О. А. Казакевич (Москва) «Малые языки Севера, Сибири и Дальнего Востока в зеркале переписей населения и социоллингвистических обследований (1989—2015)» и Е. А. Кондрашкиной (Москва) «Русские и русский язык в финно-угорских республиках России» были рассмотрены проблемы языков Российской Федерации, находящихся под угрозой исчезновения. А. И. Коган (Москва) в своем выступлении «Новый “Обзор языков Индии” и новые данные о языковом составе населения индийского штата Джамму и Кашмир» рассказал об интересных и неожиданных результатах проведенного в этом штате социоллингвистического обследования, инициированного одной из индийских неправительственных организаций. Некоторые социоллингвистические проблемы современной Индии обсуждались в докладе М. А. Дмитриевой (Москва) «Общество и языковая политика Индии». В докладе Х. С. Кючукова (Германия) «Лексическая и синтаксическая семантика речи болгарских цыган-мусульман, говорящих на балканском диалекте турецкого языка» рассматривался ряд вопросов турецкой диалектологии.

Во второй день конференции заседания проходили в рамках шести секций: «Синтаксис», «Япония и японский язык», «Фонетика. Графика. Лексика. Семантика», «Преподавание японского и других языков», «Лексикография», «Формы вежливости и прагматика».

Доклады, сделанные на секции **«Синтаксис»**, касались как вопросов синтаксиса отдельных современных языков, так и общих проблем синтаксической теории, а также истории изучения различных явлений синтаксического уровня. К числу докладов первого рода можно отнести выступления Е. Л. Рудницкой (Москва) и Хван Соген (Республика Корея) «Конструкции с сериализаторами в корейском языке», Е. К. Молчановой (Москва) «Эргативная конструкция в зороастрийском дари (с показателями

1 и 2 лица)» и П. В. Гращенкова (Москва) «Вспомогательные глаголы в японском и тюркских языках, или Еще раз об алтайской гипотезе». Общетеоретические проблемы затрагивались в докладах В. Н. Шапошниковой (Москва) «Спецификация дискурса в динамике языковой системы. Атрибуция речи и текстовая интерпретация» и А. К. Поливановой (Москва) «Есть ли у синтаксических отношений означаемые и означающие?». А. К. Поливанова убедительно показала, что отказ от использования данных семантики и прагматики при изучении синтаксиса позволяет выявить нетривиальные черты семантико-синтаксической организации текста и организации процедуры его анализа человеком. Ряд вопросов истории исследования русского синтаксиса рассмотрела Е. М. Лазутина (Москва) в докладе «Значение учения Т. П. Ломтева о синтаксической позиции для когнитивной лингвистики».

На секции **«Япония и японский язык»** обсуждался широкий круг проблем японского языкознания, включавший диалектологию (С. А. Быкова (Москва) «Теоретические основы классификации диалектов японского языка»), языковую картину мира (У. П. Стрижак (Москва) «Японская языковая картина мира: особенности формирования иноязычного мира»), особенности ониматопозитической лексики (Н. Г. Румак (Москва) «О системности ониматопозитической лексики японского языка»). Два доклада были посвящены японским цветообозначениям (Т. М. Гуревич (Москва) «Японские цветовые стереотипы и цветовая символика» и Е. Н. Левченко (Москва) «О системе цветообозначения в древнеяпонском языке»), один — языковой политике (Л. В. Васильева (Москва) «Основные направления языковой политики Японии в XXI веке»).

Целый ряд явлений, относящихся к разным уровням языковой системы, обсуждался на секции **«Фонетика. Графика. Лексика. Семантика»**. Эти явления рассматривались на материале таких языков, как айнский, велсский и сокотри (И. Б. Иткин (Москва) «Сингармонизм в несингармоническом языке: айнский и другие»), кхмерский (Т. Г. Погибенко (Москва) «Синонимы кхмерского языка в семантическом и функциональном аспектах»), вьетнамский (В. А. Андреева (Москва) «Устойчивые сравнения вьетнамского языка»), тамильский (А. А. Смирнитская (Москва) «Семантические переходы терминов родства в тамильском языке как пример антропоцентричного подхода к языку»), персидский (К. Т. Гадилля (Москва) «Из истории изучения одного грамматического элемента (история изучения артикля

в персидском языке)»). На той же секции был сделан также доклад об одной терминологической инновации в русском языке (В. И. Беликов (Москва) «От самосознания к идентичности: мегакорпусный анализ терминологии»).

На секции «**Преподавание японского и других языков**» большое внимание уделялось вопросам истории отечественного японистического образования, составления учебников и словарей японского языка (Л. Т. Нечаева (Москва) «Учебники японского языка в СССР и РФ», К. И. Демич и А. В. Костыркин (Москва) «Неизвестные страницы японско-русской лексикографии», А. Н. Хохлов (Москва) «Японист Е. Г. Спальвин и его Школа востоковедения в Токио»). Особо была отмечена важность некоторых идей В. М. Алпатова для разработки учебных курсов по японскому языку (Т. И. Корчагина (Москва) «Труды В. М. Алпатова и преподавание японского языка и культуры языкового общения»). Кроме того, на секции обсуждались вопросы исследования пунктуации (А. С. Зверев (Москва) «Системоцентризм и антропоцентризм в изучении пунктуации: в поисках объективных критериев выделения знаков препинания»), а также проблемы обучения миноритарным языкам (А. А. Кибрик (Москва) «Опыт преподавания языков меньшинств в школах Аляски (США)»).

Японистическая проблематика была в центре внимания и на секции «**Формы вежливости и прагматика**». Рассматривались прежде всего вопросы, лежащие на стыке лингвистики и культурологии (Н. Д. Крнетта (Москва) «Снижение уровня вежливости женской речи в японском

языке — становится ли речь современных японских женщин менее “женственной”?»), В. К. Терентьева (Москва) «Приметы и суеверия как проявления табу в современной жизни японцев», В. Г. Кульпина (Москва) «Матричная презентация форм вежливости японского языка в трудах В. М. Алпатова как аналитическая база параметризации речевого этикета в славянских языках»).

На секции «**Лексикография**» обсуждались методологические проблемы составления словарей. В центре внимания докладчиков была работа над словарями языков Дальнего Востока, использующих иероглифическую письменность (Г. Б. Дудченко (Санкт-Петербург) «Методологические подходы к формированию словарей иероглифов»), а также над размещаемыми в сети Интернет мультимедийными словарями ряда малых языков РФ (Ю. В. Норманская (Москва) «Словари исчезающих уральских языков России»).

На торжественной церемонии закрытия конференции с поздравлениями в адрес юбиляра выступили Е. М. Лазуткина от Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва) и И. Б. Иткин от Института востоковедения РАН (Москва). Последний отметил выдающуюся роль В. М. Алпатова в подготовке лингвистических олимпиад для школьников.

Тезисы конференции изданы в виде сборника «Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Алпатова. Тезисы докладов международной научной конференции 22—23 апреля 2015 г. ИВ РАН». М.: 2x2print, 2015. 140 с. (10 а. л.).

Международная конференция «Новые направления в квантитативных лингвистических исследованиях»

Денис Павлович Кирьянов^{a, @},
Лидия Михайловна Пивоварова^b

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия; ^b Университет Хельсинки, Хельсинки, 00100, Финляндия

@denkirjanov@gmail.com

Финская лингвистическая ассоциация (SKY) ежегодно проводит научные симпозиумы, не объединенные общей тематикой. В этом году тема

International conference «New developments in the quantitative study of languages»

Denis P. Kirjanov^{a, @},
Lidia M. Pivovarova^b

^a National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russian Federation; ^b Helsingin yliopisto, Helsinki, 00100, Finland

@denkirjanov@gmail.com

симпозиума, проходившего 28—29 августа 2015 г. в Университете Хельсинки (Финляндия), была обозначена как «New

* Авторы благодарят Михаила Копотева за помощь в подготовке настоящего отчета.

developments in the quantitative study of languages» («Новые направления в квантитативных лингвистических исследованиях»). За день до симпозиума состоялся семинар «**Количественные подходы к изучению русского языка**», организованный кафедрой русского языка и литературы Хельсинкского университета.

М. М и х а й л о в (Финляндия) открыл семинар докладом об анализе перепереводов квантитативными методами. Перепереводом называется многократный перевод художественного произведения на один и тот же язык. Обычно это происходит с культурно значимыми текстами, такими, например, как «Госпожа Бовари» Г. Флобера. Перепереводы часто становятся объектом исследования в переводоведении, однако количественные методы анализа к ним ранее не применялись. В докладе М. Михайлова рассматривалось шесть переводов романа Дж. Оруэлла «Скотный двор» на русский язык. Докладчик подсчитывал различные количественные показатели — лексический состав, среднюю длину предложений и т. п., — сравнивал тексты переводов как между собой, так и с другими переводными текстами и в результате пришел к выводу, что, хотя тексты переводов сильно разнятся между собой, они все же более похожи друг на друга, чем на тексты в контрольном корпусе.

А. Ю. К ю р ё л я н е н (Aki Juhani Kyröläinen, Финляндия) представил эксперименты, направленные на определение статуса перфективирующих превербов в русском языке. Известно, что в русском языке от одного глагола НСВ можно образовать несколько глаголов СВ, используя различные префиксы. При этом, как правило, для глагола находится один «естественный» или «семантически пустой» префикс, который не меняет его семантики. На сегодняшний день не существует единого мнения о механизме выбора такого префикса для конкретного глагола, да и его «пустота» подвергается сомнению. Существуют две основные точки зрения: 1) выбор более-менее случаен, и «пустая» приставка не несет семантической нагрузки, 2) выбор приставки мотивирован ее семантикой. В докладе описывались эксперименты с носителями языка и корпусные исследования этого вопроса. Испытуемым предъявляли глаголы с различными приставками, после чего замерялось время реакции испытуемых на стимул; корпусные данные описывались с помощью набора параметров, которые затем группировались с помощью метода главных компонент (РСА). Сопоставляя результаты обоих экспериментов, автор пришел к выводу, что они скорее подтверждают вторую гипотезу — о семантической мотивированности перфектных префиксов.

Е. Я г у н о в а (Санкт-Петербург) рассказала о проекте по созданию нового корпуса парафразов. Корпус состоит из автоматически собранных пар новостных заголовков, которые могут быть парафразами друг друга. Эти пары оцениваются носителями языка — добровольцами, участвующими в проекте через сайт *paraphraser.ru*, — как парафразы, частичные парафразы или не-парафразы. Каждую потенциальную пару оценивает не менее трех носителей, после чего пара включается в корпус в случае, если ответы согласованы. В настоящее время корпус насчитывает около 6000 пар парафразов. Доклад вызвал бурную дискуссию, особенно активно обсуждался вопрос о том, надо ли использовать в таком корпусе предложения с именами собственными.

Доклад А. Б о н ч - О с м о л о в с к о й (Москва) был посвящен исследованию предикативов на *-о* (*нужно, жарко, интересно*). Эти предикативы имеют формы, совпадающие с формами кратких прилагательных, и могут присоединять дативный аргумент со значением субъекта. На сегодняшний день не определен ни частеречный статус, ни другие характеристики предикативов на *-о* — например, нет единого мнения о том, является ли их множество открытым или закрытым. Автор постаралась подвергнуть такие формы систематическому количественному анализу, главной целью которого было уйти от бинарной оценки (управляет / не управляет дательным падежом) к градуальному описанию (насколько часто управляет дательным падежом, насколько часто употребляется с предложным объектом и т. п.). В исследовании использовались данные корпусов XVIII и XXI вв. В результате полуавтоматического анализа автор пришла к выводу, что количественное различие между контекстами, в которых дативный субъект был почти обязательным, и контекстами, в которых он практически не встречался, в современном языке в большинстве случаев нивелировано.

А. К о р н е е в (Москва) представил совместный с Е. П р о т а с о в о й (Финляндия) доклад о проекте по изучению навыков письма у детей-билингвов. Для исследования использовалось оборудование, которое позволяет не только записывать в цифровой форме тексты, написанные детьми, но также отслеживает движения ручки в те моменты, когда она отрывается от бумаги (например, между словами). В исследовании принимали участие дети-билингвы второго и третьего классов школ с ведущим русским или финским языком, а также русскоязычные и финноязычные дети-монолингвы. Статистическое исследование показывает, что, хотя детям-билингвам сложнее осваивать письмо, чем детям-монолингвам, впоследствии билингвы выравниваются

с монолингвами и даже получают некоторые преимущества, например, в скорости письма.

В. В е р х о д а н о в а и В. Ш а ф р а н о в (Санкт-Петербург) сделали сообщение об автоматическом распознавании пауз и длиннот в спонтанной речи. Авторы разбили корпус устной речи на участки равной длины и попытались классифицировать каждый такой участок как содержащий либо не содержащий маркеры hesitation. Для классификации использовались различные акустические характеристики, например, первые три форманты гласных, интенсивность и частота основного тона. Применялся алгоритм линейной классификации, который позволил корректно определить примерно половину случаев. В дискуссии после доклада было отмечено, что сравнение качества классификации с данными, приводимыми для других языков, существенно затруднено из-за того, что не существует стандартных методов оценки, которые использовались бы всеми исследователями.

Т. К а ч к о в с к а я (Санкт-Петербург) представила исследование одного аспекта русской просодии, а конкретно — долготы звучания гласных и согласных, непосредственно предшествующих границам просодических групп (высказываний и фраз). Исследование проводилось на материале корпуса профессионально начитанных текстов. Автор продемонстрировала, что долготы гласных в конце просодических групп действительно отличаются, а длины согласных остаются практически неизменными. Более того, удалось выявить различия между двумя видами просодических границ: границами между фразами и между высказываниями. В дискуссии после доклада обсуждался вопрос о том, насколько такой корпус может служить моделью спонтанной речи.

А. и К. Л о п у х и н ы (Москва) предложили способ разрешения семантической неоднозначности в русском языке, основанный на векторных моделях и кластеризации данных. В их докладе было наглядно показано, что на основании контекстных «соседей» разные значения одного слова достаточно четко разбиваются на кластеры, и значение рассматриваемого слова в каждом кластере исследователь может охарактеризовать без труда. Материал исследования впоследствии может лечь в основу нового словаря, в котором значения слов будут выделяться именно на основании кластеров их сочетаемости. Кроме того, представленный инструмент автоматического разрешения семантической омонимии в русском языке может быть использован и в прикладных задачах обработки естественного языка.

Е. Ку з ь м е н к о, А. Ку т у з о в и И. А н д р е е в (Москва) рассказали о новом сервисе RusVectōrēs, который позволяет вычислять

семантическое расстояние между словами на основе их распределения в корпусе. Вначале докладчики кратко описали принцип работы нейросетевых моделей, которые в последние годы стали очень популярны в компьютерной лингвистике, но до недавнего времени не применялись на материале русского языка. Затем был продемонстрирован сам сервис (<http://ling.go.mail.ru/dsm/>), который позволяет вычислять семантическую близость между словами и находить слова, семантически близкие заданному. Сервис использует модели, обученные на основе НКРЯ, Википедии, а также новостного и интернет-корпусов, собранных специально для этого проекта, и позволяет скачивать полные модели, а также подгружать другие корпуса и обучать собственные модели.

В своем докладе М. Л е в ч е н к о (Санкт-Петербург) рассмотрела возможности использования векторных моделей в литературоведческом анализе. На материале корпуса поэтических текстов при помощи RusVectōrēs были построены векторные модели, которые затем использовались для построения профилей текстов и авторов. В частности, с помощью диаграмм были показаны частоты цветовых обозначений (*белый, синий, черный* и т. п.) у разных авторов. С помощью этих диаграмм можно легко увидеть, например, что в творчестве А. Блока голубой цвет со временем уступает место золотому, а в поздних текстах Б. Пастернака остается только два основных цвета: черный и белый. Кроме того, было проведено сравнительное исследование дистрибутивных моделей, построенных на основе поэтического корпуса и на основе новостного корпуса и Википедии. Например, слово *конь* в поэтических текстах оказывается семантически связанным со словом *огонь*, а в новостных текстах такая связь отсутствует.

Доклад О. Л я ш е в с к о й (Москва), М. О в с я н н и к о в о й (Санкт-Петербург), Н. Ш и м о р и Д. Д и в ь я к (Великобритания) назывался «В поисках контекстных “ключей” к пониманию модальных слов». Авторы разметили около полутора тысяч примеров из НКРЯ, содержащих модальные слова, а затем при помощи полиномической регрессии (polynomial regression) определили те переменные, которые максимально коррелируют с тем или иным модальным словом: в частности, вид зависимого инфинитива и тип модальности. Результаты были представлены, в том числе, и при помощи графика множественного анализа соответствий. Применение регрессии давало наилучшие результаты в тех случаях, для которых было больше всего размеченных данных. Примеров на эпистемическую модальность в корпусе оказалось около двух десятков,

и их было труднее всего автоматически отделить от других типов модальности.

В докладе М. Копотева, Д. Кормачевой, Л. Пивоваровой и Р. Янгарбера (Финляндия) был представлен проект CoCoCo (Collocation, Colligation & Corpora). Разработанный авторами сервис предоставляет возможность анализировать сочетаемость единиц, выстраивая иерархию лексем и грамем, с которыми устойчиво сочетается та или иная лексема или грамма. Например, с предложениями наиболее тесное единство обычно составляет падеж, которым они управляют, а в случае с существительными иерархия может существенно отличаться: на первом месте иерархии может быть как другая лексема, так и разнообразные граммы.

С. Тимошенко (Москва) рассказала о сочетаемости прилагательного *нормальный* с существительными. В частности, автора интересовал вопрос, когда *нормальный* стало обозначать положительную характеристику, а не нейтральную. Для анализа сочетаемости докладчик разбила НКРЯ на подкорпусы, в каждом из которых содержались тексты, написанные в некоторый пятидесятилетний период (начиная с 1800—1850 гг. и далее). Автор нормализовала частотность каждого существительного относительно его общей частотности в соответствующем подкорпусе. Оказалось, что сочетаемость прилагательного *нормальный* с каждым существительным далеко не всегда коррелирует с общей частотностью существительного в данный период времени и, следовательно, подчиняется иным законам. Больше всего вопросов у слушателей вызвало использование автором биномиального распределения существительных в качестве нулевой гипотезы; были высказаны пожелания использовать для этого распределение Ципфа, в соответствии с которым наиболее часто распределены языковые данные.

По результатам семинара планируется подготовка сборника, посвященного применению современных количественных методов в исследовании русского языка.

В рамках **основной программы симпозиума** М. Сисоу (Michael Cysouw, Германия) прочел пленарную лекцию о компьютерных методах, которые могут быть полезны в сравнительно-историческом языкознании. Автор привел в качестве примеров некоторые из разработанных им и его коллегами инструментов (доступных по адресу <https://github.com/cysouw>) и поделился опытом своих собственных исследований немецких диалектов. Однако наиболее пристальное внимание лектор уделил общеметодологическим вопросам, и лекция в целом была направлена на то, чтобы изменить отношение лингвистов к автоматическим технологиям

работы с данными. По мнению докладчика, стопроцентно верный автоматический анализ языковых данных невозможен в принципе, поскольку любая программа совершает ошибки. Кроме того, пакеты для обработки научных данных не могут быть столь же развитыми, как коммерческие приложения типа офисных программ. Однако компьютерная обработка данных может выявить многие интересные закономерности и существенно упростить обработку очевидных случаев. Поэтому, как отметил докладчик, лингвистам следует изменить свое отношение к компьютерным программам, а компьютерным специалистам — свое отношение к лингвистическому анализу. Это означает, во-первых, что современный лингвист должен освоить простейшие навыки программирования, такие, как, например, работа с регулярными выражениями. Более того, необходимо подвергать более детальному анализу результаты работы компьютерных программ, просматривая не только конечный продукт их работы, но и промежуточные. Применительно к сравнительно-историческим исследованиям это означает, что надо анализировать не только автоматически полученные филогенетические деревья, но и списки фонетически выровненных слов. Выравнивание можно быстро делать автоматически, однако результат в любом случае будет содержать ошибки, которые лингвисту следует исправить вручную. Компьютерные специалисты, в свою очередь, могут предоставить эффективные инструменты для таких поправок. Специалисты по анализу данных не должны ставить своей целью полностью заменить содержательный лингвистический анализ автоматическими технологиями — их роль должна заключаться в том, чтобы эффективно выявлять закономерности в данных и привлекать внимание лингвистов как к выявленным закономерностям, так и к тем случаям, когда закономерности нарушаются.

Второй приглашенный лектор С. Грис (Stefan Th. Gries, США) рассказал о важности регрессионного анализа в лингвистических исследованиях. Лектор подчеркнул, что лингвистические исследования либо вообще не прибегают к регрессионному анализу, либо делают это крайне ограниченно, при этом используя, как правило, только обобщенную модель линейной регрессии. На взгляд лектора — он подкрепил этот тезис примерами из различных исследований, относящимся к разным областям лингвистики: психолингвистике, социолингвистике, корпусной лингвистике и др. — практически любое лингвистическое исследование может выиграть от использования того или иного типа регрессионного анализа при обработке данных.

Я. К л а в а н (Jane Klavan, Эстония) представила свой совместный с Д. Д и в ъ я к (Dagmar Divjak, Великобритания) доклад о конкуренции адессива и конструкции с предлогом *peal* 'на' в эстонском языке. На размеченных корпусных данных (900 примеров, 20 переменных, содержащих в сумме 47 значений) авторы построили классификатор, пользуясь бинарной логистической регрессией. Точность работы классификатора составила 70%. Затем 96 носителям эстонского языка были предъявлены 30 стимулов, где оригинальная конструкция была пропущена. «Правильный» (т. е. совпадающий с исходным корпусным примером) вариант был в среднем выбран в 22,6 случаев из 30. Однако при рассмотрении факторов, влияющих на выбор носителей, оказалось, что большую роль играли не те факторы, которые были важны для исходного классификатора. На основании этих результатов исследователи ставят вопрос о том, насколько построенные на корпусных данных модели поведения носителей реалистичны с когнитивной точки зрения.

Т. Х ё р б е р г (Thomas Hörberg, Швеция) в своем исследовании порядка слов (SVO vs. OVS) в шведском языке скомбинировал анализ корпусных данных и «self-paced reading experiment» — эксперимент, в котором читающий последовательно открывает в тексте слово за словом, при этом уже прочитанные слова снова прячутся, так что в каждый момент времени испытуемый видит ровно одно слово; в эксперименте замеряется время, которое требуется испытуемому, чтобы прочесть то или иное слово. При помощи такого метода можно замерять предсказуемость тех или иных языковых структур. В корпусном исследовании предсказуемость замерялась при помощи теоретико-информационных мер и было показано, что ожидаемой структурой является SVO. В целом, результаты корпусного и психолингвистического исследования подкрепляли друг друга, однако были и существенные расхождения. В психолингвистическом исследовании в качестве глагольного объекта и субъекта использовались довольно громоздкие извлеченные из корпуса именные группы, а конкретное лексическое наполнение в моделях не учитывалось, что могло стать причиной расхождений.

Ю. С а л м и н е н (Jutta Salminen) и А. К а н н е р (Antti Kanner, Финляндия) представили квантитативное исследование конструкций финского языка, содержащих глагол *epäillä* и его дериваты. Этот глагол является многозначным: с одной стороны, он может значить 'подозревать в совершении преступления', а с другой — 'сомневаться'. Докладчики показали, какие контекстные маркеры являются ключевыми для

определения правильного значения каждой из лексем, принадлежащей к рассматриваемому словообразовательному гнезду.

С. В и х м а н (Søren Wichmann, Германия / Казань) представил совместную с Э. Х о л м а н о м (Erick W. Holman, США) работу, целью которой было ответить на вопрос: является ли языковая эволюция следствием постепенных, практически непрерывных градуальных изменений, или же ей способствуют исключительно резкие «взрывы». Для этого исследователи, обратившись к базам Glottolog и Ethnologue, сравнили списки из 40 слов, принадлежащих базовой лексике, в различных сестринских группах (т. е. таких группах языков, у которых был один общий предок). Если сестринская группа с большим количеством языков оказывалась более разнородной, чем группа с меньшим количеством языков, то такое развитие событий считалось свидетельством в пользу влияния отдельных событий, а не постепенного изменения, и наоборот. Оказалось, что при применении такой методики подтверждается гипотеза о роли градуальных изменений.

А. П и п е р с к и (Москва) говорил о проблеме рестриктивности семантических карт: по мнению докладчика, рестриктивность семантической карты — т. е. степень (не)включения в карту периферийных связей и значений — является измеримой величиной, поскольку семантические карты являются графами, а значит, к ним применимы различные коэффициенты, принятые в теории графов. Докладчик также считает, что характер рестриктивности семантической карты может играть определенную роль в тот момент, когда авторы карты решают вопрос включения или невключения определенных значений в карту.

Т. К о р к и а к а н г а с (Timo Korhakangas, Финляндия) показал в своем выступлении, как кодирование ядерных актантов в латыни связано с линейным порядком слов и одушевленностью субъекта предикативным данным, вышеупомянутые факторы играли разную роль в разные периоды развития языка.

Т. Ю з е к (Tom Juzek, Великобритания) и Й. К и з а х (Johannes Kizach, Дания) рассказали о том, как статистический метод TOST (two one-sided t-tests) может помочь в лингвистических исследованиях. По мнению авторов доклада, классические статистические тесты (к примеру, тест Стьюдента) не всегда однозначно указывают на сходство данных даже при большом значении p -value. У TOST две нулевых гипотезы: первая состоит в том, что разница средних у двух выборок больше, чем некоторая заранее определенная δ , а вторая — в том, что эта разница меньше, чем минус δ . Если обе нулевых гипотезы отклоняются,

то принятая гипотеза звучит следующим образом: две выборки являются эквивалентными в пределах некоторого коэффициента δ . Значение этого коэффициента, как правило, исследователь устанавливает сам, основываясь на своих предыдущих исследованиях. Авторы доклада показали некоторые более объективные способы определения дельты.

Й. Леппянен (Jenni Leppänen, Финляндия) представила проект, который объединяет лингвистов и биологов из нескольких университетов Финляндии. В основе проекта лежит идея, что многие методы популяционной генетики могут заимствоваться лингвистами для сравнительно-исторических исследований. Более того, филогенетические деревья языков могут сравниваться с данными о генетической близости носителей этих языков. В докладе приводился пример продуктивности такого сотрудничества на материале исследования финских диалектов.

Ш. Робертс (Sean Roberts, Германия) выступил с методологическим сообщением об анализе корреляций в исследовании влияния языка на психологические и культурные особенности его носителей. Многие методы корреляционного анализа основываются на предпосылке, что все наблюдения в данных являются независимыми. Однако во многих исследованиях языков и культурных явлений используются данные, зависящие друг от друга: например, берутся языки только одной группы или только одного региона. В качестве примера автор рассматривал известное исследование, в котором показывалась корреляция между наличием в языке будущего времени и экономическим поведением его носителей. Утверждалось, что носители языков без будущего времени более запасливы, и поверхностный корреляционный анализ это подтверждал. В реальности же корреляция объясняется тем, что в исследовании использовались группы близкородственных языков, носители которых исторически жили рядом и разделяли общую культуру и экономическое поведение. Очевидно, что географически близкие культуры и языки не являются независимыми и не могут использоваться в стандартном корреляционном анализе. Ш. Робертс продемонстрировал, что если при расчете корреляции рассматривать данные, сгруппированные по языковым семьям или по странам, то корреляция между запасливостью и наличием в соответствующем языке грамматики будущего времени не подтверждается.

Д. Бласи (Damian Blasi, Германия) сделал доклад о применении графовых вероятностных моделей в лингвистических исследованиях. Большая часть его выступления была посвящена общему описанию этого класса моделей, который противопоставлялся остальным существующим

методам как наиболее объективный. В конце доклада приводились примеры использования таких моделей, в частности, для построения филогенетических деревьев.

К. Шмидтке-Бодде (Karsten Schmidtke-Bode, Германия) рассказал о работе над базой, содержащей данные о кодировании синтаксических актантов в языках мира. Применение квантитативных методов (в первую очередь, кластерного анализа) к этим данным позволяет пролить свет на многие проблемы, связанные с синтаксическими актантами: например, можно изучить дистрибуцию типов кодирования синтаксических актантов относительно тех семантических и синтаксических ролей, которые они выражают.

Э. Раунд (Erich Round) представил совместный с Дж. Маклин-Кордесом (Jayden Macklin-Cordes, Австралия) доклад о статусе типологических параметров. Основная мысль их доклада заключалась в том, что в типологических исследованиях часто используются «макропараметры», которые являются комбинацией нескольких «микрочастиц», наблюдающихся в данных. Такое комбинирование очень часто зависит от теоретических и методологических взглядов исследователя и не всегда является адекватным описанием для наблюдаемых языковых данных. В качестве примера неудачно выбранной переменной докладчик привел параметр «преназальной смычки», который в последнее время широко использовался в описании языков Австралии и Океании. В своем исследовании более чем двухсот языков Австралии и Океании авторы продемонстрировали, что этот параметр не позволяет адекватно сгруппировать близкородственные языки. Авторы пришли к выводу, что «преназальной смычки» не существует в реальности: это макропараметр, который был ошибочно введен исследователями — на микроуровне существует сочетание смычки и следующего за ней носового согласного.

Г. Мартыненко и Я. Ядченко (Санкт-Петербург) исследовали линейную структуру глагольной группы в стихах, написанных на разных европейских языках. Ключевой вопрос исследования состоял в том, одинаково ли часто в рассматриваемых языках заполняются только левая и только правая линейная периферия глагольной группы. Результат оказался следующим: только левая и только правая линейная периферия в английском языке оказались заполнены примерно с одинаковой частотностью; в русском языке левая периферия заполняется значительно чаще правой, а в финском языке, наоборот, правая периферия заполнена значительно чаще левой. В немецком и французском языках левая периферия заполняется несколько чаще правой. Во всех

языках, кроме русского, примерно в половине случаев были заполнены обе периферии; в русском языке такая ситуация была зафиксирована лишь в 30,4% случаев. Некоторые вопросы у аудитории вызвал тот факт, что исследование проводилось только на материале простых предложений, в то время как известно, что в придаточных предложениях порядок слов может сильно отличаться.

Доклад Н. С а м е д о в о й (Азербайджан) был посвящен правилу Крушевского — Куриловича, которое гласит, что чем шире значение языкового знака, тем чаще он употребляется в языке. Несмотря на то, что это правило давно известно лингвистам, оно редко используется в качестве инструмента при анализе языковых данных. Продуктивность подобного анализа была продемонстрирована на примере сравнительного анализа русских конструкций *начать* + инфинитив и *стать* + инфинитив.

Дж. Г р а ф м и л л е р (Jason Grafmiller, Бельгия) рассказал об одной модификации регрессионного анализа, основанной на адаптации метода MuPDAR¹. Докладчик утверждает, что при помощи этой модификации можно не только делать выводы о дистрибуции конкурирующих синтаксических конструкций, но и исследовать, как отличается выбор того или иного варианта у разных носителей в разное время. Детально в докладе рассматривалась конкуренция кодирования реципиента у дитранзитивных глаголов и кодирование одушевленного посессора в английском языке.

В докладе Д. К и р ь я н о в а и Б. О р е х о в а (Москва) рассматривалось применение теории графов к изучению свойств башкирского языка. По мнению авторов доклада, сеть, составленная из аффиксов языка (узлы — аффиксы, ребро между ними проводилось в том случае, если они встречались в непосредственном контакте в рамках одной слоформы), может помочь измерить степень его транскатегориальности.

О. Л я ш е в с к а я (Москва) на основании грамматических профилей лексем исследовала некоторые свойства категории числа у существительных в русском языке. Определив грамматический профиль числа (NumGP) как отношение количества употреблений лексемы во множественном числе к количеству ее употреблений

в единственном числе, докладчик показала, каким образом использование NumGP может помочь при описании лексической семантики некоторых лексем и, шире, таксономических групп: например, частей тела. Так, в докладе было показано, что процент употребления множественного числа оказывается выше у тех частей тела, которые являются более «активными».

Э. Д а л ь (Östen Dahl, Швеция) представил доклад о типологическом исследовании грамматических категорий. Исследование проводилось на материале параллельного корпуса переводов Библии. Такой корпус позволяет изучать большое количество языков и не смещен в сторону европейских языков, что часто является проблемой параллельных корпусов. Сначала корпус автоматически выравнивался с использованием байесовских моделей. Полученный выровненный корпус позволил искать определенные конструкции в одном языке и соответствующие им конструкции в параллельных корпусах. В результате создается грамматическое пространство — многомерное представление языков, в котором различные грамматические характеристики являются переменными, а языки — точками в этом пространстве. В докладе приводились примеры таких исследований для перфекта и прогрессива. Например, рассматривалось различие перфекта, образованного от слова со значением ‘иметь’ (*have done*) и от слова со значением ‘уже’ (*уже сделал*), которое встречается, например, в индонезийском языке. На основании корпусных данных было продемонстрировано, что перфект первого типа не всегда переводится вторым, и наоборот. Иными словами, несмотря на то, что эти формы несут одинаковые грамматические функции, они имеют разную сферу употребления. Это является дополнительным аргументом в пользу важности корпусных исследований, так как подобные различия не всегда возможно увидеть, используя только грамматическое описание.

На закрытии конференции председатель SKY Я. Л е й н о (Jaakko Leino, Финляндия) поблагодарил всех участников и организаторов конференции, а также призвал всех заинтересованных лиц присылать статьи в журнал финского лингвистического общества (SKY Journal of Linguistics).

¹ Gries S. T., Deshors S. C. Using regressions to explore deviations between corpus data and a standard / target: Two suggestions. *Corpora*. 2014. No. 9 (1). Pp. 109—136.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила предоставления рукописи:

1. Рукопись присылается в электронном виде по адресу: vorposy@mail.ru (и по запросу в распечатанном виде). Также необходимо прикладывать нестандартные шрифты, если такие использовались. При использовании нестандартных шрифтов, сложного форматирования и т. п. статья предоставляется в DOC и PDF.
2. Необходимо также предоставить подписанный договор о передаче авторского права (для статей, решением редколлегии принятых к печати). См. сайт: <http://vja.ruslang.ru>.
3. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, город, страна, место работы, занимаемая должность, ученая степень, телефон, электронный адрес.
4. Материалы, опубликованные ранее или направленные в редакции других журналов, не принимаются.
5. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Основные правила оформления статьи:

Текст статьи присылается в формате Microsoft Word for Windows; размер шрифта — 12, размер межстрочного интервала — полуторный; название статьи, ФИО автора и заголовки набираются полужирными строчными символами. Все заголовки выравниваются по центру. Заголовок статьи, ФИО автора и сведения о нем (название института или др. учреждения, город, индекс (учреждения), страна) аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

1. Примеры в тексте статьи принято давать курсивом, а их переводы в одинарных кавычках или кавычках-елочках.

2. Для смысловых выделений используется разрядка 2 пт или полужирный шрифт, термины выделяются кавычками (не курсивом).
3. Сноски должны быть постраничными.
4. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки: [Иванов 1998]. После года выпуска ставится двоеточие и номер(а) страниц(ы): [Иванов 1998: 35], или [Иванов 1998: 35—50], или [Иванов 1998: 35, 45, 50], или [Иванов 1998: 35 и сл.; Haspelmith 2008: 23 ff.]. Во избежание недоразумений укажите инициалы автора: [А. Е. Кибрик 2003; А. А. Кибрик 2003]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные уточнения: [Иванов 1998a; 1998b; Vailyn 1995a; 1995b].
5. Список использованной литературы дается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту. В этот список включаются только те работы, ссылки на которые есть в тексте статьи.
6. Библиография оформляется следующим образом:
Фамилия год — Фамилия И. О. Название монографии. Город: издательство, год.
Фамилия год — Фамилия И. О. Название статьи // Название журнала. Год. №. Диапазон страниц.
Фамилия год — Фамилия И. О. Название статьи // Название сборника. Город: издательство, год. Диапазон страниц.
Итак, в списке нужно указать «код работы» (фамилия, год выхода цитируемой работы). Если авторов больше двух, допустимо упомянуть только одного автора плюс выражение «и др.» или «et al.». «Кодом» сборника или иного аналогичного издания может быть фамилия редактора или сокращенное название сборника.
Образцы оформления библиографии смотрите на сайте журнала: <http://vja.ruslang.ru>.

Подписано к печати 18.03.2016   Дата выхода в свет 25.04.2016
Формат 70×100^{1/16}   Цифровая печать   Усл. печ. л. 13,0   Усл. кр.-отт. 5,8 тыс.
Уч.-изд. л. 15,5   Бум. л. 5,0   Тираж 435 экз.   Зак. 4
Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16
Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6